

71:05-7/90

Московский педагогический государственный университет

На правах рукописи

МОЛОДЧИК Анатолий Викторович

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СССР И
УРОВЕНЬ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В 1929-1953 гг.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант

д.и.н., проф. Данилов А.А.

Президиум ВАК России (решение от 18.02.2005 г., № 83/23) присудил ученую степень ДОКТОРА Исторических наук Начальник управления ВАК России
--

Москва – 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3-9
РАЗДЕЛ I. Историография и источниковая база исследования.....	10-30
РАЗДЕЛ II. Концептуальные подходы советского партийно-государственного руководства к реализации социальной политики СССР в 1929-1953 гг.....	31-97
РАЗДЕЛ III. Разработка и реализация социальной политики СССР в 1930-е гг.....	98-155
Раздел IV. Нападение фашистской Германии на СССР и изменение задач государственной социальной политики.....	156-215
Раздел V. Социальная политика советского государства в условиях восстановления народного хозяйства.....	216-296
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	297-309
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	310-322

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность выбранной темы диссертации определяется рядом существенных факторов, прежде всего, крайне низким общим уровнем жизни в России, когда на пороге бедности оказались не только традиционно наименее защищенные и малообеспеченные слои общества (например, пенсионеры и инвалиды), но и работники таких важнейших областей жизни как медицинская сфера, сфера образования, представители творческих профессий и т.д.

Важнейшая проблема, с которой столкнулась Россия сегодня, состоит в том, что проведенные в последние годы политические и экономические реформы не учитывали в должной мере социальный фактор, часто реализовывались в ущерб широким слоям российского общества. Пришедшие к власти в начале 1990-х гг. новые политические лидеры часто забывали, что социальный аспект является неотъемлемой частью любого экономического преобразования. Продолжавшийся на протяжении всех 1990-х гг. экономический спад значительно снизил возможности государства в сфере социальной защиты, что привело к заметному снижению социальных стандартов.

На современном этапе наметилась объективная тенденция к преодолению тяжелых социальных последствий экономических реформ. В то же время, современная власть пока еще не всегда способна создавать наиболее благоприятные условия для роста материального благосостояния граждан и повышения их жизненного уровня. В социально-экономическом плане трудовые затраты значительной части россиян остается крайне неэффективными и низкооплачиваемыми. Государство, безус-

ловно, должно сыграть ведущую роль в повышении уровня и качества жизни в России, однако для этого необходимо учитывать исторические уроки, в том числе и самого неблагоприятного в социальном отношении периода 1929-1953 гг., когда общество рассматривалось властью только лишь в качестве средства для реализации государственных экономических и военно-стратегических программ.

Изучение степени научной разработки темы диссертации, проведенное в первом разделе работы, показало, что исследование государственной социальной политики традиционно является наиболее интенсивно развивающимся направлением гуманитарного знания. Однако долгое время (до начала 1990-х гг.) этой проблемой занимались, главным образом, социологи и демографы. Серьезный массив исторических работ по проблемам советской социальной политики был создан только на рубеже 1980-1990-х гг., что связано как с постепенным преодолением официального догмата о «неустанной заботе партии и советского правительства о народном благосостоянии», так и с крайним обострением социальных проблем в условиях экономических реформ.

Анализ историографии показывает, что далеко не все работы, появившиеся за последние десятилетия, отличаются высоким научным уровнем, поскольку проблема уровня жизни населения в СССР оказалась излюбленной темой публицистики. В данной связи представленная в исследовании проблема представляется актуальной и с историографической точки зрения.

С учетом этого, диссертант избрал себе в качестве **цели исследования** изучение главных направлений государственной социальной политики СССР в 1929-1953 гг. и ее влияния на ди-

намику уровня жизни и быта советского населения.

Анализ степени научной разработки темы и поставленная цель требует решения следующих научных задач:

- определить главные тенденции в развитии историографии избранной темы и провести комплексный анализ источниковой базы диссертации;

- рассмотреть концептуальные подходы советского партийно-государственного руководства к реализации социальной политики СССР в 1929-1953 гг.;

- с привлечением обширного комплекса источников выявить тенденции и противоречия разработки и реализации социальной политики СССР в 1930-е гг.;

- показать социальные последствия нападения фашистской Германии на СССР и отразить изменение задач государственной социальной политики СССР в 1941-1945 гг.;

- раскрыть основные социально-экономические источники восстановления народного хозяйства советского государства в послевоенный период.

Хронологические рамки исследования охватывают 1929-1953 гг. - один из наиболее непростых и трагических периодов в социальной истории России. Исследуемая в диссертации проблема требует обращения к подготовительному этапу индустриализации и коллективизации, который стал переломным в социальной политике партии и советского правительства, временем, когда начался наиболее радикальный и болезненный для общества и трудный для власти процесс ломки старых и формирования новых социально-экономических отношений. Утвердившаяся в стране «компенсационная» модель социальной политики с незначительными изменениями сохранялась вплоть до

смены политического курса в 1953 гг., что и определило верхние хронологические рамки диссертации.

Источниковая база исследования достаточно разнообразна, ее составляют архивные материалы, документы партийного и государственного происхождения, статистические данные, воспоминания, мемуары и переодика, отразившие процесс разработки и реализации социальной политики советского государства в 1929-1953 гг. Подробный анализ источниковой базы диссертации проводится в первом разделе диссертации.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что в ней впервые с опорой на существенный комплекс документов предпринимается попытка рассмотрения социальной политики СССР 1929-1953 гг. во взаимодействии двух непосредственных участников социально-экономических преобразований - центральной власти с одной стороны и советского общества - с другой.

В частности автор показывает, что социальные преобразования власти были направлены на огосударствление всех сфер общественной жизни, вовлечение всех социальных слоев в решение экономических задач государства и ликвидацию экономического фундамента общественного самоуправления. Важнейшим условием реализации данной задачи стал бдительный контроль государственной власти над уровнем жизни и общественного потребления.

Одним из основных в работе является вывод о том, что социальная политика СССР в исследуемый период находилась в тесной зависимости от представлений партийно-государственного руководства о необходимых темпах индустриального развития. При этом уровень жизни основных катего-

рий населения напрямую зависел от решаемых правительством задач подготовки к войне, мобилизации всех сил государства для победы над фашизмом и восстановления страны в послевоенный период.

Автор обосновывает вывод о том, что в соответствии с задачами модернизации, советскому руководству было необходимо поставить все общественное производство под полный контроль бюрократического аппарата. Наиболее развитые формы данная политика получила в советской деревне, где уничтожались все основы крестьянского самоуправления, уникальные коллективные отношения и традиции. Социальная политика власти на селе соответствовала сформулированному лидерами большевиков принципу борьбы с мелкобуржуазной сущностью крестьянства. Главным образом этой причиной объясняется тот факт, что оплата труда в сельском хозяйстве никогда не превышала среднемесячной зарплаты промышленного рабочего.

Новаторским является комплексный анализ методов, использованных властью для привлечения финансовых средств населения на нужды решения хозяйственных проблем, в частности, налоговая политика и госзаймы. Одним из основных в данной части работы является вывод о том, что интенсивное развитие индустрии в условиях советской модели было невозможно без политики искусственного выравнивания уровня доходов основных категорий населения, а также централизованного, государственного распределения материальных фондов.

Новизной отличается авторская оценка трансформации военных методов решения социально-экономических проблем при восстановлении народного хозяйства в послевоенный пе-

риод. Исследование показало, что на протяжении всего исследуемого периода при выборе и реализации модели социальной политики приоритетными для власти оставались геополитические и военно-стратегические задачи, что исключало повышение качества жизни широких слоев советского населения. В данной связи особое внимание в диссертации уделено оценке направлений социальной политики различными группами населения страны. Как показало исследование, несмотря на работу идеологических органов, массовое недовольство городского и сельского населения уровнем заработной платы и бытовыми условиями становится неотъемлемой частью общественных настроений. Особенно заметно изменилось отношение людей к бытовому неустройству после окончания войны. Однако в условиях полного ограничения всех форм массового протеста социальная политика власти вплоть до смены политического курса в 1953 г. по-прежнему не оправдывала общественных ожиданий.

Один из заключительных выводов диссертации состоит в том, что итогом социальной политики сталинского руководства стало снижение уровня жизни городского населения, практически полное отчуждение крестьянства от распределения произведенной аграрной продукции, а также тотальная зависимость трудящихся всех категорий от экономических и иных решений власти.

Методологическую основу исследования составили диалектические методы познания, опора на обширный круг источников и литературы по проблеме. Исследование базируется на принципах историзма и объективности, критической интерпретации источника, систематизации и сравнительном анализе данных, деполитизированном подходе к истории, научном бес-

пристрастии. В целом, методологической основой работы стал проблемно-хронологический принцип, позволяющий анализировать факты и события в диалектическом ключе.

Научно-практическая значимость. Материалы диссертации будут способствовать углублению и расширению проблематики дальнейших теоретико-методологических и историографических работ по проблемам социально-экономического развития СССР. Выводы и рекомендации диссертанта могут быть использованы при определении и разработке новых научных изысканий с учетом тех концептуальных подходов и оценок, которые отражены в диссертации. Ее содержание может быть учтено при подготовке учебно-исторической литературы для студентов исторических факультетов, как по конкретной проблематике, так и по современной отечественной историографии. Материалы исследования можно использовать при разработке вузовских спецкурсов и спецсеминаров.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в опубликованной в 2003 г. монографии (19 п.л.) и иных научных публикациях автора. Диссертант принимал участие в ряде межвузовских и республиканских научных конференций, на которых выступал с докладами по проблемам социальной политики и экономического развития СССР в 1929-1953 гг.

РАЗДЕЛ I. Историография и источниковая база исследования

Истории социальной политики 1929-1953 гг. посвящено значительное количество работ, созданных как отечественными, так и зарубежными авторами. Научный интерес к данной теме никогда не ослабевал, поскольку социальные преобразования развитого сталинизма относятся к числу важнейших политических мероприятий в советской истории, на долгие годы коренным образом изменивших социально-экономические отношения в стране.

В истории изучения социальной политики СССР 1929-1953 гг. автор выделяет три основных периода, на протяжении которых избранная тема изучалась с различной степенью интенсивности и в рамках различных историографических подходов. В соответствии с проблемно-хронологическим принципом в историографии выделяется период с 1929 по 1953 гг., с середины 1950-х до начала 1990-х гг. и с 1991 по 2003 г.

Первые исследования, посвященные социальной политике избранного периода, стали появляться уже в ходе проведения индустриализации и коллективизации. Их авторами были в основном партийные и советские работники, журналисты, а также работники социальной сферы.¹ Все проблемы, рассматривавшиеся в работах начала 1930-х гг., были тесно увязаны с осуществлявшимися параллельно политическими

¹ См., напр.: Азизян А.К. Для чего нужна индустриализация страны. М.-Л., 1929; Кольцов А.А. Роль партийных органов в повышении уровня материального благосостояния советского народа. М., 1930; Варенкис И. О сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Воронеж, 1930; Яковлев Я.А. Рабочий класс в СССР. М., 1931.

ществлявшимися параллельно политическими мероприятиями. В силу этого, авторы, как правило, заявляли о колоссальном влиянии политики индустриализации и коллективизации на рост народного благосостояния, о правильности официального курса социальной политики.²

Оценивая положение рабочего класса, историки выделяли его особую социальную роль в СССР.³ Именно пролетариат оценивался советскими исследователями как класс-гегемон, который определяет будущее страны.⁴ Подобные оценки, в условиях крайне низкого уровня жизни советских рабочих, свидетельствуют о колоссальном отрыве исторической науки от реальности, ее чрезмерной идеологизации, препятствовавшей объективному научному анализу социального развития СССР в 1930-е гг.

Значительное место в историографии 1930-х гг. уделялось вопросу классовой борьбы в деревне, который, как правило, затрагивался в большинстве исследований этого периода. Авторами, в частности, Н. Лаговиером, А. Роднянским, П. Сиротининым,⁵ уделялось первостепенное внимание необходимости

² См.: Истрин П.А. Политика партии на современном этапе и рост уровня жизни в СССР. М., 1934; Груша М. Планирование и организация труда в колхозах. Иваново-Вознесенск, 1933.

³ См.: Валидов А.С. Коммунистическая партия – организатор и руководитель рабочего класса СССР. М., 1935.

⁴ См., напр.: Лыков А.С. Строительство социализма и рабочий класс. М., 1939; Павлов В.В. Гордость советской республики: рабочий класс РСФСР в борьбе за строительства социализма. М., 1938 и др.

⁵ См.: Лаговиер Н., Роднянский А. Социалистическое наступление и кулацкий террор. М.-Л., 1930; Ткаченко Е. Кулак отступает с боем. М., 1930; Сиротинин П.Н. Кулак отступает с боем. М.-Л., 1931.

изоляции зажиточного крестьянства и борьбы с ним, как фактору для успешного формирования новой системы хозяйствования в деревне. Касаясь вопроса значимости коллективизации для крестьянства, исследователи главное ее преимущество видели в избавлении сельского населения в новых условиях от «жесточайшей эксплуатации кулачества».⁶

В историографии 1930-х гг., ориентировавшейся на официальные правительственные документы, повышение материального благосостояния всех категорий трудового населения рассматривалось как важнейшая задача социальной политики. На данном этапе считалось, что именно ликвидация эксплуатации была для рабочих и крестьянства первостепенной необходимостью, при этом часто забывалось, что население СССР в ходе индустриализации и коллективизации попадало под более жесткий - государственный гнет. Вполне естественно, что авторами, в силу продуманной, по их мнению, социальной политики власти, отрицалась сама возможность противодействия основной части населения социально-экономическому курсу правительства.⁷

Наличие объективно существовавших бытовых и хозяйственных трудностей в историографии 1930-х гг., как правило, связывалось с деятельностью «враждебных элементов», созна-

⁶ См.: Сергеев Г.С. Борьба с кулачеством в годы социалистической реконструкции народного хозяйства (1926-1937 гг.). М., 1932. С. 19; Власов М.Е. К вопросу о социалистической реконструкции промышленного производства. М., 1932. С. 15.

⁷ См.: Мотова А. Что дала Советская власть рабочим и крестьянам? М., 1937; Яковлев Я.А. Об организационно-хозяйственном укреплении колхозов и о развитии колхозной торговли. М., 1932. С. 5.

тельно срывавших планы советского правительства.⁸ В «Кратком курсе», созданном под бдительным контролем высшего руководства, проводилась мысль о массовой поддержке населением социальных преобразований власти, о достижении жителями города и деревни «положения обеспеченных людей»,⁹ что явно не соответствовало реальному состоянию дел.

В целом, несмотря на весьма поверхностный характер большинства исследований 1930-х гг., эти работы представляют значительную историографическую ценность, поскольку они были написаны по горячим следам происходивших событий и зачастую непосредственными их участниками.

В 1940-е гг. интерес к проблемам социальной политики начал усиливаться. Причиной этому был ряд политических обстоятельств. В годы войны исследователям было необходимо показать заботу партии о населении в переломный для страны период. В послевоенные годы, когда стояла задача в короткие сроки восстановить разрушенную войной экономику, а также перевести ее на мирные рельсы, вопросы уровня жизни и материального обеспечения трудящихся вновь оказались в центре внимания ученых.¹⁰

В отечественной историографии рубежа 1940-х – 50-х гг. наибольший интерес представляют работы, написанные на ма-

⁸ См.: История Всесоюзной Коммунистической партии (большеви-ков). Краткий курс. М., 1997.

⁹ Там же. С. 305.

¹⁰ См.: Дегтярь Д. Возрождение районов РСФСР, подвергшихся немецкой оккупации. М., 1947; Дьячков И.В. Восстановление советской деревни. М., 1947; Еремеев В.Н. Колхозный трудодень. М., 1948; Зотов В.П. Развитие пищевой промышленности в новой пятилетке. М., 1947.

териалах отдельных местностей советского государства.¹¹ Некоторыми исследователями были высказаны осторожные предположения о наличии во взаимоотношениях населения и власти определенных противоречий, вызванных деятельностью региональных организаций. Так, З.В. Алексеева отметила, что еще в начале 1930-х гг. в ряде районов страны «были отмечены случаи серьезного недовольства крестьянства государственной политикой».¹² Разумеется, автор не говорил о том, что антиколхозные настроения материализовались в противодействие власти. Наоборот, по мнению З.В. Алексеевой, партия быстро исправила все недочеты и ошибки, что в итоге устранило напряженность в деревне. И все же, первые диссертации по проблемам социальной политики, несмотря на свой общий характер, представляют значительный историографический интерес.

В начале 1950-х гг. ученые главное внимание уделяли изучению роли государства в социальной жизни страны, а сами работы писались в историке-партийном ключе.¹³ В целом, большинство работ до середины 1950-х гг. носили поверхност-

¹¹ См.: Плющев Г.К. Борьба за повышение уровня жизни рабочих в Курском округе (1928-1939 гг.) Автореферат дисс... канд. ист. наук. Курск, 1948; Алексеева З.В. Борьба ярославских большевиков за коллективизацию сельского хозяйства и ликвидацию кулачества как класса в годы первой сталинской пятилетки (1928-1932 гг.). Автореферат дисс... канд. ист. наук. М., 1951 и др.

¹² См.: Алексеева З.В. Указ. соч. С.12.

¹³ См.: Марьяхин Г.Л. Налоги и сборы с колхозов и населения. М., 1949; Петров Р.А. Экономика СССР в период Великой Отечественной войны. (1941-1945 гг.). М., 1952; Акимова А.Ф. Переход партии от политики ограничения эксплуататорских тенденции кулачества к политике ликвидации кулачества как класса. Дисс... канд. ист. наук. М., 1953 и др.

ный, описательный характер. Многие авторы не избежали цитатно-иллюстративного метода подачи материала. Объективное исследование уровня жизни советского населения в условиях идеологического контроля было серьезно затруднено.

Пересмотр многих догм оказался возможен только в послесталинскую эпоху. Начиная со второй половины 1950-х гг., вследствие произошедших в стране социально-политических изменений, у исследователей появились более широкие возможности для ведения научной работы. В это время значительно возросло число исследований, расширилась их проблематика, в значительно большем объеме учеными стали использоваться документы и архивные материалы. В этот период появились многочисленные научно-исследовательские статьи по социальной истории, начали регулярно проводиться сессии, симпозиумы и научные конференции, посвященные социальным проблемам. Вследствие активной научной деятельности возникла необходимость обобщения проделанной исследователями работы, результатом чего стало появление целого ряда историографических трудов. Со второй половины 1950-х гг. существенно возрос научный уровень работ, более совершенной стала методика исследования.¹⁴

¹⁴ См.: Котиков А.В. Обеспечение рабочих жильем в годы восстановления народного хозяйства. М., 1961; Соколов Б. Промышленное строительство в 1930-е гг. М., 1962; Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Основные проблемы истории коллективизации сельского хозяйства в современной советской исторической литературе. М., 1961; Сышляев В.А. Торжество ленинского кооперативного плана (историографический очерк). Л., 1972 и др.

Историки подчеркивали продуманность, справедливость и гуманность социально-экономической политики партии и государства в отношении различных, особенно малоимущих и пострадавших от войны слоев населения.¹⁵ Привлечением обширных статистических данных отличались работы И.Е. Зеленина, М.И. Хлусова, И.М. Волкова.¹⁶ Вопреки идеологическим ограничениям эти авторы смогли обоснованно показать не только положительные, но и некоторые отрицательные стороны советской социальной политики, особенно в деревне.

В 1972 году появилась многотомная «История социалистической экономики СССР», в которой центральной идеей послевоенного развития государства было объявлено восстановление разрушенного войной народного хозяйства.¹⁷ Все остальные идеи, в том числе идея повышения материального благосостояния граждан страны, рассматривались как частные вопросы, производные от основной задачи.

В связи с неудачей внутренних реформ и проблемами развития социалистического лагеря (чехословацкие события 1968 г.) в исторической науке СССР наметились регрессивные тенденции, которые особенно негативно проявились в историо-

¹⁵ См.: Фурув В.Г. Забота КПСС о повышении благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства. М., 1960; Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. М., 1964; Макарова И.В. Подсобное хозяйство колхозников. М., 1973 и др.

¹⁶ См.: Зеленин И.Е. Совхозы СССР (1941-1950). М., 1969; Хлусов М.И. Развитие советской индустрии. 1946-1958. М., 1977; Волков И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946-1950 годах. М., 1972; Волков И.М. Засуха, голод 1946-1947 годов // История СССР. 1991. № 4. С. 11 и др.

¹⁷ См.: История социалистической экономики СССР. М., 1972. Т. 5.

графии рубежа 1970-х - 1980-х гг.¹⁸ Ряд сложных проблем социальной политики остался по существу вне поля зрения историков. Наряду с новыми оценками в освещении фактического массива часто встречались стереотипы, догматические, конъюнктурные подходы. Историческая наука рассматриваемого периода все еще была подвержена бдительному контролю со стороны власти.¹⁹ Несмотря на это, в 1970-80-е годы появляются интересные работы, посвященные обеспечению населения жильем, уровню народного потребления, росту заработной платы и другим социальным вопросам.²⁰

В эпоху перестройки 1985-1991 годов появилась серия работ, написанных в своеобразном историко-публицистическом стиле. Они содержат значительное количество фактического материала, но в них не всегда указывается, откуда взяты эти

¹⁸ См.: Громов Е. Экономические основы социальной политики советского государства в 30-е гг. М., 1976; Лукин С.А. Изменение условий жизни тружеников угольной промышленности Кузбасса в восстановительный период (1945-1953). М., 1977; Советская культура и духовный мир человека труда. Сборник. М., Советский писатель. 1979; Маматова Л.П. Советское общество. М., Знание. 1982 и др.

¹⁹ См.: Кузнецов Ф. Политика и общество // Партийная жизнь. 1979. № 16; Основы социальной политики СССР в 30-50-е гг. М., 1979; Пименова В.Н. Проблемы общественного развития в начале 30-х гг. М., 1981; Советское общество после Великой Отечественной войны. М., 1978; Камшалов А.И. Открывая мир. М., Молодая гвардия. 1979; Historians answer the questions. / Под общей ред. Н.Н. Маслова. М., 1988.

²⁰ См.: Астемиров З.А. Политика партии и советского правительства по обеспечению населения жильем в 1930-40-е гг. М., 1975; Рост заработной платы рабочих текстильной промышленности в годы индустриализации. М., 1982; Социальные процессы в советской деревне в годы войны (1941-1945 гг.). М., 1981 и др.

сведения. Наиболее показательна в этом смысле работа Д.А. Волкогонова «Триумф и трагедия», материалы которой необходимо перепроверять и использовать с осторожностью.²¹ Сложности переходного периода конца 1980-1990-х гг. не могли не отразиться в развитии исторической науки. Далекое не все авторы учитывали многомерность исторического процесса, чаще занимаясь поиском виновных, а не объективным анализом социально-экономической действительности 1929-1953 гг.²²

В отличие от предшествующего периода, социально-экономическая политика государства в историографии конца 1980-х - начала 1990-х годов оценивалась, как правило, с негативной стороны.²³

Только появившиеся в 90-е годы XX в. новые информационные возможности в развитии исторической науки, появление зарубежных публикаций, расширение архивной базы исследований (главным образом, новых документов из рассекреченных коллекций РГАСПИ и РГАНИ) позволило вывести разработку темы на качественно новый уровень.

В 1990-е гг. появляются глубокие и оригинальные исследования В.П. Попова, показавшего себя ведущим специалистом в области комплексного анализа уровня жизни населения СССР

²¹ См., напр.: Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. М., 1990 и др.

²² См.: Поляков Ю.А. Исторический процесс многомерен // Страницы истории советского общества. М., 1989.

²³ См.: Режим личной власти Сталина. К истории формирования // Под ред. Ю.С. Кукушкина. М., 1989; Попов В.П. Государственный террор в Советской России. 1923-1953 годы // Отечественные архивы. 1992. № 2; Помним о вас. Страницы истории. М., 1989; Мяло К. Оборванная нить // Новый мир. 1988. № 8.

и разработки государственной социально-экономической политики. Им была опубликована серия статей, а также сборник документальных материалов, получивших высокую оценку научной общественности.²⁴

Исследователи приходят к выводу о теснейшей зависимости уровня материального благосостояния населения СССР и тех задач внешней политики, которые ставило перед страной политическое руководство. В 1995 г. появился сборник статей «СССР и холодная война». События «холодной войны» его авторы впервые исследуют не только с точки зрения внешней политики СССР и Запада, но и в связи с тем влиянием, которое оказало это противостояние на внутренние процессы, проходившие в советской стране.²⁵ В работе показано, что стремительная гонка вооружений оказалась возможной только благодаря жестокой эксплуатации промышленных рабочих и особенно колхозных крестьян. К этому же выводу приходит и Н.С. Симонов, подготовивший наиболее полную на сегодняшний день монографию по данной проблематике.²⁶

Историки стремились показать, что социально-экономический произвол власти в значительной мере обеспечивался идеологическим давлением и пропагандой. В этом

²⁴ См.: Попов В.П. Неизвестная инициатива Хрущева // Отечественные архивы. 1993. № 2; Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 - март 1953 гг.). Сборник документов. М., 1993; Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946-1953 гг. Тамбов, 2000.

²⁵ См.: СССР и холодная война // Под ред. В.С. Лельчука, Е.И. Пивовара. М., 1995. 312 с.

²⁶ См.: Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы: темпы экономического роста, структура, структура, организация производства и управление. М., 1996.

смысле представляет интерес работа коллектива авторов, объединенная в книге «Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал» под редакцией Ю.Н. Афанасьева и В.С. Лельчука.²⁷ В ней рассматриваются различные аспекты социальной политики СССР, развитие военно-промышленного комплекса, самого механизма управления народным хозяйством.

Экономические надежды и ожидания советского социума отражены в монографии Е.Ю. Зубковой «Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953 гг.».²⁸ Повседневная жизнь и быт людей послевоенного СССР настолько комплексно до настоящего времени еще не исследовались. Знакомство с письмами и воспоминаниями простых граждан позволило Е.Ю. Зубковой увидеть советскую жизнь не только с внешней стороны, но глазами самих людей того времени. Особый интерес представляет исследование Е.А. Осокиной «За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941 гг.», раскрывающее истинное содержание сталинской социальной политики.²⁹ Уделив основное внимание изучению экономического развития страны в 1920-30-е гг., автор сделала акцент на вопросах снабжения населения товарами и продовольствием, а

²⁷ См.: Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал // Под редакцией Ю.Н. Афанасьева и В.С. Лельчука. М., 1997. Т. 2.

²⁸ См.: Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М., 1999.

²⁹ См.: Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941 гг. М., 1998.

также осветила уровень жизни населения в годы первых пятилеток.³⁰ В итоге, Е.А. Осокина пришла к неутешительному выводу о том, что «в результате огосударствления и централизации экономики в СССР был создан тип хозяйства, который определил низкий материальный уровень жизни общества на все годы существования советской власти».³¹ В стране образовалась своеобразная «иерархия потребления», причем крестьянство занимало в этой иерархии низшую ступень, имея самые низкие доходы и уровень жизни. Рассмотрение Е.А. Осокиной уровня жизни советского общества являлось весьма примечательным явлением для исторической науки 1990-х гг.

В 1990-е гг. продолжал свои исследования развития аграрного сектора страны В.Ф. Зима. В 1996 г. вышла в свет его монография, посвященная происхождению и последствиям голода в СССР в 1946-1947 гг.³² В ней получили отражение и различные аспекты социально-экономической политики сталинского руководства СССР в первые послевоенные годы. Можно констатировать, что осмысление многих вопросов проведено в работе на достаточно высоком исследовательском уровне. Весь груз вины за гибель людей от голода В.Ф. Зима возлагает не на трудности послевоенного времени, а на политическое руководство государства. Опираясь на документы, он показывает, что

³⁰ См.: Осокина Е.А. Иерархия потребления: о жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928-1935 гг. М., 1993; Она же. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М., 1999.

³¹ См.: Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». С. 236. 27.

³² См.: Зима В.Ф. Голод в СССР 1946-1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. 265 с.

И.В. Сталину были прекрасно известны аграрные проблемы, связанные с летней засухой 1946 г.

Особенности социальной политики власти затрагиваются в монографии Р.Г. Пихои «Советский Союз: история власти. 1945-1991».³³ Автор, основываясь на недавно открытых документах, показывает работу институтов власти по управлению промышленностью и сельским хозяйством.

В 2000-ом году вышла целая серия серьезных работ, в которых исследователи раскрывают различные стороны социальной и политической системы Советского Союза 1929-1953 гг. Заметным явлением в историографии послевоенного периода стала работа А.А. Данилова «Сталинского Политбюро в послевоенные годы», созданная на основе уникальных документов из Архива Президента Российской Федерации.³⁴ В монографии Данилова А.А. и Пыжикова А.В. «Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы» сделан справедливый вывод о том, что первые послевоенные годы оказались «обделенными» в советской историографии.³⁵ Авторы полагают, что методологически неоправданным является вывод, традиционный для литературы прежних лет, о том, что главным содержанием первого послевоенного периода стало «восстановление и развитие народного хозяйства СССР в годы четвертой пятилетки». Главным было другое — стабилизация политического режима, сумевшего в годы войны не только сохраниться, но и заметно

³³ См.: Советский Союз: история власти. 1945-1991 гг. М., 1998.

³⁴ См.: Данилов А.А. Сталинское Политбюро в послевоенные годы. В кн.: Политические партии. Страницы истории. М., 2000.

³⁵ См.: Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М.: Росспэн, 2001. С. 3.

окрепнуть, в том числе и за счет снижения уровня жизни простых граждан.

В монографии Ю.Н. Жукова «Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков» проводится многоплановый анализ деятельности заявленных в названии персоналий, по различным, в том числе социально-экономическим направлениям. Ценно то, что автор опирается на архивные фонды РГАСПИ, записи личных бесед с некоторыми высокопоставленными руководителями советского государства 1929-1953 гг.³⁶

В целом, историографический анализ показал, что истории социальной политики СССР посвящено значительное количество серьезных исследований, однако это не значит, что заявленная тема раскрыта в должной мере. Изучение социальных процессов и уровня жизни населения СССР, как правило, проводилось в ограниченных хронологических рамках (обычно – довоенного, военного и послевоенного периодов), а также на материалах отдельных районов и местностей страны, тогда как в представленной диссертации осуществлено комплексное исследование социальной политики СССР в 1929-1953 гг. в общесоюзном масштабе.

Источниковая база исследования достаточно разнообразна, ее составляют архивные материалы, документы партийного и государственного происхождения, статистические данные, воспоминания, мемуары и переписка, отразившие процесс разработки и реализации социальной политики советского государства в 1929-1953 гг.

³⁶ См.: Жуков Ю.Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М.: «Терра», 2000.

Значительная часть материала по теме исследования почерпнута автором из архивных источников. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) автором изучены документы высших органов государственной власти — Совета Министров СССР, министерства финансов и ряда других министерств. Большую помощь в работе над диссертацией оказали документы «особых папок» И.В. Сталина, А.Г. Зверева, Л.П. Берия, В.М. Молотова, Н.С. Хрущева, где содержатся особо важные материалы по вопросам социальной политики. В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) хранятся многочисленные дела с протоколами Политбюро и Секретариата ЦК ВКП (б), Оргбюро ЦК, ряда отделов. В фонде Центрального Комитета КПСС (ф. 17) содержатся справки, доклады и информация ЦК союзных республик, обкомов и крайкомов партии о работе отдельных промышленных предприятий и колхозов. Особое место заняли документы из фондов И.В. Сталина (ф. 558), А.А. Жданова (ф. 77), В.М. Молотова (ф. 82), Г.М. Маленкова (ф. 83), содержащие уникальные документы и материалы по ключевым вопросам социальной политики. Особое место заняли документы переписки Сталина с высшим партийным руководством в период его отпусков. Именно эти документы и рабочие материалы к ним позволяют проследить то, что до сих пор оказывалось недоступным для исследователей — механизмы принятия ключевых политических решений в вопросах советской социально-экономической политики.

Отдельные материалы были отобраны автором в Российском Государственном Архиве новейшей истории (РГАНИ). Среди них большое значение имеют стенограммы съездов ВКП

(б) и пленумов ее ЦК. Документы этого архива отражают настроения советских граждан, их оценки важнейших социально-экономических решений партии и правительства. Для уточнения и конкретизации истинного материально-экономического положения советского населения был привлечен Российский Государственный Архив экономики (РГАЭ), в фондах которого содержатся документы, позволяющие определить уровень развития и производственные мощности важнейших промышленных предприятий страны, а так же уровень заработной платы рабочих.

Кроме центральных архивов, автор использовал отдельные фонды региональных архивов, главным образом, центральной части России.

Существенной частью источниковой базы диссертации являются материалы открытых публикаций. В их числе - документы государственных и партийных органов, резолюции и решения съездов, конференций, пленумов, различного рода совещаний по вопросам социальной политики. Наиболее существенным источником, отразившим государственную социальную политику начала 1930-х гг. являлось издаваемое еще в годы первой пятилетки собрание законов и распоряжений советского правительства.³⁷ Эти сборники содержали все изменения в законодательстве и действовавшие в стране в 1930-е гг. нормативные акты, в том числе и в области социальных отношений. В то же время, наиболее жесткие постановления власти, связан-

³⁷ См.: Собрание Законов и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. М., 1928-1934 гг.; Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. М., 1928-1934 гг.

ные, прежде всего, с репрессивной политикой, не публиковались и в этих ежегодных изданиях.

Немалую роль для исследователей эпохи 1929-1953 гг. играло также выпущенное в 1967 г. многотомное издание - «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам».³⁸

Начиная со второй половины 1960-х гг. стали активно публиковаться документы регионального уровня. В это время в связи с подготовкой к празднованию 50-летия Октябрьских событий 1917 г. было решено начать издание серии сборников документов, посвященных социальным преобразованиям в отдельных регионах.³⁹ Особый интерес представляет изданный в Рязани сборник, посвященный социальной политике в Центральном промышленном районе.⁴⁰ Документы именно этого сборника в итоге стали основой для советских историков, изучавших социальную историю 1930-х гг. Документы, посвященные социальным переменам в отдельных регионах страны, активно публиковались вплоть до конца 1980-х гг.⁴¹

Немалый интерес представляют сборники статистики. Издание статистических материалов, затрагивавших эпоху 1929-1953 гг., как правило, проводилось в связи с юбилейными ~~вехами~~⁴². Это определяло подбор сведений и цифрового ~~материала~~³⁸. См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.Т.1-2. М., 1967 и др.

³⁹ См.: Социальное развитие Среднего Поволжья. Документы. М., 1973; Социальная история СССР. Документы и материалы. (1927-1937). Куйбышев, 1970 и др.

⁴⁰ См.: Социальная история Центрального промышленного района (1927-1937 гг.) / Под ред. П.П. Кирьянова. Рязань, 1971.

⁴¹ См., напр.: Биография края моего. Ярославль, 1967; Ярославский край в документах и материалах (1917-1977). Ярославль, 1980; Ярославль социалистический. Ярославль, 1982.

ми.⁴² Это определяло подбор сведений и цифрового материала. С их помощью показывался постоянный рост уровня жизни населения, повышение эффективности производства, улучшение благосостояния рабочих и крестьянства.⁴³

В 1984 г. вышло очередное наиболее полное собрание постановлений Центральных органов Коммунистической партии.⁴⁴ Оно стало последним изданием доперестроечного периода, в котором была традиционно показана важная и позитивная роль партийных органов в подготовке и осуществлении социальных преобразований 1929-1953 гг. В нем отсутствовали документы, бросавшие тень на партию, показывавшие репрессивные моменты ее деятельности по отношению к советскому населению. Кроме того, в сборнике были отражены лишь конечные результаты деятельности партийных органов по принятию политических решений, но не обозначен сам процесс выработки этих решений в виде стенограмм, выступлений деятелей партии и т.д. Подобная однобокость при рассмотрении социальной политики стала в значительной мере преодолеваться с конца 1980-х гг., когда, в силу известных политических изменений, произошедших в стране, было разрешено свободно обсуждать многие

⁴² Социальная история России: статистический справочник. М., 1967; Ивановская область за 50 лет. Иваново, 1967; Ярославская область за 60 лет. Ярославль, 1977.

⁴³ См.: Ярославская область: краткий статистический справочник. Ярославль, 1957; Сельское хозяйство СССР. М., 1960 и др.

⁴⁴ См.: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т.4-6. М., 1984, 1985.

негативные аспекты советской истории, в том числе и эпохи 1929-1953 гг.

В 1990-е гг. в связи с очевидным поворотом исторической науки в социальную плоскость активно публиковались документы, показывающие жизнь и настроения советского населения в условиях «большого скачка». К ним, прежде всего, относятся крестьянские воспоминания и письма,⁴⁵ из которых оригинальностью подачи материала и его всесторонностью выделяются публикации В.А. Соколова.⁴⁶

Значительную пищу для размышлений и авторского анализа дали воспоминания участников событий тех лет — В.М. Молотова, А.И. Микояна, Н.С. Хрущева, С.И. Аллилуевой, И.С. Конева, Г.М. Маленкова, С.Л. Берия, П.К. Пономаренко, Н.С. Патоличева. Далекое не все оценки государственных деятелей могут быть признаны объективными, однако на основе их сопоставления можно сделать выводы о тех процессах, которые происходили в обществе в период с 1929 по 1953 гг.⁴⁷ Особенности проведения денежной реформы подробно освещены в мемуарах министра финансов А.Г. Зверева.⁴⁸ О том, кто прини-

⁴⁵ См.: «Проклятия крестьян падут на вашу голову...». Секретные обзоры крестьянских писем в газету «Правда» в 1928-1930 гг. // Новый мир. 1993. № 4. С. 166-183; Голоса крестьян. Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996 и др.

⁴⁶ См.: Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. М., 1997; Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах. М., 1998.

⁴⁷ См.: Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999; Хрущев Н.С. Воспоминания. М.: Вагриус, 1997; Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М.: Тера, 1991.

⁴⁸ См.: Зверев А.Г. Записки министра. М., 1973.

мал важнейшие социально-экономические решения рядом со Сталиным можно судить, основываясь на материалах протоколов сталинского секретариата, вышедших в журнале «Исторический архив» в 1995 г.⁴⁹ Не только публицистический, но и научный интерес представляют воспоминания С.Л. Берия (Гегичкори), собранные в автобиографической книге «Мой отец – Лаврентий Берия».⁵⁰ Здесь С.Л. Берия дает свою оценку всей социально-экономической системе Советского Союза и причин сложностей его развития. Очень информативны и содержательны мемуары К.М. Симонова, который в записках попытался отобразить взгляд и ощущения простого человека, свидетеля всех сложных перипетий советской истории 1930-х – начала 1950-х гг. Именно этим наблюдения Симонова и важны, так как позволяют в деталях увидеть внутреннее содержание произошедших в обществе событий.⁵¹

На основе обзора источниковой базы автор делает вывод о том, что в настоящее время назрела необходимость в публикации комплекса документов личного происхождения (в том числе и на региональном уровне), что позволило бы всесторонне рассмотреть особенности социальной политики в переломную эпоху в жизни страны.

В целом, использование разнообразных исторических материалов и источников позволило составить более полное

⁴⁹ См.: Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина // Исторический архив. 1995. № 5. № 6.

⁵⁰ См.: Берия С.Л. Мой отец – Лаврентий Берия. М.: Современник, 1994.

⁵¹ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. М., 1989.

представление о социальном развитии СССР в 1929-1953 гг. и уровне жизни основных категорий населения.

РАЗДЕЛ II. Концептуальные подходы советского партийно-государственного руководства к реализации социальной политики СССР в 1929-1953 гг.

По мере восстановления на рельсах нэпа народного хозяйства все более злободневным в большевистском руководстве становится вопрос об индустриализации страны. Споры шли о темпах индустриального развития, об источниках его финансирования, о возможности радикальных сдвигов в структуре народного хозяйства и т.д. Выбор курса индустриализации был тесно связан с внутривнутрипартийной борьбой в ВКП(б).

С поражением Бухарина и его сторонников выбор был сделан в пользу плана форсированной индустриализации (или по Троцкому – сверхиндустриализации). Этот выбор определил и «великий перелом», и весь характер развития страны на многие годы.

Увеличение темпов промышленного производства мыслилось путем усиления плановой дисциплины и централизации хозяйственного руководства, вытеснения экономических методов управления административными. А для этого нужно было окончательно сломать нэп, осуществить до конца курс на максимальное обобществление и огосударствление всех сторон экономической жизни.

Стремление во что бы то ни стало «перетроцкистить» троцкистов, т.е. увеличить непомерно темпы индустриализации, породило командный стиль управления экономикой, волюнтаризм, достижение целей любой ценой.

В период индустриализации непродуманные действия политического руководства страны, скороспелые решения, непо-

мерно высокие темпы роста промышленности приводили к срывам, авариям, снижению качества продукции и т.д. Следовало объяснить народу причины хозяйственных неудач. Их нашли в подрывной контрреволюционной деятельности «врагов» индустриализации, с которыми следовало бороться самым решительным образом.

Конечно, были и реальные враги, которые вели борьбу против Советской власти. Была и реальная внешняя угроза, с которой не могли не считаться руководители Советского государства. Все это и объясняет то, что в конце двадцатых-тридцатые годы карательные органы организуют борьбу против вредителей народного хозяйства, которые якобы сознательно совершают диверсии, дабы затормозить развитие производительных сил молодой республики. 58 статья Уголовного кодекса позволяла успешно вести борьбу с «вредителями». Пункт 14 статьи 58 гласил: «Контрреволюционный саботаж, т.е. сознательное невыполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата влечет за собою лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже одного года, с конфискацией всего или части имущества, с повышением наказания при особо отягчающих обстоятельствах вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела, с конфискацией имущества».⁵²

Против «врагов» индустриализации проводятся показательные судебные процессы («Шахтинское дело», дела «Промпартии», «Союзного бюро ЦК меньшевиков» и др.).

⁵² Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. С. 223.

В середине 30-х годов карательные органы стали усиленно бороться с «враждебными и отсталыми элементами», которые якобы «пытаются дискредитировать и задержать стахановское движение». В отчете Верховного Суда СССР за 1935 год, отмечалось, что «в ряде мест дезорганизаторам стахановского движения был нанесен суровый удар. Однако, наряду с этим, обнаружено много случаев... недостаточно эффективной репрессии к прямым врагам стахановского движения».⁵³

Во второй половине 30-х годов НКВД проводит ряд операций по вскрытию «вредителей народного хозяйства» в различных отраслях промышленности.

В марте-апреле 1937 года обнаружена «антисоветская организация троцкистов и правых» в военно-химической промышленности.⁵⁴ В июле 1937 года НКВД «репрессировал лиц, подозреваемых в бактериологической диверсии из числа иностранных подданных, лиц, связанных с границей и активных антисоветских элементов, работавших на водопроводных и бактериологических станциях, научно-исследовательских институтах и лабораториях, занимающихся микробиологией». В Директивном указании НКВД утверждалось, что лица, подозреваемые в бактериологической диверсии, связаны с разведывательными органами Японии, Германии и Польши. Они пытаются «отравлять водоисточники и пищевую продукцию». В связи с этим нарком НКВД приказал «немедленно начать специальную чистку личного состава водопроводных станций, бактериологических станций, научно-исследовательских институ-

⁵³ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 95. Л. 17.

⁵⁴ Обзор деятельности антисоветских организаций троцкистов и правых на военно-химических заводах.

тов и лабораторий, занимающихся микробиологией». Для этого из числа работающих в данных учреждениях немедленно арестовывались: «а) все иностранные подданные; б) бывшие иностранцы, принявшие советское гражданство; в) лица, связанные с заграницей...; г) активные антисоветские элементы».

Борьба с «вредителями» наносила огромный вред народному хозяйству. Этого не могли не видеть руководители промышленности. Но страх заставлял большинство из них молчать. Один из немногих, кто отважился защищать своих людей, был нарком тяжелой промышленности Орджоникидзе. С Орджоникидзе в 30-е годы произошла примерно такая же метаморфоза, что и с Дзержинским в 20-е г. Дзержинский, председатель ОГПУ, став главой ВСНХ, «поправел». Он защищал свои кадры в ВСНХ от своих кадров в ОГПУ. Орджоникидзе в конце 20-х гг., возглавляя, по сути, карательный орган ЦКК-ЦКИ, громил всех неугодных. В 30-е гг., возглавляя наркомат тяжелой промышленности (министерство министерств), Орджоникидзе стремился защитить компетентных, инициативных работников от лемеха карательных органов.⁵⁵

Такая позиция Орджоникидзе вызывала раздражение у Сталина. Эта позиция стоила наркому жизни. В ночь с 17 на 18 февраля 1937 года Серго не стало. О причинах его гибели существуют различные версии: одни заявляют о его самоубийстве, другие утверждают, что Сталин подослал к нему убийц. Но суть одна: спор между Сталиным и Орджоникидзе завершился трагически для последнего. А НКВД продолжал громить «вредителей» и «шпионов» во всех отраслях народного хозяй-

⁵⁵ Гинзбург Г.З. О гибели Серго Орджоникидзе // Вопросы истории КПСС. 1991. № 3.

ства.

Административно-командная система игнорировала методы экономического стимулирования. Чтобы заставить людей делать невыгодную и зачастую неинтересную работу творцы новой системы производственных отношений важнейшим методом руководства экономикой страны избрали метод принуждения. С конца 20-х и до начала 40-х годов принимался целый ряд чрезвычайных законов, целью которых являлось стимулирование внеэкономического принуждения. А роль «штатных надзирателей» за принуждением ложилась на карательные органы.

Методом принуждения пытались решить различные проблемы, возникавшие в промышленном развитии страны. Одна из них – проблема качества продукции. Государственные органы принимают целую серию жестоких законов, предусматривающих уголовную ответственность за выпуск недоброкачественной продукции. С укреплением административно-командной системы усиливается и мера наказания за этот проступок. Так, постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 ноября 1929 года предлагается ЦИК союзных республик предусмотреть в уголовных кодексах «за массовый или систематический выпуск из промышленных и торговых предприятий недоброкачественных изделий – лишение свободы на срок до пяти лет или принудительные работы на срок до ~~двух~~⁵⁶ лет» (8 декабря 1933 г.) ЦИК и СНК СССР, рассматривая выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции как тяжкое противогосударственное преступление, устанавливают за него меру наказания – лишение свободы на

⁵⁶ СЗ СССР. 1930. № 2. С. 99.

срок не ниже 5 лет.⁵⁷

В связи с принятием закона от 8 декабря 1933 года «Об ответственности за выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции» 7 января 1934 года на заседании, организованном Прокуратурой СССР, институтом уголовной и исправительно-трудовой политики при Прокуратуре СССР и НКЮ РСФСР, выступил Вышинский, который отметил, что «плохое качество продукции – оружие в руках нашего классового врага... Борьба за качество продукции есть одна из форм классовой борьбы».⁵⁸ 10 июля 1940 года Президиум Верховного Совета СССР вновь «закручивает гайки», определяя выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции противогосударственным преступлением, равносильным вредительству, и устанавливая за него меру наказания – лишение свободы сроком от 5 до 8 лет.

После выхода в свет данного закона Верховный Суд РСФСР рассмотрел громкое дело о руководстве завода «Красная Этна», поставляющего недоброкачественную продукцию для Горьковского автомобильного завода. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР приговорила директора завода и начальника ОТК к тюремному заключению на восемь лет.

Всего же за вторую половину 1940 года по Указу от 10 июля 1940 года было осуждено 156 директоров предприятий, 25 главных инженеров, 18 начальников ОТК... и т.д. (всего

⁵⁷ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. С. 340.

⁵⁸ Вышинский А. За качество. Декрет 8 декабря и задачи органов юстиции. М., 1934. С. 11.

391 человек).⁵⁹ Количество осужденных было не так уж велико. Это связано с тем, что суды часто оправдывали лиц, ответственных за выпуск продукции низкого качества, учитывая объективные обстоятельства.

3 февраля 1941 года НКЮ рассмотрел ход выполнения судебными органами Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. и обязал суды ликвидировать либерализм, неправильные оправдательные приговоры по отношению к лицам, ответственным за выпуск недоброкачественной продукции.

10 апреля 1941 года Пленум Верховного Суда СССР дал указание судам ужесточить наказание за выпуск продукции низкого качества. «Заведомое сокрытие брака, – отмечалось в указании, – в процессе производства выражается по существу в сдаче или в стремлении к сдаче предметов данного производства или отдельных их частей в поврежденном виде под видом годных. Такие действия по их характеру должны быть приравнены к умышленному повреждению государственного или общественного имущества... В тех случаях, когда такие действия совершены на предприятиях оборонной промышленности, эти действия, как повлекшие или могущие повлечь ущерб в деле обороны СССР, должны рассматриваться как действия, причинившие тяжелый ущерб государству...».⁶⁰ Естественно, такие действия квалифицировались по статьям УК, предусматривавшим более суровое наказание, чем Указ от 10 июля 1940 года.

По мере проведения индустриализации и создания монополии одной собственности (государственной) все более дает

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 1а. Д. 1195. Л. 1–2; Там же. Д. 1200. Л. 104об.

⁶⁰ Там же. Д. 124. Л. 2.

знать о себе одна из «болезней» административно-командной системы. Социалистическая собственность, являющаяся и общей, и ничьей, стимулировала воровство. Воровство усиливалось и в связи с тяжелейшими последствиями для народа, вызванными форсированной индустриализацией и сплошной коллективизацией. Сложившаяся ситуация требовала принятия определенных мер.

7 августа 1932 г. по инициативе Сталина ЦИК и СНК СССР принимают постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», известное в народе как «закон от седьмого-восьмого». Это постановление поражает своей жестокостью. Люди, покушавшиеся на общественную собственность, объявлялись врагами народа. За такое преступление предусматривался расстрел с конфискацией всего имущества. Лишь при наличии смягчающих вину обстоятельств суд имел право назначить виновному лишение свободы на срок не менее десяти лет.⁶¹

17 января 1933 года ОГПУ направило циркуляр местным ГПУ, в котором разъяснялось, что «дела, рассмотренные в порядке закона от 7 августа 1932 года, влекут за собой конфискацию имущества, вне зависимости от меры наказания». От 7 августа 1932 года юридическая печать того времени пропагандировала, называя историческим. «Как следует относиться к классовым врагам, которые хотят ее (общественную собственность – Р.Л.) подорвать? – вещает Крыленко. – Ответ дает закон 7 августа 1932 года. Он говорит: меры борьбы

⁶¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. С. 335.

с этими врагами только две – расстрел и 10 лет лишения свободы. Третьей меры мы не знаем».⁶²

Данный закон в 1933–1934 гг. рассматривался на каждом Пленуме Верховного Суда СССР, постановления которого ориентировали судебные органы на необходимость усиления применения закона от 7/VIII-33 г. «в отношении организаторов и главных виновников хищений». 27 марта 1933 года Президиум ЦИК СССР своим постановлением предложил «всем судебнопрокурорским органам не ослаблять борьбы с хищениями общественной (социалистической) собственности, применяя наиболее суровые меры репрессии, предусмотренные законом 7 августа 1932 года в отношении классово-враждебных элементов и их агентуры».⁶³

Применение карательными органами «закона от седьмого-восьмого» повлекло за собой резкое увеличение числа осужденных. Так, если сравнить август-декабрь 1932 г. с соответствующими месяцами 1931 г., то число осужденных за хищение общественной собственности возросло в Западной Сибири в 5 раз, в Уральской области – в 4 раза, в Московской – в 1,5 раза.

В 1933–1934 гг. вышли в свет новые законы, направленные на борьбу с воровством. 16 февраля 1933 года СНК СССР принял специальное постановление «О мероприятиях по усилению борьбы с хищениями и растратами в государственных и кооперативных торговых предприятиях», 25 июля 1934 года вышло в свет постановление ЦИК и СНК СССР «О дополнении

⁶² Крыленко Н.В. Задачи органов юстиции. Государственное издательство Советское законодательство. 1935. С. 21.

⁶³ ГАРФ. Ф. 9471. Оп. 1. Д. 85. Л. 5.

уголовных кодексов союзных республик статьей об ответственности за обворовывание потребителя и обман Советского государства», а 11 июля 1934 года – постановление СНК СССР «О борьбе с расхищениями денежных доходов на железнодорожном транспорте».⁶⁴

Но главным инструментом в борьбе против расхитителей оставался закон от 7 августа 1932 года. В 1937 г. был специально отмечен «юбилей» «закона от седьмого-восьмого». В передовой «Правды», посвященной этому событию, утверждалось, что «исторический закон живет и действует», являясь примером осуществления «классовой бдительности». «Его сила, его глубочайший смысл, – утверждал автор, – сохраняется на многие, многие годы вперед».

В 1936 году и законодатель пришел к выводу о необходимости смягчить некоторые положения Указа от «седьмого-восьмого». 16 января 1936 года ЦИК и СНК принимают постановление, в котором отмечается: «В делах о мелких единичных кражах общественной собственности, совершенных трудящимися из нужды, по неосознанности и при наличии других смягчающих вину обстоятельств, не применять закона от 7/VIII-1932 года, разрешая эти дела на основании соответствующих статей Уголовного Кодекса союзных республик».

ЦИК и СНК этим же постановлением дали задание проверить Верховному Суду СССР и Прокуратуре СССР «правильность применения постановления ЦИК и СНК от 7/VIII-1932 года».⁶⁵

В связи с изданием данного постановления Верховный

⁶⁴ СЗ СССР. 1934. № 40. Ст. 320.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 1. Д. 97. Л. 61.

Суд СССР вынес решение, по которому все жалобы в отношении лиц, осужденных по закону от 7/VIII-1932 года, не должны «приниматься Верховным Судом СССР и его коллегиями и должны быть немедленно отосланы в адрес начальника мест лишения свободы для дальнейшего направления в комиссию» (в лагерях были созданы специальные комиссии по рассмотрению жалоб). Такой же порядок был распространен на все другие кассационно-надзорные инстанции (Верховные республиканские, краевые (областные), окружные суды и военные трибуналы).

Прокуратура СССР тоже внесла свою лепту в выполнение постановления ЦИК и СНК от 16 января 1936 года, дав задание прокурорам союзных и автономных республик, краев и областей, лагерным, транспортным, водно-транспортным и военным прокурорам «все ранее истребованные и поступившие в Прокуратуру дела о преступлениях по закону 7 августа, приговоры по которым вынесены до 1 января 1935 года, в декадный срок рассмотреть в порядке надзора».

Таким образом, во второй половине 30-х годов в применение закона от «седьмого-восьмого» вносятся элементы здравого смысла. Но жесточайшие положения закона используются в стране все предвоенные годы. Широко используются в борьбе с расхитителями общественной (социалистической) собственности и соответствующие статьи УК союзных республик.

Несмотря на суровейшие законы, направленные против хищений, «вредителей» народного хозяйства, бракоделов, административный хозяйственный механизм оказался беспомощным при решении проблем эффективности производства, порождал непомерную расточительность. Запущенность социальной сферы, отсутствие эффективных форм организации и стимули-

рования труда снижали его производительность, способствовали ухудшению производственной дисциплины.

Серьезные пробелы существовали в социальной политике правительства по отношению к крестьянству.

Исследование государственной политики по отношению к крестьянству дает возможность приблизиться к правильному пониманию целого комплекса политических, экономических, социальных, духовных проблем прошлого и современности, тем более, что именно советское крестьянство заложило трудом своим основу экономической самостоятельности СССР. Рассмотрение крестьянского вопроса плодотворно только сквозь призму той политики, которую проводило по отношению к нему советское государство. Необходимость в возрождении крестьянства современным обществом воспринимается в качестве одного из важнейших обязательных условий возрождения страны. А это требует обращения к историческому опыту, к осмыслению процессов, определявших пути развития аграрного сектора, жизнь российской деревни на разных этапах истории России.

В середине 1920-х гг. на центральное место во внутренней политике СССР выходит индустриальное развитие. Свертывание нэпа началось с изменений трудовых отношений не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Аграрные преобразования власти были направлены на превращение крестьянского мира в часть государственной системы. Руководству было необходимо поставить сельскохозяйственное производство под контроль бюрократического аппарата. Для этого уничтожались все основы крестьянского самоуправления, уникальные коллективные отношения и традиции. Демографическая поли-

тика власти на селе заключалась в превращении крестьян в сельских рабочих, обрабатывавших обобществленные земельные фонды.

Кризисные явления в сельском хозяйстве в конце 20-х годов были следствием попыток правительства форсировать индустриализацию. Именно в этот период было нарушено хрупкое равновесие интересов различных слоев общества. Это вызвало к жизни целую цепочку негативных последствий: обострение товарного дефицита, рост инфляции, введение карточек.

Введение в 1928 г. чрезвычайных мер по отношению к деревне, резкое снижение «государственных цен на зерно, ограничения на поставку товарного крестьянского хлеба на рынок, вело к уменьшению посевных площадей и сокращению хлебозаготовок. В 1925-27 гг. цены на продовольствие, хотя и повышались, но не давали резких скачков. Однако в 1928 г. они увеличились на 40%, а в 1929 г. - уже на 119% по сравнению с уровнем цен 1927 г.⁶⁶

При этом руководство страны видело «единственный корень наших трудностей» в накоплении в крестьянских хозяйствах большего количества денежных средств «чем когда бы то ни было» и в возможности крестьянина «купить больше, чем раньше».⁶⁷ Некоторые «знатоки» деревенской жизни, объясняли нехватку муки тем, что «крестьянин, стал есть пшеничный хлеб каждое воскресенье, а раньше 2-3 раза в год».⁶⁸ Чрезвычайные меры в отношении деревни изменили товарооборот государст-

⁶⁶ Осокина Е.А. СССР в конце 20-х - первой половине 30-х годов. Торговля? - Распределение! // Отечественная история. 1992. №5. С.44.

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 17 Оп. 21. Д. 1822. Л. 29.

⁶⁸ Там же. Л. 261.

венной, кооперативной и частной торговли. В 1927-1928 г. в Московской губернии товарооборот в частной торговле составлял 12.315 руб., в кооперативной - 5.040 руб., а в государственной лишь 3.510 руб.⁶⁹

На порядок ниже эти показатели были в Тверской торговой сети: оборот частников - 5.340 руб., кооперативной торговли - 2.017 руб., государственной - 382 руб.⁷⁰ Таким образом, в этих губерниях частный торговый сектор имел основную долю, намного опережая другие виды торговли. Несколько иная картина сложилась в Тульской губернии. Здесь на первое место выходит кооперативная торговля, незначительно опережая частную. Тульские крестьяне пользовались услугами 523 частных торговых точек, 555 кооперативных и 86 государственных. Общий товарооборот в них равнялся 36.869 руб.⁷¹

Неотрегулированность заготовительных цен на хлеб приводила к разрастанию черного рынка. В селениях, частники скупали хлеб у крестьян на более выгодных условиях, чем государство, но и цены в коммерческой торговле были гораздо выше. Из Тверской губернии сообщали, что при стоимости муки в 3 руб., в деревнях «мешочники» ее продавали по 10-12 руб.⁷² Многие ездили за товаром в Москву, а не в Тверь или Тулу, так как качество товаров в столице было лучше, да и дешевле. В

⁶⁹ Москва и Московская губерния. Статистико-экономический справочник 1923/24-1927/28 гг. М. 1929. С. 489.

⁷⁰ Статистический справочник по Тверской губернии. Тверь. 1929. С.443.

⁷¹ Статистический справочник по Тульскому округу. Тула. 1929. С. 186.

⁷² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1822. Л. 118.

Сергеевском уезде Московской губернии многократно возросли цены в частных лавках, так как в кооперативы товар вообще не завозился. «Раньше в кооперативе мука стоила 4-5 руб. за 16 кг., а у частника сейчас 8-12 руб. Масло подсолнечное 23 коп. за 400 гр., у частника - 58 коп. Крупа гречневая - 18 коп. за кг, у частника - 45 коп.».⁷³ Государство стремилось воспрепятствовать деятельности частных торговцев.

Согласно действовавшему законодательству, скупка хлеба и продуктов, облагалась промысловым налогом. Однако налоговые органы не всегда могли уследить за действиями частных торговцев, чьи услуги пользовалась большим спросом. Они брали на «копеечку дороже», - сообщали подмосковные крестьяне, но продавали «товар хорошего качества».⁷⁴ Всякий раз официальным органам приходилось констатировать, что заменить хозяйственно-полезную функцию частника как проводника товара не удастся ни кооперации, ни госторговле.

Деревенские хозяйства были заинтересованы в частнике по той причине, что он продавал сельскохозяйственную и промышленную продукцию без ненужных для крестьян нагрузок, которые существовали в государственной и кооперативной торговле. Нагрузки полагались к любому ходовому товару. Они могли быть такими, как, например, в Тверской кооперации, где на 1/8 пачки чая давали 200 гр. гнилой махорки.⁷⁵ В Московской губернии в ряде деревень в качестве платного приложения полагались «чулки цвета танго».⁷⁶

⁷³ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 22. Д. 301. Л. 13

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1822. Л. 260.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1822. Л. 260.

С помощью такой нагрузки государство избавлялось от залежалого, а порой и просто некачественного товара. Кроме того, крестьяне, докупая муку, полотно, топоры и т.п. за счет нагрузок платили за товар в 1,5-2 раза больше.⁷⁷ В 1928 г. государство пошло на запрещение коммерческой торговли. Закрывались рынки, на продавцов налагался штраф, изымался приобретенный ими товар, применялось уголовное преследование.

В Москве только за 1 неделю за указанное правонарушение было арестовано 37 человек. В момент задержания у каждого из них обнаружено несколько мешков хлеба.⁷⁸ Во второй половине 1920-х гг. стала закрываться частная торговля промышленными товарами в сельской местности, а это вызвало товарный голод и нестабильность на рынке сельскохозяйственных продуктов в целом. Г.П. Дегтярев, приходит к верному, на наш взгляд, выводу, что «неизбежным последствием установления твердых цен и их жестокого регулирования является распад рынка на дефицитный официальный и спекулятивный теневой; расцвет спекуляции, раскол и противостояние в обществе».⁷⁹

Следовательно, уничтожение альтернативного типа экономических отношений сделало приоритетным планово-бюрократическую централизованную экономику. Хотя даже рядовые партийцы осознавали, что «регулировать цены кабинетным путем нельзя».⁸⁰ Введение карточной системы произошло

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 22. И. 853. Л. 1.

⁷⁹ Дегтярев Г.П. НЭП: идеологические тупики хозяйственной реформы./НЭП. Приобретения и потери. М., 1994. С. 135.

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1823. Л. 20.

тогда, когда планы развития индустриализации пришли в противоречия с существующими реалиями. В 1928 году в Московской и Тульской губерниях была введена карточная система на хлеб, а затем и на другие продовольственные, а также промышленные товары народного потребления.

В январе 1929 г. карточки были введены и в Тверской губернии.⁸¹ На заседании Тверского губкома ВКП (б) было решено уменьшить нормы отпуска хлеба, применить практику временных кратких перерывов в продаже муки, смешивать при выпечке разносортную муку.⁸² Как результат, качество производимой продукции значительно ухудшилось.⁸³

Например, в Московской губернии с июня 1928 г. пшеничный хлеб выпекался из 40% муки первого сорта, 40% муки второго сорта и 20% третьего.⁸⁴ Полностью была прекращена розничная продажа муки. Стали опять популярны не только методы, но и взгляды времен «военного коммунизма». Свертывание товарно-денежных отношений стали трактовать как важный шаг на пути к коммунизму. К началу 1929 г. карточная система была введена во всех городах СССР. Помимо хлеба нормированное определение коснулось сахара, масла, мяса, чая и других продуктов.

С мест сообщалось, что появляются огромные очереди за сахаром, мылом и солью. Люди стояли в них с пяти утра: «насколько сейчас население панически настроено видно из того, что как потребитель заходит в магазин, он не знает, что брать, и

⁸¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1823. Л. 23.

⁸² Там же. Д. 1835. Л. 10.

⁸³ Там же.

⁸⁴ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 22. Д. 853. Л. 56.

берет, что попало: синьку, свечу, консервы».⁸⁵ Деформация экономической политики государства проявилась в несбалансированном развитии отраслей народного хозяйства и в отсутствии четкой организации снабжения деревни промышленными товарами. В сущности, эти трудности были преодолимы путем разумной, сбалансированной политики цен, но для сталинского окружения это значило поступиться принципами», на что, конечно, оно не могло пойти.

Некоторые известные экономисты, такие как А.В. Чаянов, Н.Д. Кондратьев предлагали достаточно эффективные меры, базирующиеся на глубоком понимании крестьянских запросов. Но их осуществление замедлило бы темпы индустриализации, что не соответствовало установкам партии. Обеспечить же город продуктами в условиях форсированного развития промышленности можно было только методами прямого принуждения.

Постепенно НЭП с его установкой на хозрасчет, на материальные стимулы, из которых вырастают инициатива и энтузиазм людей, заменялся командно-бюрократической системой руководства. В рамках этой системы главная ставка делалась на дисциплину приказа.⁸⁶ Снабжение в умелых чиновничьих руках становилось дополнительным рычагом контроля и принуждения. Отпуск товаров производился в зависимости от выполнения планов хлебозаготовок, уплаты сельхозналога и самообложения, покупки займа.

Перекачка финансовых средств из деревни на нужды промышленности неизбежно влекла за собой попытки аграриев со-

⁸⁵ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 22. Д. 782. Л. 30.

⁸⁶ Борисов Ю.С. Эти трудные 20-30-е годы. // Страницы истории Советского общества: факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 135.

кратить объем продаж сельскохозяйственной продукции и добиться тем самым изменения соотношения цен.

Связь экономической политики и распределительной системы была очевидна, так как «карточное нормированное снабжение являлось неизбежным следствием курса на форсированную индустриализацию, и призвано было обеспечить интересы индустрии путем создания приоритетного снабжения потребителя, занятого в промышленном производстве».⁸⁷ Следовательно, нарушение рыночных механизмов торговли, возникло как реакция крестьянина на деструктивную аграрную политику большевистского руководства. Санкционированное властью наступление на предколхозную деревню привело к многочисленным социально-экономическим деформациям, в том числе и в торговой сфере. Заметное отступление государства от либеральных принципов нэповской политики обнаруживается и в социальной сфере предколхозной деревни.

Негативное влияние аграрной политики большевиков способствовало расколу общества и крестьянства, как одной из составляющих этого общества. Большевикам было жизненно важно столкнуть между собой отдельные социальные группы, обескровить их в бессмысленной борьбе и тем самым сохранить свое господство. Руководство партии в конце 20-х г. вновь востребовало теорию классовой борьбы, а официальная пропаганда, действующая по указанию власти, создала очередной образ внутреннего классового врага. Применительно к аграрному сектору им стали кулаки. В середине 20-х г. в периодической печати развернулась широкая дискуссия: кого считать кулаком?

⁸⁷ Осокина Е.А. СССР в конце 20-х- первой половине 30-х годов гг. Торговля? - Распределение! // Отечественная история. 1992. № 5. С. 46.

Партийные чиновники признавались: «Точных мерок для определения середняка и бедняка во всесоюзном масштабе не имеется».⁸⁸

Споры велись о том, по каким признакам зачислять в категорию «кулак»: по количеству (сколько имеет) или по качеству (как нажил)? Высказывались довольно противоречивые точки зрения. Так К. Д. Савченко член коллегии Народного Комиссариата Земледелия РСФСР, считал, что к кулакам причисляют «творческую мысль деревни» и все, что ими было нажито, добывалось тяжелым трудом: «ты хорошо работал, умно работал, вовремя работал, хорошо уродилось, много получил, но тебя уже не хвалят, ты уже кулак, опасный член общества. А ведь высокую производительность труда создает экономический стимул - личная заинтересованность, остальное все болтовня», - отмечал К.Д. Савченко в письме к Сталину.⁸⁹

Иной точки зрения придерживался В.М. Молотов. Он полагал, что кулак - это тот, кто нажил много неправедным путем, за счет спекуляции и эксплуатации бедноты. Но не это, на его взгляд, должно было стать основным критерием, а то, что «рассматривать нужно кулака как злейшего врага, как недобитого врага, как врага, который в любой момент готов нанести нам самый серьезный удар и наносит, где у нас есть какое-либо ослабление».⁹⁰ Споры о социальной сущности кулачества про-

⁸⁸ ЦГАМО. Ф. 665. Оп. 1. Д. 478. Л. 31. Об.

⁸⁹ К.Д. Савченко - И.В. Сталину /Известия ЦК КПСС. № 8 . 1989. С. 208.

⁹⁰ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. документы и материалы. В 5-ти тт./ Т. 1. Май 1927-ноябрь 1929. М., 1999. С. 761.

должаются и сейчас. В современной исторической литературе кулацкими хозяйствами считают мелкокапиталистические хозяйства, которые 40% продукции производят для рынка.⁹¹

Отношение государства к обеспеченному единоличному крестьянству также было предметом острой идеологической борьбы. Взгляды многих партийцев на деревню были «местами просто аракчеевскими, чиновными, часто услужливыми перед начальством, показно-революционными, модно-кулацкородскими, шапкозакидательскими, а кто не был в деревне и не знает ее разрозненности, и распыленности, - боятся деревни, болеют страхом перед миллионной цифрой ее обитателей».⁹² Лидеры «новой оппозиции», причисленные сталинским большинством к так называемому «левому уклону», преувеличивали рост кулацкой опасности в деревне, «правые», напротив, отрицали социальную дифференциацию.

Н.И. Бухарин обратился к крестьянам с призывом: «Обогащайтесь!». Однако от Бухарина потребовали отказаться в печати от «ошибочного» лозунга и он незамедлительно это сделал. Редактора же «Комсомольской правды», где лишь косвенно был поддержан бухаринский призыв, по решению Политбюро сняли с работы.⁹³

Ноябрьский 1929 г. Пленум ЦК ВКП(б) определил новые глобальные задачи: «форсирование процессов коллективизации и строительства совхозов», «форсирование развития индустриализации». На этом была построена левацко-утопическая

⁹¹ Современные концепции аграрного развития (теоретический семинар) // Отечественная история. 1995 №3. С. 101 -134.

⁹² Известия ЦК КПСС. 1989. №8. С.205.

⁹³ Сталин И.В. Соч. Т. 7. М., 1947. С. 382-383.

установка: «дело построения социализма в стране пролетарской диктатуры может быть проведено в исторически минимальные сроки».⁹⁴ Это был сигнал к широкомасштабному наступлению на верхушку деревни. Вот как писал об этом один из современников: «У застав вновь, как в период военного коммунизма, были поставлены реквизиционные отряды, а деревенские базары, куда крестьяне свозили хлеб для продажи, разгонялись мерами милиции.

Формально борьба была направлена только против кулаков. Но грань между середняком и кулаком так условна, что репрессии повсеместно задевали всю массу крестьянства».⁹⁵ Как результат, в 1927-1929 г. наблюдалось быстрое сокращение численности хозяйств кулацкого типа. Это было следствием чрезвычайных мер при хлебозаготовках, конфискации хлебных запасов и части средств производства у кулаков. Многие из них были осуждены по обвинению в спекуляции. Кулацкие семьи переселялись в города, уезжали на промышленные стройки. Проведенное в 1928/29 гг. изъятие земельных излишков, принудительный выкуп тракторов и сложных машин, сокращение, а потом прекращение кредитования и снабжения средствами производства, усиление налогового пресса - все это также подрывало экономические и политические позиции кулачества. «Деревенские чиновники ищут кулака, кулаком занимаются как спортом, местами чуть не всякого сытого крестьянина считают кулаком. Чиновники с партбилетом, стараются отыскать больше

⁹⁴ Борисов Ю.С. Эти трудные 20-30-е годы. //Страницы истории Советского общества: факты, проблемы, люди// М., 1989.С. 137.

⁹⁵ Югов А. Народное хозяйство Советской России и его проблемы. // НЭП. Взгляд со стороны. М., 1991. С. 204.

кулаков, ибо их работу часто расценивают по количеству отысканных кулаков».⁹⁶

Мелкокапиталистические хозяйства стремились замаскироваться под среднее, свертывая облагаемые отрасли сельского хозяйства, уходили в сферы малодоступные, распродавали скот и инвентарь, сельхозмашины. В 1928 г. численность кулаков уменьшилась в 2 раза, а валовое производство кулацких хозяйств сократилось на 75 %.⁹⁷ В Тульской губернии к этому времени насчитывалось около 1% кулаков (приблизительно 4546 хозяйств).⁹⁸ А по утверждению носителей власти «кулак растет, не может не расти».⁹⁹

По статистике удельный вес кулацкого производства к общему объему сельскохозяйственной продукции снизился с 9,5% в 1927 г. до 5,5% в 1929 г., а товарной продукции с 13,4 до 7,5%.¹⁰⁰ Несмотря на то, что доля кулака в товарной продукции сократилась почти в два раза, - налоги на их хозяйства возросли в 2,7 раза.¹⁰¹

⁹⁶ К.Д. Савченко - И.В. Сталину. //Известия ЦК КПСС. 1989. №8. С. 209.

⁹⁷ Данилов В.П. Коллективизация: как это было // Страницы истории Советского общества: факты, проблемы, люди. М.,1989. С. 140.

⁹⁸ Бюллетень Тульского Окрисполкома и Горсовета №9. 31 октября 1929. С. 10.

⁹⁹ Данилов В.П. Коллективизация: как это было. //Страницы истории Советского общества: факты, проблемы, люди. М.,1989.

¹⁰⁰ Борисов Ю.С. Эти трудные 20-30-е годы //Страницы истории Советского общества: факты, проблемы, люди. М., 1989.С.98.

¹⁰¹ История крестьянства СССР. История советского крестьянства. М.,1986. Т.2.С.97.

Введение индивидуального обложения, изымавшего весь годовой доход, а часто и сверх него, прямо разоряло эти хозяйства. На практике политика ограничения кулацких хозяйств привела к их частичной ликвидации задолго до того, как Сталин официально провозгласил курс на ликвидацию кулачества как класса в декабре 1929 г.

Однако необъявленная война против кулачества шла в разрез с решениями XV съезда ВКП (б), поскольку никто официально не отменял НЭП. Более того, Апрельский (1928 г.) объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) записал в своей резолюции: «Новая экономическая политика есть именно тот путь, по которому твердо идет партия и через который только и возможны социалистические преобразования хозяйства страны».¹⁰² Затем последовало заявление июльского 1928 г. пленума ЦК ВКП (б): «Решительно отметая контрреволюционную болтовню об отмене нэпа с требованием ограничения прав купечества и, продолжая, наступление на кулака, пленум ЦК решительно заявляет, что нэп является политикой пролетарского государства, которая экономически и политически вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики».¹⁰³ В соответствии с решениями июльского пленума единоличные крестьянские хозяйства и в том числе кулачество со-

¹⁰² Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления коммунистической партии и советского правительства 1927-1955. М., 1957. С. 47.

¹⁰³ Резолюция Пленума ЦК ВКП (б) от 10 июля 1928 г. // Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления коммунистической партии и советского правительства 1927-1935 гг. // М., 1957. С.83.

храняли законное право на сельскохозяйственную деятельность.

Вплоть до сталинского «великого перелома» в официальной прессе утверждалось, что индивидуальное хозяйство будет существовать длительный период, а государство будет его поддерживать. В действительности, анализ взаимоотношений государства с единоличниками в процессе хлебозаготовок, налогообложения, самообложения, распространения государственного займа и распределения государственной помощи показывает, что после XV съезда ВКП (б) происходило свертывание всех видов помощи государства единоличным крестьянским хозяйствам и началась ее социальная переориентация в пользу бедняцкой части деревни. Правда, эта самая часть не могла эффективно распорядиться государственной помощью, вложить ее в развитие производства.

Наступление на единоличное крестьянское хозяйство происходило по двум направлениям: с одной стороны, середняки и зажиточные крестьяне вносили в казну постоянно увеличивающиеся платежи в виде налогов, самообложения, займов и несли на своих плечах основную тяжесть хлебозаготовок. С другой стороны, товаропроизводители были лишены необходимой им помощи в виде кредитов, ссуд по контракции, инвентарю. Наступление на предпринимательские хозяйства вело к падению товарности производства, которое и без того было крайне низким. Государство фактически сознательно разоряло единоличное товарное хозяйство и ставило крестьян перед выбором: или дальнейшая деградация хозяйства, или радикальное изменение жизни.

На путях коллективизации: «крестьянин весь в руках ближайшего и высшего начальства. Он не знает точно ни своей земли, ни размеров налога, ни цен, по которым он обязан сдавать хлеб государству, ни того, когда ближайшему совету вздумается объявить его кулаком и превратить в лишенного защиты закона пария» - писал А. Югов.¹⁰⁴ Крестьянское видение ситуации позволяют представить письма, присылавшиеся, в частности, в газету «Московская деревня». Так, житель деревни Кулышно, Волоколамского уезда Московской губернии Данилин с горечью рассуждал: «кто критикует крестьянина-середняка? Да тот, кто всю свою жизнь пьянствует, и у него никогда не будет подниматься хозяйство. Скоро будем все бедняки. Сильно работать нельзя при Советской власти. Вместо двух коров - 1 будет, раз такая политика. Частника - торговца задавили налогами, середняка тоже давят, а в кооперации и государственных магазинах ничего нет. Везде и всюду партийцы работают для своего интереса. В комсомол идут для того, чтобы получить билет и легкую жизнь. А крестьянин забит совсем, правду нельзя говорить, а сказал - пропал. Хлебородная страна посевы уменьшает, а на коммуны надеяться как на голодного волка. При советской власти хорошо жить коммунистам, да рабочему лодырю, да бедняку, но без середняка и зажиточного. А без хлебопашества крестьянина не должно существовать и производство рабочего».¹⁰⁵

Тем не менее, социальная опора у большевиков на селе все же существовала. За годы советской власти сформирова-

¹⁰⁴ Югов А. Народное хозяйство Советской России и его проблемы. //НЭП. Взгляд со стороны. М., 1991. С.301.

¹⁰⁵ ЦГАМО. Ф.66. Оп.22.Д.786.Л.8.

лась новая исполнительная вертикаль. В реализации аграрной политики партии принимали участие, прежде всего активисты партийных и комсомольских ячеек, сельских советов и крестьянских комитетов взаимопомощи. Они создавались государством, в первую очередь для того, чтобы жестче контролировать единоличное крестьянское хозяйство, пресекая всякое перерождение середняцкого хозяйства в зажиточное.

Все это еще больше осложняло внутридеревенские отношения. Крестьяне с горечью замечали: «Советская власть раздробила нас на 4 куска - батраков, бедняков, середняков и кулаков. Это деление не нужно, мы все равны. Нам до государственного хозяйства далеко, мы не знаем, что там делается, а в школе учебников нет, бумага расходуется на лозунги, которые уже за 11 лет надоели».¹⁰⁶ Новым законом (декабрь 1928 г.) земельные общества были целиком подчинены руководству сельсоветов. Последние должны были утверждать постановления земельных обществ по таким вопросам, как выбор формы землепользования и принятие землеустроительного проекта, установление прав на льготы по землепользованию. Взаимоотношения Совета и общины в 1929 г. характеризовались уже не просто контролем (даже с правом утверждения решений, принятых сходом), а прямым вмешательством в деятельность общины, переходом одной из хозяйственных функций общины сельскому Совету, введения в состав общины представителя Совета с весьма широкими полномочиями. Сельские советы противопоставили себя и земельным обществам, ликвидируя своеобразное двоевластие в свою пользу, ведь до сере-

¹⁰⁶ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 22. Д. 782. Л. 49

дины 20-х г.: «административная власть принадлежала сельсоветам, но основные вопросы крестьяне решали на сходах, деятельность которых, основана на традиционных принципах крестьянского самоуправления».¹⁰⁷

Одновременно с изменением правового статуса земельных обществ характерные перемены происходили и в их внутренней структуре и деятельности. Община объединяла и бедняка, и середняка, и кулака, всем им представляла формально равные права, в решении любых вопросов. Кулак, лишенный права голоса на выборах в Советы, мог избирать и быть избранным в общинные органы управления. Земельный закон от 15 декабря 1928 г. лишил права решающего голоса на сходах и права быть избранным в органы общинного самоуправления всех, кто не имел права избирать в Советы.¹⁰⁸ Ответом крестьянства на деятельность Советов стали выборы, проходившие в 1928/29 г. Политическое давление на сельских жителей власть оказывала и при их подготовке, внушая электорату, что «большинство трудностей это результат деятельности кулаков и нэпманов».¹⁰⁹

Часть крестьян попросту избегали участия в общественной жизни, помня о невозможности повлиять на политику властей. По мнению К.Б. Литвака, формальные, бутафорские выборы способствовали аполитичности населения деревни, «его инертность, во многом объяснялась неуклюжими действиями

¹⁰⁷ Кудюкина М.М. Органы управления в деревне: сельсовет и сход 1926-1929 гг. // Историческое значение НЭПа. М., 1990. С. 126.

¹⁰⁸ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 190.

¹⁰⁹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 12. Д. 1379. Л. 42.

властей». ¹¹⁰ Инструкция для деревенских партработников о пере выборах «работала, как гильотина, отсекая все сомнительное, к тому же всякая дельная критика, замечание или предложение, не носящие официального казенного взгляда, объявлена заранее кулацкой». ¹¹¹

Крестьяне жаловались: «самое большое зло в деревне - конокрадство, затем воровство, бандитизм и хулиганство. В большинстве крестьяне имеют только одну лошадь, и если конокрад уведет ее, крестьянин пропал». ¹¹² Мораль стала считаться буржуазной выдумкой. Православная вера, как основа русского менталитета, была растоптана; храмы закрывались; при попустительстве властей расхищались предметы культа. На смену покаянию шел воинствующий атеизм.

Исчезало почтение к старшим и семейным ценностям. К.Б. Литвак в своей статье отмечает: «новая социально-политическая обстановка и связанные с ней новые правовые реалии самым серьезным образом повлияли, во-первых, на самосознание женщины, смену у нее идеала семейной жизни, во-вторых, на такую сторону крестьянского быта, как взаимоотношения между поколениями в семье». ¹¹³ Созданная большевиками система привилегий для партийных чиновников разных

¹¹⁰ Литвак К.Б. Жизнь крестьянина 20-х годов: современные мифы и исторические реалии. // НЭП. Приобретения и потери. М., 1994. С. 198.

¹¹¹ К.Д. Савченко – И.В. Сталину. /Докладная записка. //Известия ЦК КПСС, №8. 1989. С. 208.

¹¹² Бюллетень № 3. Двенадцатый Тульский Губернский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Тула. 1927. С. 16.

¹¹³ Литвак К.Б. Жизнь крестьянина 20-х годов: современные мифы и исторические реалии. /НЭП. Приобретения и потери. М., 1994. С. 189.

уровней вызывала растущее недовольство людей, возмущенных «беззаконием, произволом, творимыми руководителями, распространенными среди них пьянством, моральной и половой распущенностью».¹¹⁴

Указанные негативные явления становились особенно заметны, поскольку тогдашние «ответственные работники» еще не научились «прятать концы в воду и избегать посторонних глаз».¹¹⁵

Начавшаяся осенью 1927 г. сталинская «революция сверху» привела к разработке специальных докладов «о классовой борьбе», «об антисоветской деятельности», «о кулацком сопротивлении» и т.п.¹¹⁶ Эти материалы анализировались Информационным отделом ЦК ВКП (б), который на их основе составлял развернутые обзоры о настроениях, господствующих в деревне, о формах и методах противодействия властям.

Изучив сведения, предоставленные ОГПУ о перевыборах в советы (1927-1928 гг.), Информотдел ЦК ВКП (б) суммировал основные требования, выдвигаемые верхушкой деревни и методы борьбы за их осуществление.¹¹⁷ К политическим были отнесены следующие требования:

¹¹⁴ Соколов А.К. «Создадим единый фронт борьбы против НЭПА. / Анализ общественных настроений конца 20-х г. по письмам и откликам рядовых советских граждан. // НЭП: завершающая стадия. М. 1998. С. 134.

¹¹⁵ Соколов А.К. «Создадим единый фронт борьбы против НЭПА. / Анализ общественных настроений конца 20-х г. по письмам и откликам рядовых советских граждан. // НЭП: завершающая стадия. М. 1998. С. 134.

¹¹⁶ Советская деревня глазами ВЧК-ОПТУ-НКВД. 1918-1939. Л.2.1923-1929. М., 2000. С. 8.

¹¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 697. Л. 3-29. Ф. 17. Оп. 32. Д. 176. Л. 1-73.

- 1) Свержение Советской власти.
 - 2) Советы без коммунистов; тайное голосование и свобода для всех политических партий; пропорциональное представительство в советах рабочих и крестьян.
 - 3) Объединение тружеников деревни в крестьянские союзы.
 - 4) Не делить крестьян на кулаков, середняков и бедноту.
 - 5) Представительства в советах различных слоев крестьянства.
 - 6) Не лишать кулаков избирательных прав.
- К экономическим были отнесены следующие требования:
1. Долой монополию внешней торговли.
 2. Свобода частной торговли, закрыть кооперативную.
 3. Снижение цен на промтовары и повышение их на хлеб.
 4. Отменить государственные хлебозаготовки
 5. Против существующей системы сельскохозяйственного налога.
 6. Против самообложения и займов.
 7. Против классового принципа распределения кредитов.
 8. Против коллективов и коллективизации.
 9. Против землеустройства, ссудфондов, страхования.¹¹⁸

Как видно, формулировки требований крестьян не были случайными, они в значительной степени отражали общеполитическую атмосферу деревни.

Сопrotивляясь разрушительной антикрестьянской политике большевиков, деревня прибегала к самым разнообразным формам и методам борьбы. Одной из наиболее умеренных

¹¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 697. Л. 3-29; Ф. 17. Оп. 32. Д. 176. Л. 73.

форм сопротивления деревни являлась внешняя лояльность к советской власти и фиктивное проявление советской общест­венности. Состоятельные сельские жители вступали в массо­вые общественные организации, открывали в своих домах из­бы-читальни, участвовали в демонстрациях, стремились быть первыми в проведении общественных работ.

Верным представляется вывод И.Е. Зеленина, что не классовая борьба, порой искусственно разжигаемая, определя­ла сущность выступлений в деревне: «Крестьянство в целом, его отдельные слои и группы порой осознанно, а чаще стихийно ожесточенно боролись против произвола и насилия, отстаивая свое право на землю, право быть на ней хозяином».¹¹⁹ Сломить их, можно было лишь изменив менталитет крестьянства, что и сделала в дальнейшем в 30-е гг. коллективизация.

Сталинское руководство внимательно следило за реакци­ей деревенских жителей, осознавая, что от ее результатов в ко­нечном итоге зависит выбор пути развития России. Победа, одержанная Сталиным в политической борьбе тех лет, предре­шила судьбу страны на долгие годы. Факты, свидетельствовав­шие об активной борьбе крестьянства с большевистской вла­стью, можно найти и в сборнике под редакцией В.П. Данилова «Трагедия Советской деревни. Коллективизация и раскулачи­вание».¹²⁰ В нем приводятся как статистические данные, так и сообщения с мест о массовых недовольствах крестьян и реак­

¹¹⁹ Зеленин И.Е. Осуществление политики «ликвидации кулачества как класса» // История СССР №6, 1990. С.

¹²⁰ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927-1939. Т.1. Май 1927 - ноябрь 1929. М., 1999.

ции руководства страны на достаточно взрывоопасную ситуацию.

Серьезные изменения в социальной политике страны происходят после Великой Отечественной войны. Вторая половина 1940-х гг. может рассматриваться как переломный рубеж в процессе индустриальной модернизации страны, и произошло это в значительной степени под воздействием войны. Разумеется, самая разрушительная и кровопролитная в истории война не могла не отразиться на социальном положении населения. Однако уровень жизни определялся не только разрухой, но и политикой правительства. Преследуя свои цели, власть в административном порядке распределяла и перераспределяла имевшиеся товары и продукты. С одной стороны, это была вынужденная и необходимая мера (хотя и не во всех аспектах оправданная), если исходить из имеющихся в наличии ресурсов и возможностей их увеличения. С другой стороны, нельзя не видеть и отрицательных последствий этого.

Получило широкое распространение перераспределение товаров и продуктов вне установленных норм. Усиливалась социальная дифференциация среди групп населения, определяемая предпочтениями власти, а также их непосредственной близостью к распределяемым товарам и продуктам. В конечном итоге все это вело к социальному расслоению в обществе вне связи с общественной полезностью труда.¹²¹

На наш взгляд, едва ли можно было избежать этого в условиях карточной системы распределения, особенно если не идеализировать природу человека и не заниматься мифотвор-

¹²¹ Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР. М. 1976. С. 25.

чеством. Другой вопрос, что правящая элита оказалась не способной противостоять сложившимся на основе распределительной системы особым социальным интересам руководящих кадров. Во второй половине 1940-х годов закрепились привилегии в снабжении руководящих кадров, усилилась значимость административной системы управления, ее влияние на положение людей, ибо распределение велось властными структурами. На статус руководящих кадров и на иерархию внутри данной группы влияла принадлежность либо к партийным, советским, профсоюзным, комсомольским руководящим кадрам, либо к ведомственным, т. е. хозяйственным. У них были разные каналы снабжения и источники перераспределения имеющихся ресурсов и услуг. Условия жизни представителей данной группы зависели от занимаемого места в иерархически выстроенной системе власти, а также от близости к непосредственным каналам распределения товаров и услуг.

Как показали последние исследования, несмотря на предельную централизацию власти, во второй половине 1940-х годов не велось принципиальной борьбы с теневым перераспределением товаров и продуктов.¹²² Представляется, что руководящие кадры были глубоко интегрированы в систему теневого перераспределения и играли в ней главную роль. Ряд льгот в качестве привилегий сохранялся за руководящими кадрами и после отмены карточной системы. Главное же заключалось в том, что в этот период четко обозначились и закрепились корпоративные интересы данной группы. Ретроспективный взгляд на последующие события позволяет сделать вывод, что все это

¹²² Шалак А.В. Условия жизни населения Восточной Сибири (1940-1950 гг.). Дисс. д.и.н. Иркутск. 1999. С. 259.

имело далеко идущие последствия. Пребывание в системе власти обретало известный смысл и интерес. Любая власть в таких условиях начинает работать на саму себя. Особенно ярко это иллюстрируют различия в социальном и материальном статусе руководящих кадров и промышленных рабочих.

Сравнительный анализ уровня жизни различных категорий населения СССР показал, что основные затруднения на рубеже 40-50-х годов испытывали именно производящие слои общества, прежде всего промышленные рабочие и крестьяне-единоличники. На социальное положение рабочих и крестьян огромное влияние оказывали налоговая политика, предпочтения политического режима, в том числе и идеологического характера, что наиболее явно проявлялось в отношении неорганизованного крестьянства, личных подсобных хозяйств, торговли на рынках. Характер распределительной системы, закрепление командно-административных методов поставили слой сельских тружеников в особенно тяжелое положение. Как индустриализация, так и война и последовавшее затем восстановление разрушенного хозяйства осуществлялись, прежде всего, за счет крестьянства. Из основных групп населения крестьянство во второй половине 1940-х годов оказалось в самом трудном положении.¹²³ Политику в отношении крестьянства в послевоенные годы можно вполне объяснить и с политической, и с экономической точки зрения. Дело в том, что продовольственная проблема превратилась в социальную проблему общества на долгие годы.

¹²³ Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск. Институт истории РАН. 1993. С. 140-142.

О том, что уровень жизни в городах страны был все же выше, чем в деревне, свидетельствует такой объективный показатель, как социальная миграция населения, которая на протяжении всего XX столетия имела только одно направление: из села в город. Однако это вовсе не означает, что в промышленных центрах практически не существовало материально-бытовых проблем. Социальное положение тружеников индустриальных отраслей народного хозяйства и в значительной мере всего городского населения зависело от характера карточной системы распределения продуктов и промышленных товаров. Данная система являлась дифференцированной по отношению к представителям различных отраслей в соответствии с предпочтениями политического режима и стратегическими приоритетами власти.

Одним из основных факторов, влияющих на положение работников индустриального производства, являлась политика в области заработной платы, что особенно влияло на материальное положение рабочих стратегических отраслей народного хозяйства. Размеры заработной платы для большинства городских кадров после войны оставались крайне низкими. ЦСУ СССР в докладной на имя Л.П. Берии сообщало, что за июнь 1946 г. полностью получили заработную плату 24 млн. рабочих и служащих страны (из 30,6 млн. рабочих и служащих, числящихся в 1946 г. во всех отраслях народного хозяйства). Из этого числа 5,6 % получили до 100 руб., 9,2 % - от 101 до 150 руб., 10,7 % - от 151 до 200 руб., 8,8 % - от 201 до 250 и 8,7 % - от 251 до 300 руб.¹²⁴ Учитывая уровень цен в те годы, можно сделать

¹²⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 4608. Л. 67-72.

вывод, что около 43 % рабочих и служащих страны жили впроголодь. Почти половина заработка расходовалась на оплату питания по самому необходимому для человека минимуму. Самые низкооплачиваемые рабочие получали менее 100 рублей, то есть намного ниже прожиточного минимума.

Значительно выше был уровень жизни военнослужащих, которые имели весомые по тем временам социальные гарантии государства. 306,4 тыс. офицеров и 543,5 тыс. человек из семей офицеров получали пенсию министерства вооруженных сил. Размер офицерской пенсии не превышал 900 руб., но если сравнить его со среднемесячным заработком рабочего или служащего, то это была очень высокая сумма. Пособия и пенсии полагались также семьям военнослужащих в связи с призывом в армию или гибелью кормильца семьи. Таких летом 1946 г. насчитывалось 6,7 млн. человек, из которых проживало в городах и рабочих поселках 2,5 млн. человек.¹²⁵ Размер городских пособий колебался в пределах 100 - 250, пенсий - 50 - 300 руб. Льготы военнослужащих позволяют сделать вывод о сохранении и в послевоенный период милитаристского характера государства.

Достаточно тяжелыми являлись условия проживания советских пенсионеров. В начале 1946 г. их насчитывалось 5,4 млн., из которых только половина работала. 43 % пенсионеров страны получали пенсию до 100 руб. в месяц, 34 % - 101 - 150, 20 % - 151 - 300 и 3 % - свыше 300 руб. Размеры стипендий учащихся техникумов и студентов вузов были в пределах 100 - 200 руб.

¹²⁵ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2901. Л. 45-63.

Примечательно, что люди не могли требовать от правительства большего, поскольку это противоречило сложившимся за годы войны этическим нормам. Оптимистические ожидания, сохранившиеся после победы, в короткие сроки были подорваны условиями повсеместной нищеты и разрухи, сохранившейся карточной системой, введенной в начале войны. Потребление на душу населения за годы войны снизилось на 35-40 %. Сахар и кондитерские изделия по сравнению с 1940 г. в бюджете питания составляли лишь 22,4 %, мясо и мясопродукты – 59,5 %. Потребление колхозников снизилось в 1943 г. в сравнении с 1939 г. по мясу и салу на 60 %, хлеба – на 35 %, овощей – на 25 %.¹²⁶ В условиях голодного существования суждения людей не могли быть только оптимистическими. Далеко не все, как утверждал генерал А.В. Горбатов «безропотно верили Сталину».¹²⁷ Известны многочисленные высказывания недовольства тяжелыми условиями. Именно этим советское общество конца 40-х годов принципиально отличалось от общества середины 30-х годов. Самое интересное, что антиправительственные настроения теперь сдерживались не только страхом за свою судьбу, но и верой в правильность выбранного курса развития. Война не только на словах объединила народ и правящую партию. Не случайно высказывания недовольства характеризовались как болтовня, нездоровые настроения, лживые, провокационные и антисоветские слухи, враждебные антисоветские настроения. Такая точка зрения была свойственна и партийной элите и простому народу. И все же

¹²⁶ Зинич М.С. Будни военного лихолетья 1941-1945. М.: ИРИ РАН. 1994. С.75.

¹²⁷ Горбатов А.В. Годы и войны. 2-е изд. М. 1980. С. 72.

власти не могли не учитывать массовых ожиданий, что оказывало известное влияние на экономическую политику государства. Зимой 1945 по городским нормам хлебом снабжалось 52,8 млн. человек, тогда как к осени 1946 г. их количество увеличилось до 58,8 млн.¹²⁸

Продовольственные трудности правительство успешно использовало для решения политических и экономических задач: укрепления вертикали власти и стимулирования развития базовых отраслей промышленности, не связанных с народным потреблением.¹²⁹ Неравномерность распределения хлеба в голодные послевоенные годы позволяла направить поток демобилизовавшихся из армии в 1945-1946 гг. в необходимые правительству сферы производства. Из докладной записки Л. Погребного В. Молотову от 20 марта 1946 г. следует, что с момента издания закона о демобилизации старших возрастов личного состава Действующей Армии от 23 июня 1945 г. и Указа о демобилизации второй очереди личного состава Красной Армии от 25 сентября 1945 г. в города и сельские местности прибыло 5.314,7 тыс. человек демобилизованных (1.771,5 тыс. – в города и 3.543,2 тыс. – в сельские местности).¹³⁰

Согласно сообщению Погребного, многие возвратившиеся из Красной Армии длительное время «от 3-х до 4-х месяцев не поступают на работу, мотивируя необходимостью устройства своих квартирных и домашних дел...».¹³¹ Основными причина-

¹²⁸ Народное хозяйство в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Статсборник. М. 1990. С. 202.

¹²⁹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2901. Л. 75-89.

¹³⁰ Там же. Оп. 49. Д. 3741. Л. 30-32.

¹³¹ Там же. Л. 60.

ми, объясняющими это явление, были условия труда и его оплата. После окончания войны не все мирились с бытовой неустроенностью. Порой проявлялось открытое недовольство администрацией предприятий, люди требовали установить 8-ми часовой рабочий день. Крайне низкий уровень заработной платы привел к тому, что на январь 1946 года только 71,1 % демобилизованных приступил к труду, несмотря на стремления правительства задействовать как можно большее число рабочих рук.¹³²

Значительную часть работающего населения страны можно с достаточным основанием отнести к малообеспеченным слоям. Низкая, а часто и совсем недостаточная для существования оплата труда, плохое питание, тяжелая работа, которую нельзя было оставить по собственному желанию - вот основные проблемы, с которыми сталкивался человек в послевоенные годы. Иерархия в потреблении в целом соответствовала приоритетам, провозглашенным государством для успешного построения социалистического общества. Как показывают современные исследования, система централизованного снабжения сложилась в СССР еще в годы первых пятилеток.¹³³

Немаловажным фактором, определявшим уровень благосостояния в обществе, являлась близость к непосредственным каналам распределения либо к производству продуктов или промышленных товаров, что давало возможность их присвоения посредством теневого приобретения. В этом отношении ра-

¹³² РГАСПИ. Ф. 17. ОП. 122. Д. 145. Л. 193.

¹³³ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941 гг. М. 1998.

ботники хлебокомбинатов, мясокомбинатов и им подобных производств, а также работники торговли и системы общественного питания, карточных бюро, социального обеспечения в вопросах материального обеспечения оказались в наиболее выгодном положении. Например, только средняя сумма растрат и хищений на одного человека по системе торговли и общественного питания в 1946 г. превышала средний уровень оплаты труда в этой сфере. С позиций сегодняшнего дня это может казаться несущественным, однако в условиях, когда основная масса населения жила впроголодь, возможность досыта питаться необходимо воспринимать как весьма важный социальный фактор.

Дифференциация доходов населения напрямую зависела от существования карточной системы, которая часто прикрывала факты хищения продовольствия. В случае введения карточной системы, государству было необходимо принять нормативные акты, обеспечивающие открытость ее работы для контроля со стороны общественности. Отсутствие этого привело к быстрому формированию корпоративных эгоистических интересов, к утрате непосредственной связи между трудом и вознаграждением. Власть все дальше отрывалась от общественных интересов и задач, утрачивала принципиальность, самокритичность, терпимость, а режим жесткой экономии соблюдается только в отношении беднейших социальных групп.

Таким образом, сохранение карточной системы, введенной в начале войны, оставалось основной проблемой в жизни городского населения первых послевоенных лет. В декабре 1945 г. по городским нормам снабжалось хлебом 52,8 млн. человек, в том числе: работающих - 26,1, иждивенцев - 12,3 и де-

тей - 14,4 млн. человек.¹³⁴ К осени 1946 г. на карточном снабжении в городах находилось уже 58,8 млн. человек, но к декабрю того же года из-за неурожая правительство резко сократило численность горожан, подлежащих гарантированному государственному обеспечению хлебом. Сокращение было произведено в первую очередь за счет иждивенцев (на 5,2 млн. человек) и детей (на 0,6 млн. человек). К январю 1947 г., когда в стране обострилась угроза голода, ограничения в расходовании хлеба по пайковому снабжению городского населения были несколько смягчены. Однако, и к декабрю 1947 г., т.е. к моменту отмены карточной системы в стране, гарантированному снабжению подлежало 55,3 млн. человек. Помимо этого, около 1 млн. городских жителей снабжалось хлебом в закрытых учреждениях.¹³⁵

Количество продуктов, выделяемых государством, строго дифференцировались в зависимости от отрасли производства и характера выполняемого труда. Примечательно, что уровень профессиональной подготовки и квалификации не имели при этом серьезного значения. Наивысшая норма - 1200 граммов в день на 1 человека - была установлена для рабочих и служащих, занятых на подземных работах на предприятиях министерства угольной промышленности, рабочих трубопрокатных заводов и ведущих профессий нефтяной промышленности. Для рабочих и служащих основного производства угольной про-

¹³⁴ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941 гг. М. 1998.

¹³⁵ Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Статсборник. М. 1990. С. 202.

мышленности и промышленности черной металлургии норма составляла 800 граммов. 700 граммов она была для занятых на важнейших оборонных предприятиях. Столько же получали и грузчики, занятые на особо тяжелых работах. От 650 до 700 граммов получали рабочие и служащие важнейших оборонных предприятий Москвы и Ленинграда. В легкой и текстильной промышленности суточная норма не превышала 600 граммов. Для работников Крайнего Севера (рабочих подземных шахт, горячих и вредных цехов, Печорского угольного бассейна, Ухтинского комбината, Дальстроя, занятых на лесосплавных и погрузочно-разгрузочных работах) норма составляла от 1000 до 1200 граммов хлеба в день на человека. Однако труднее всего приходилось иждивенцам и детям, которые не могли рассматриваться властью в качестве производящих слоев населения.¹³⁶

Как свидетельствует опыт второй половины 1940-х гг., цена любых достижений в условиях, когда власть теряет связь с обществом, ориентируется лишь на исходящие сверху директивы, оказывается чрезвычайно высокой. Анализ основных факторов, влияющих на социально-экономическое положение рабочего населения СССР, достаточно убедительно свидетельствует о пределах мобилизационного варианта модернизации страны. В этом смысле исторический опыт второй половины 1940-х гг. подтверждает, что при методах управления, лишаящих человека возможности самостоятельно обустроить собственную жизнь, очень трудно достигнуть каких-либо позитивных результатов в решении социальных проблем. Рассмотрение ряда других факторов, влияющих на социально-

¹³⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2901. Л. 75-91.

экономическое положение населения, также подтверждает этот вывод.

После войны стало заметным деление всего населения СССР с точки зрения индустриально-технической выгоды. Преимущества имели работающие в ведущих отраслях промышленности, а не вспомогательных. Стремительно развилась система привилегий для номенклатуры, в особое положение попали кадровые работники силовых структур - армии, политической полиции, министерства внутренних дел. Вместо принципа социальной справедливости советскую иерархию потребления определял иной - принцип «производственной необходимости» человека делу социалистического строительства. Видимо, дело заключалось не только в военных трудностях и продовольственном кризисе.

Характерно, что и после отмены в декабре 1947 г. карточной системы иерархия потребления в СССР продолжала сохраняться, хотя, может быть, в менее выраженном виде. Сохранялся также товарный голод. Он продолжал существовать не только из-за действия прежних советских законов и экономической модели, неэффективной по самой своей природе. Вполне очевидно, что в условиях товарного голода государственная система снабжения и распределения служила важным рычагом, при помощи которого правительство могло осуществлять необходимую ему экономическую политику вопреки надеждам и желаниям населения.

Забота о материальном благосостоянии советских граждан, о которой так много говорили в правительстве, вполне может рассматриваться в качестве популистской меры. Преимущественно психологическое значение во второй половине 1940-

х годов имел комплекс мероприятий, направленных на улучшение социальных условий и материальную поддержку детей, семей военнослужащих, инвалидов, пенсионеров. В тех условиях, особенно в период разрухи, при всех издержках, это сыграло огромную роль в послевоенном воспроизводстве населения.

Согласно последним исследованиям, в послевоенный период продолжали сохраняться существенные различия в оплате труда между рабочими разных отраслей, а внутри отрасли - между квалифицированными и малоквалифицированными рабочими.¹³⁷ При этом разница в уровне среднемесячной оплаты рабочих одной и той же квалификации разных отраслей была зачастую более существенной, чем в оплате труда рабочих разной квалификации внутри одной отрасли. Так, среднемесячная зарплата квалифицированных рабочих во втором квартале 1953 г. составляла: в угольной промышленности - 1465 руб., цветной металлургии - 1 343, черной металлургии - 1 221, машиностроении - 988, промышленности стройматериалов - 906, нефтяной промышленности - 886, химической - 870, текстильной - 756, швейной и обувной - 651 руб. Таким образом, уровень оплаты квалифицированного рабочего, занятого в швейной промышленности, составлял только 44 % среднемесячной оплаты такого же квалифицированного работника угольной промышленности. В то же время оплата малоквалифицированного рабочего угольной промышленности составляла 54 % среднемесячного заработка квалифицированного рабочего той же отрасли. В цветной металлургии соответствующий показатель со-

¹³⁷ См.: Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946-1953 гг. Тамбов. 2000. С. 145.

ставлял 60 %, черной – 68%, машиностроительной - 73 %, химической – 78%, текстильной - 74 %, швейной - 80 %.¹³⁸

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что неквалифицированный рабочий угольной промышленности, черной и цветной металлургии получал больше, чем его квалифицированный коллега, занятый в деревообрабатывающей, текстильной, швейной, кожевенной, меховой и обувной промышленности. Кроме того, как показывают приведенные цифры, во многих отраслях внутриотраслевая разница между работниками разной квалификации была весьма незначительной. Следовательно, государство искусственно поддерживало подобное соотношение в уровне оплаты, чтобы можно было регулировать рабочие потоки, направлять их в труднедостаточные отрасли народного хозяйства, зарекомендовавшие себя тяжелыми условиями труда. Подобное положение в оплате труда рабочих разной квалификации имело мало общего с экономической целесообразностью - советская уравниловка в оплате труда вела к такой же уравниловке в потреблении. В социальной структуре по материальному признаку существенно отличалось только одно сословие – руководящие кадры. Уровень жизни работников государственного аппарата выгодно отличался от всех остальных групп советского общества.

Даже городским жителям определенные гарантии выживания в голодные послевоенные годы давало подсобное хозяйство. Продукция с личных хозяйств и огородов шла в пищу в самой семье или продавалась на рынке с целью покупки на том же рынке необходимых товаров. Трудности в снабжении продо-

¹³⁸ Там же. С. 146.

вольствием и промтоварами способствовали росту преступности и воровства. Продукция, украденная с предприятий, с колхозных и совхозных полей или потреблялась в самой семье или выступала в качестве товара на рынке. Масштабы рыночной торговли были столь велики и всеобъемлющи, что целиком опровергают мнение о советской экономике как основанной на «социалистической системе хозяйства и социалистической собственности на орудия и средства производства».¹³⁹

Исследователи отмечают, что значительная часть товарной продукции, поступающая на рынок в послевоенные годы, попадала на него не из социалистического производственного сектора, а из частного. Именно это обстоятельство, в первую очередь, вызывало тревогу правительства, которое подозрительно относилось к невиданному росту денежных рыночных оборотов населения. Всю эту проблему финансовое ведомство страны пыталось объяснить, естественно, не внутренними противоречиями, а нарушениями в денежном обращении внутри страны из-за специфических условий войны. Констатируя эти изменения, экономисты отмечали, что «разбухание денежных оборотов колхозных рынков произошло в результате роста цен на сельскохозяйственные продукты».¹⁴⁰

Основной причиной, влиявшей на рост цен, министерские чиновники называли, прежде всего, снижение государственного розничного товарооборота за счет сокращения торговой выручки Госбанка и замедления скорости обращения денег в государственном обороте. Еще одна причина - значительное ~~оседание денег у населения, которые не возвращались в~~¹³⁹ Конституции СССР 1936 г. Статья 4.

¹⁴⁰ Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946-1953 гг. Тамбов. 2000. С. 135.

денег у населения, которые не возвращались в государственную казну, а направлялись и циркулировали в основном по каналам частной торговли. Государство, следовательно, временно оставалось в стороне от этого колоссального денежного потока и, чтобы обуздать рыночную стихию и вернуть ее под свой контроль, применяло внеэкономические средства.

Развитию рынка промтоваров способствовала сложившаяся в послевоенные годы в стране тяжелая ситуация с непродовольственными товарами. Отсутствие в государственной торговле одежды, обуви, тканей по ценам, соответствующим материальным возможностям населения, развивало рыночную торговлю и перекупку. ЦСУ также констатировало, что «обследуемые семьи рабочих большую часть своих заказов на шитье и починку одежды и обуви передают гражданам». Практика шитья одежды на дому - характерная черта городской жизни послевоенного времени. Факты свидетельствуют о постоянном товарном голоде в стране, когда даже ценой больших усилий и затрат правительству удавалось обеспечить минимум необходимых жизненных благ только весьма ограниченной части городского населения - высокооплачиваемым рабочим добывающих отраслей промышленности. Однако критичности положения в стране, проникавшее, в первую очередь в слои интеллигенции, способствовало появлению новых идей экономического и политического переустройства государства. «После войны началось отрезвление, - вспоминал свои ощущения этих лет историк А.Я. Гуревич. - Фашизм был повержен, но в стране происходили такие вещи, которые не вмещались в голову. Постепенно и мне стал делаться очевиден колоссальный разрыв между словами и делами, между дейст-

вительной природой системы и ее официальной «упаковкой».¹⁴¹ В этой атмосфере зарождались альтернативные программы развития страны, и хотя большинство из них не выходило за рамки марксистского понимания экономических отношений, многие содержали вполне конструктивные, новаторские идеи. Интерес представляет рукопись «Послевоенная отечественная экономика», принадлежавшая С.Д. Александеру, беспартийному бухгалтеру одного из предприятий Московской области. Суть его предложений сводилась к смягчению государственного контроля за экономикой, что, разумеется, не могло найти поддержку в высших эшелонах власти.

Перестройка экономической политики, по замыслу Александера, должна была пройти несколько этапов: 1) отмена системы государственных заготовок сельскохозяйственной продукции; 2) предоставление колхозам и совхозам права свободной продажи на рынке; 3) реформа денежной системы с учетом золотого паритета; 4) децентрализация снабжения предприятий сырьем и материалами; 5) преобразование государственных предприятий в акционерные или паевые товарищества, в которых держателями акций выступают сами рабочие и служащие, а управляет полномочный выборный совет акционеров; 6) ликвидация государственной торговли и передача ее функций торговым кооперативам или паевым товариществам.¹⁴² Достаточно смелые для своего времени идеи Александера о разгосударствлении экономики не могли найти опору ни в одном из существовавших тогда социальных слоев, ни, тем более, в руково-

¹⁴¹ Гуревич А.Я. «Путь прямой, как Невский проспект» или исповедь историка // Одиссей. 1992. С 10.

¹⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 454. Л. 1-2.

дстве партии. Среди ближайшего окружения Сталина в тот период не было людей, способных рисковать не только карьерой, но и жизнью ради реформирования сложившейся стратегии экономического развития. Поэтому любые радикальные, и даже просто либеральные идеи не только не встречали у властей понимания, но вызывали активное противодействие. Как показал последующий опыт, экономическая политика власти строилась на прямо противоположных принципах.

В условиях внеэкономического принуждения ежегодное ужесточение административных методов управления экономикой стало основным способом сохранения промышленного роста. Однако, вопреки распространенным представлениям, далеко не всегда крайние меры приносили лишь отрицательный результат. Жесткая борьба власти с должностными преступлениями, коррупцией, хищениями, так называемым «морально-бытовым разложением» и пьянством в известной мере оздоровила экономическую жизнь страны.

Примечательно, что в первые послевоенные годы наиболее частой мерой наказания членов партии стало исключение из ВКП (б), что лишь отчасти можно объяснить значительным расширением ее рядов с 1941 по 1945 гг. Если перед войной в партии состояло немногим более 4 млн. человек, то к концу войны - уже более 6 миллионов.¹⁴³ Как свидетельствует статистика, с 1945 по 1947 год исключенные из партии за коррупцию, хищения, нарушения трудовой дисциплины и пьянство составили 47,1 % от общего количества исключенных за этот период.¹⁴⁴

¹⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 284. Л. 90.

¹⁴⁴ Там же. Оп. 122. Д. 291. Л. 131.

Привлекает внимание тот факт, что политические обвинения были предъявлены значительно меньшему количеству коммунистов. За измену рсдине, связь с чуждыми элементами и антисоветскую агитацию было исключено из ВКП (б) лишь 2,1 %. По всей видимости, подъем экономики представлялся верховной власти на том этапе более необходимой задачей.

Вполне оправданная борьба с бесхозяйственностью за повышение трудовой дисциплины в конечном итоге способствовала еще большей централизации управления экономикой. Дело в том, что дисциплинарные взыскания коснулись, в первую очередь, представителей местных органов власти. В мае 1946 года ЦК ВКП (б) организовал выборочную проверку решений компартий союзных республик, а также областных и краевых комитетов партии, разбиравших злоупотребления ответственных работников. В результате проверки было установлено, что только в течение первого послевоенного года по 90 областям, краям и республикам СССР к партийной ответственности было привлечено 4080 районных работников.¹⁴⁵

Из этого числа 1158 человек были впоследствии сняты с должности, а 978 - исключены из партии. Борьба с коррумпированной прослойкой в местных партийных структурах укрепляла в массовом сознании авторитет верховной власти и самой партии. Одновременно репрессивные меры создавали в региональных органах атмосферу страха, необходимую для более эффективного функционирования советской экономики. Так решались насущные хозяйственные проблемы.

¹⁴⁵ Там же. Д. 130. Л. 21.

Верховная власть имела все основания для борьбы с фактами «разложения» чиновничества. Дело в том, что в послевоенный период значительно участились случаи злоупотребления служебным положением. Об этом в секретариат ЦК сообщали уполномоченные комитета партийного контроля при ЦК ВКП (б) на местах. Например, 15 марта 1947 г. в ЦК поступило известие об излишествах некоторых руководящих работников Пензенской области. В записке говорилось о незаконном приобретении ими промтоваров и строительстве собственных домов.¹⁴⁶

Как показывают последние исследования и архивные материалы, сотрудники аппарата управления как в центре, так и на местах, обеспечивались всем необходимым и нужды не испытывали. Около 6 % населения имели лимитные книжки и покупали продукты питания и промтовары со скидкой от 10 до 35 % в коммерческих и особых магазинах. Независимо от того, что во время голода скидка снижалась до 25 % и ниже, она позволила элите спокойно пережить трудное время.¹⁴⁷ Многие руководящие работники получали обеды по специальным карточкам.¹⁴⁸ Кроме скидок привилегированной части населения полагалось дополнительное питание по различным литерам, сухие пайки по группам, спецпитание по спискам. Материальная оторванность от народа сопровождалась мировоззренческой. В 40-е годы в высших эшелонах власти ажиотаж довольно часто возникал при дележе поставок союзников.

¹⁴⁶ Там же. Оп. 116. Д. 299. Л. 30.

¹⁴⁷ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946-1947 гг.: происхождение и последствия. М. 1996.

¹⁴⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2965. Л. 6.

Всего по «ленд-лизу» наша страна получила в 1941-1945 гг. из США готовой продукции и материалов на общую сумму \$ 10,6 миллиардов. При пересчете этой суммы по официальному курсу 1940 г., получается 56,1 млрд. руб., что, например, эквивалентно 18,9 % национального дохода СССР в 1944 года в ценах 1940 года.¹⁴⁹

С материальной точки зрения помощь союзников нельзя абсолютизировать, но она была ощутимой. По официальным данным, опубликованным председателем Госплана Н.А. Вознесенским, поставки союзников никогда не превышали 4 % по отношению к отечественному производству.¹⁵⁰ Этот взгляд не оспаривали и в США. В конце мая 1945 г., во время визита в Москву, Г. Гопкинс не только из дипломатической вежливости подчеркнул: «Мы никогда не считали, что наша помощь по ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером».¹⁵¹ Ситуация изменилась в связи с «холодной войной». В вопросе о помощи союзников с этого времени (и вплоть до начала 90-х гг.) преобладала идеологическая, а не, собственно, объективная экономическая сторона.

Довольно часто поставки союзников (особенно товары широкого потребления) распределялись в узких кругах государственных чиновников. Далекое не всегда полученная продукция попадала в пользование простых граждан. Например, руководство Свердловской железной дороги после получения ящиков

¹⁴⁹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 77. Д. 255. Л. 221.

¹⁵⁰ Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период отечественной войны. М. 1848. С. 74.

¹⁵¹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. В 2-х т. Т. 2. М. 1958. С. 626.

с зарубежными подарками приступило к распределению вещей среди бюрократической элиты. Недостачу новых вещей восполняли старыми отечественными товарами. Вопрос о злоупотреблениях чиновников железной дороги разбирался на бюро Свердловского обкома партии.¹⁵²

Сам факт общественного разбирательства достаточно показателен для второй половины 1940-х годов. После войны, которая существенно преобразила нравственное сознание общества, многие, в том числе и в руководстве партии, были особенно нетерпимы к фактам воровства и морального разложения. Одной из причин незначительного роста преступности стала послевоенная амнистия в честь победы над фашизмом более чем для 40 тыс. осужденных.¹⁵³ Проблема послевоенной преступности одна из самых «молодых» в современной исторической науке. Возможно, это связано с тем, что количество правонарушений во второй половине 40-х годов значительно ниже довоенного. В то же время, субъективная реакция общества на криминогенную ситуацию после войны была более острой, нежели раньше.¹⁵⁴

Разумеется, рост преступности был тесно связан с низким уровнем жизни основных слоев населения. Лишь эффективное действие государственных карательных органов позволяло сдерживать развитие криминальных структур.

Вопреки реальности, советские средства массовой информации стремились представить оптимистическую картину

¹⁵² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 635. Л. 113-114.

¹⁵³ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 6. Д. 14. Л. 29.

¹⁵⁴ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953 гг. М. 1999. С. 91.

экономического развития страны. В официальных документах второй половины 40-х годов утверждалось, что благодаря «неустанной заботе партии» сельское хозяйство и промышленность уверенно набирают темпы роста. Видимыми проявлениями заботы должны были служить отмена карточной системы и ежегодное снижение цен на продовольственные товары. Однако, отдавая государству не только прибавочную, но и значительную часть необходимого продукта, деревня переживала самые трудные годы в своей истории. Производство почти не росло, происходил массовый уход сельских жителей, особенно молодежи, в города.

Перераспределение финансовых средств из сельского хозяйства в промышленность стало обычным явлением послевоенных лет. Аграрный сектор в послевоенный период, по сути, превратился в экономического донора. Несмотря на бедственное положение села, партийные верхи продолжали требовать от сельскохозяйственных производителей увеличения обязательных поставок продукции по символическим ценам, составлявшим 5-10 % от уровня себестоимости.¹⁵⁵ Лишь критическое положение в сельском хозяйстве побудило Совет министров СССР в ноябре 1948 г. принять постановление о мерах помощи сельскому хозяйству. Предусматривалось не только обеспечение техникой МТС, но и продажа ее колхозам, для чего начали выделять кредиты. Одним из первых постановление запрещало с 1949 г. производить дальнейший набор рабочей силы из колхозов для работы в промышленности, а также призыв молодежи в школы ФЗО и ремесленные училища. В постановлении выра-

¹⁵⁵ Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. М. 1964. С. 267.

жалось беспокойство за состояние дел в сельском хозяйстве, но, независимо от этого, изменения производственных отношений не предполагалось.

Индустриализация требовала принести аграрный сектор в жертву промышленному росту. Основной причиной кризиса в сельском хозяйстве было отсутствие реальной оплаты труда крестьян, которые работали за символические трудодни. Личные подсобные хозяйства, которые были основным, а нередко и единственным источником жизнеобеспечения сельских жителей, облагались обременительными натуральными и денежными налогами. Крестьяне не имели паспортов, им не полагались отпуска, пенсии, листки нетрудоспособности и т.д.

Комплексный анализ уровня жизни промышленных рабочих невозможен без его сравнения с уровнем жизни остальных категорий населения и, прежде всего, крестьянства. Исследование показало, что самые значительные продовольственные трудности в послевоенный период испытывали основные производители хлеба - рабочие колхозов и совхозов. Оплата труда в сельском хозяйстве никогда не превышала среднемесячной зарплаты промышленного рабочего.¹⁵⁶ В зимние месяцы заработная плата у трактористов снижалась с 356 руб. до 256 руб., у комбайнеров - с 411 руб. до 305 руб. в месяц. Много меньше зарабатывали в совхозе скотники, доярки и телятницы. Работники всех категорий в 1947 г. получили за год на 1 тыс. руб. больше чем в 1946 г. главным образом за счет хлебных надбавок, но это не могло компенсировать роста цен. Маленькая зарплата была у сезонных и временных рабочих - 260-270 руб. Директора

¹⁵⁶ Антошин Ю.Г., Анисков В.Т. Совхозы Западной Сибири в годы первой пятилетки. Новосибирск. 1971. С. 146-148.

совхозов и их заместители получали примерно столько, сколько зарабатывали ударники труда - от 800 до 900 руб. в месяц.¹⁵⁷

Вполне очевидно, что размеры заработной платы соответствовали принципам социальной политики руководства. Рабочие промышленных предприятий, как основная социальная опора власти, не зависимо от общих для всех послевоенных трудностей, получали более высокую зарплату, чем крестьяне. Поэтому заработки рабочих совхозов в 2,4 раза уступали заработкам рабочих МТС. К тому же выдача оплаты в совхозах нередко задерживалась. На 1 октября 1953 г. в совхозах союзного подчинения Министерства совхозов СССР задолженность по заработной плате составляла 11,4 млн. руб.¹⁵⁸

Катастрофическое материальное положение людей усугублялось политикой государственных займов денежных средств у населения, которая в послевоенные годы приняла фактически принудительный характер. Только колхозники внесли наличными около 30 млн. руб. За время голода в СССР было выпущено два займа восстановления и развития народного хозяйства. Примечательно, что полученные от них 45 млрд. руб. составляли половину суммы 4-х военных займов 1942-1945 гг.¹⁵⁹ Если в трудные военные годы люди шли на жертвы сознательно, то теперь государству приходилось использовать мощные пропагандистские средства.

Активная массовая пропаганда – еще одно подтверждение экономической неэффективности советской экономической сис-

¹⁵⁷ Зеленин И.Е. Совхозы СССР (1941-1950). М. 1969. С. 320-323.

¹⁵⁸ Богденко М.Л. Совхозы СССР. 1951-1958. М. 1972. С. 63.

¹⁵⁹ История социалистической экономики СССР. Т. 5. М. 1972. С. 502.

темы. В «Правде» публиковались призывы: «Ни одного трудящегося без облигаций нового займа... Подписка проводится под лозунгом «Трех-четырёх недельный заработок - займы государству».¹⁶⁰ Нарком финансов А.Г. Зверев, давал соответствующие указания финансовым органам союзных и автономных республик: «Быстрые темпы размещения займа должны в полной мере сочетаться с высоким уровнем массово-разъяснительной и организационной работы по займу».¹⁶¹ В условиях массового голода 1946-1947 гг. далеко не для всех убедительно звучала официально провозглашенная цель займа: привлечение средств населения на финансирование хозяйственного и культурного строительства. Поэтому мероприятие было организовано как социалистическое соревнование и проведено в предельно сжатые сроки.

Официальные издания сообщали, что трудящиеся Москвы дали займы государству на 385 млн. руб. больше предусмотренной нормы. Перевыполнение плана по сбору денег «Правда» назвала «подлинным триумфом советских государственных займов». Утверждалось, что «Ни одно зарубежное государство не знало и не знает подобных примеров».¹⁶² В агитационной работе использовались коллективистские стереотипы граждан, всех уклонившихся от сбора денег подвергали общественному осуждению.

Исследование показывает, что пропаганда сопровождала все значительные экономические события в жизни страны. В марте 1946 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «Об агитацион-

¹⁶⁰ Правда. 1947. 5 мая.

¹⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 424. Л. 10.

¹⁶² Правда. 1947. 7 мая.

но-пропагандистской работе партийных организаций в связи с принятием закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг.». Только в Москве 300 тыс. агитаторов разъясняли задачи трудящихся. Широкою пропаганду вела печать и радио. С призывом «Новая пятилетка – наше родное, общенародное дело» выступила газета «Труд».¹⁶³ Аналогичные статьи размещали газеты «Известия», «Правда», журнал «Коммунист» и даже такие специализированные издания как «Советское земледелие».¹⁶⁴

Действие советской экономической модели предполагало превращение любого события в пропагандистскую акцию. Например, перевод рубля на золотое обеспечение в 1950 г. преподносился как результат выполнения страной четвертого пятилетнего плана, хотя по сути, как отмечают современные исследователи, это была попытка покончить с финансовой зависимостью от Запада. Приняв свои внутренние правила, советская финансовая система отделилась от мировой.¹⁶⁵ Реформа основывалась на постановлении Совмина СССР от 28 февраля 1950 г. «О переводе курса рубля на золотую базу и о повышении курса рубля в отношении иностранных валют».

Реформа не повысила уровень жизни советских граждан, однако воспринималась большинством населения как важнейшее экономическое событие. С 1 марта 1950 г. было прекращено определение курса рубля по отношению к ино-

¹⁶³ Труд. 1946. 15 мая.

¹⁶⁴ См.: Правда. 1946. 2 июня; Советское земледелие. 1946. 14 марта.

¹⁶⁵ См.: Зима В.Ф. Голод в СССР 1946-1947 гг.: происхождение и последствия. М. 1996.

странным валютам на базе доллара и установлено золотое его содержание. Одновременно устанавливалась покупная цена Госбанка СССР на золото в 4 руб. 45 коп. за 1 г металла. Соответственно, курс рубля в отношении иностранных валют, исходя из золотого содержания рубля в 0,222 г, устанавливался в 4 руб. за 1 американский доллар вместо существовавших 5 руб. 30 коп. Подобный расчет действовал и в отношении к валютам других стран.¹⁶⁶ Как представляется, проведенная реформа сделала советскую экономику еще более закрытой для мирового рынка. Это в полной мере соответствовало замыслу И.В. Сталина, ориентированного на скорейшее построение социализма в отдельно взятой стране и массовым ожиданиям населения.

Психологическая атмосфера послевоенного общества, во многом сформированная средствами массовой информации, не могла не оказывать влияния на экономическое развитие страны. Коллективная жизнь, напряженный труд, взаимовыручка и взаимодействие, сохранившиеся с военных лет, стали характерными чертами советского социума на рубеже 40-50-х гг. Понимание общности трудностей и судеб, связи выполняемой работы с конечным продуктом и обостренное чувство долга требовали подчинения личных интересов и настроений - общим, что порой приводило к работе на пределе сил. Стремление к ускоренным темпам социалистического строительства было сильно не только в высшем партийно-государственном руководстве, но и в широких слоях общества. Власти поддерживали данные настроения и успешно их использовали в своих целях.

¹⁶⁶ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. В 4-х т. Т. 3. 1958. С. 483-484.

Представители высшего партийного руководства, понимая истинное положение дел, были обязаны проводить в жизнь, внедрять в сознание масс успехи и достижения, которых не существовало в действительности, но которые должны были существовать в обыденном сознании миллионов людей, чтобы сделать возможным само функционирование системы. По этой же причине, видимо, Сталин при редактировании сообщения для газет об итогах выполнения четвертого (первого послевоенного) пятилетнего плана СССР на 1946 - 1950 гг. оставил из всех возможных показателей материального положения советского народа только один - тот, где говорилось, что «общая сумма доходов рабочих и служащих и доходов крестьян в 1950 г. возросла по сравнению с 1940 г., в сопоставимых ценах, на 62 %». ¹⁶⁷

Советские историки также стремились не поднимать вопрос о реальном материальном положении рабочих в послевоенное время. Лишь в 90-е годы появились публикации, освещающие уровень заработной платы, условия труда и быта работников предприятий и служащих. Имеющиеся данные говорят о крайне тяжелом положении городского населения. При этом послевоенная разруха и карточная система далеко не основные причины создавшейся ситуации. Очевидно, государству было выгодно такое состояние общества, в котором основные производители материальных благ были поставлены на грань выживания.

¹⁶⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1192. Л. 150-192; Основные показатели социального развития и повышения уровня жизни населения СССР: Статсборник. М. 1976. С. 111.

Подобная модель экономической политики имеет свое объективное объяснение. Как показали последние исследования, за годы войны накопилось несоответствие между натуральной и ценностной формами выражения стоимости внутреннего валового продукта и национального дохода. Это привело к тому, что план развития народного хозяйства СССР в 1945 г. составлялся с серьезными диспропорциями. Так, баланс средств производства формировался с дефицитом в 24 млрд. руб., а баланс предметов потребления - с дефицитом 20 млрд. руб. При определении размеров национального дохода в 1945 г. Госплан СССР допустил ошибку. Сначала была названа цифра 518 млрд. руб., затем - 476 млрд. руб.¹⁶⁸

Фактически национальный доход СССР в 1945 г. составил 441,4 млрд. рублей. Поскольку это было на 48,2 млрд. руб. меньше, чем в 1944 г., возникла острая необходимость сократить расходы союзного бюджета. Таким образом, последний год войны и начало первого года мирной жизни для экономики СССР ознаменовались глубоким кризисом, который, на самом деле, являлся продолжением общего экономического спада, обусловленного гигантскими экономическими потерями и военными затратами 1941-1945 гг. Сознавая это, руководство страны переложило основное бремя трудностей на плечи населения.

Даже элита промышленного класса – рабочие предприятий г. Москвы по многим важнейшим продуктам питания - мясо,

¹⁶⁸ Симонов Н.С. Создание в СССР военной промышленности и формирование советского военно-промышленного комплекса (1920-1950 гг.). Проблемы экономического роста, структура, организация производства, управление. М. 1999.

рыба, сахар, овощи - едва могли получить половину физиологической нормы, необходимой человеку. По данным Российского государственного архива экономики, наибольший удельный вес в продуктовой «корзине» рабочей семьи занимали хлеб и картофель. И если потребление хлеба в 1950 г. несколько снизилось в сравнении с довоенным, то, наоборот, потребление малопитательного, но зато дешевого картофеля возросло на треть. И это был единственный из всех продуктов, фактическое потребление которого превышало физиологическую норму. И хотя в 1952 г. выросло потребление мяса, молока, яиц, рыбы, овощей в сравнении с 1940 г., фактический уровень их потребления был далек от необходимого.¹⁶⁹

Вопреки массовым ожиданиям, после окончания войны заработная плата рабочих заводов снизилась в связи с сокращением трудовой недели и прекращением сверхурочных работ. Среднемесячная зарплата рабочих на заводах и предприятиях г. Москвы, составлявшая в мае 1945 г. 680 руб., снизилась до 480 руб. На отдельных предприятиях сокращение оплаты труда было еще больше, примерно в 1,5-2 раза. Заработки уборщиц, вахтеров, истопников и других не менялись с 1937 г. и были на уровне 200 руб. в месяц. Минимальная заработная плата, не облагавшаяся налогами, составляла 150 руб. Значительную часть зарплаты отнимали налоги и государственные займы. Так, из заработка в 200 руб. изымалось 67 руб.¹⁷⁰ На некоторых крупных заводах тяжелой промышленности средний размер зарплаты составлял за отдельные месяцы 65 % от начисленного заработка, а 35 % удерживалось по Госзайму. Крупных раз-

¹⁶⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1292. Л. 111-123.

¹⁷⁰ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 48. Д. 2614. Л. 23.

меров достигали удержания из заработной платы за сделанный брак. Иногда рабочие в течение нескольких месяцев оставались должниками завода.

По оценке финансовых органов, в совокупном доходе рабочих и служащих за 1950 г. удельный вес заработной платы составлял по СССР 79 %, а расходы на покупку товаров - 65 % всей расходной части бюджета. Помимо этого на покупку сельхозпродуктов на колхозном рынке рабочие и служащие тратили 8,6 % совокупного дохода, а стоимость потребленных ими продуктов, полученных от личного хозяйства, оценивалась почти в 5 % всех расходов.

В заключении раздела необходимо выделить основные выводы.

Один из выводов состоит в том, что в соответствии с представлениями высшей партийно-государственной элиты СССР, социально-экономическая модель строящегося социализма была ориентирована на первоочередное развитие производства средств производства, развитие тяжелой индустрии, экономическую конкуренцию с развитыми странами Запада. В данной связи производство предметов потребления представляло остаток, минимально необходимый для существования производственной сферы. Несоответствие между производством и потреблением, а точнее, стремление государства создать производство почти без потребления - представляло собой наиболее слабое звено советской социальной политики.

Проведенный в разделе анализ показал, что значительная часть работающего населения страны относилась к малообеспеченным слоям. Характерными чертами социальной действительности 1929-1953 гг. была низкая, а часто и совсем недоста-

точная для существования оплата труда, плохое питание, тяжелая работа, которую нельзя было оставить по собственному желанию. Иерархия в потреблении в целом соответствовала приоритетам, провозглашенным государством для успешного построения социалистического общества. Как показывают современные исследования, система централизованного снабжения сложилась в СССР уже в годы первых пятилеток. Именно тогда произошло деление работающего населения на занятых тяжелым и легким физическим трудом, на работающих в ведущих отраслях промышленности (и приравненных к ним производствах) и во вспомогательных, развилась система привилегий для номенклатуры, в особое положение попали кадровые работники силовых структур – армии и министерства внутренних дел. Вместо принципа социальной справедливости советскую иерархию потребления определял принцип «производственной необходимости» человека делу социалистического строительства.

Советское законодательство, начиная с Конституции страны, во многом имевшей декларативный характер, далеко не всегда соответствовало реально проводимой советским правительством социальной политике. В частности, в первой Конституции РСФСР 1918 г. в области социальной политики декларировалось достижение «всеобщего равенства граждан республики в области производства и распределения богатств», а в Конституции СССР 1936 г. утверждалось, что социалистическая система хозяйства покоилась на отмене частной собственности и уничтожении эксплуатации человека человеком. В действительности, как показало исследование, вслед за ликвидацией так называемых «эксплуататорских классов», последовала по-

литика полного подчинения трудящихся всех категорий государству, бюрократический аппарат которого превратился в монополиста эксплуатации советских рабочих и колхозного крестьянства.

Особенность проводимой партийно-государственным руководством политики состояла в том, что в условиях интенсивной работы карательной системы население страны не имело возможности открыто выражать свое социальное недовольство. Более того, с опорой на карательные органы часто осуществлялась политика внеэкономического принуждения к труду. В частности, с середины 1930-х гг. силовые структуры стали усиленно бороться с «враждебными и отсталыми элементами», которые якобы «пытались дискредитировать и задержать стахановское движение». В отчете Верховного Суда СССР за 1935 г., отмечалось, что «в ряде мест дезорганизаторам стахановского движения был нанесен суровый удар. Однако, наряду с этим, обнаружено много случаев... недостаточно эффективной репрессии к прямым врагам стахановского движения». Во второй половине 1930-х гг. НКВД проводит ряд операций по вскрытию «вредителей народного хозяйства» в различных отраслях промышленности, что, безусловно, создавало серьезную напряженность в обществе.

Однако, как показало исследование, государству не всегда удавалось переламывать ситуацию в свою пользу исключительно внеэкономическими мерами. Даже в непростых условиях полного государственного контроля экономические рыночные законы действовали, хотя и в сжатом, искаженном виде. Подтверждением этого служит проведенный в разделе анализ динамики рыночной торговли. Государство стремилось воспрепят-

ствовать деятельности частных торговцев, что являлось концептуальной основой проводимой властью социально-экономической политики. Согласно действовавшему законодательству, скупка хлеба и продуктов, облагалась промысловым налогом. Однако налоговые органы не всегда могли уследить за действиями частных торговцев, чьи услуги пользовалась большим спросом. Всякий раз официальным органам приходилось констатировать, что заменить хозяйственно-полезную функцию частника как проводника товара не удается ни кооперации, ни госторговле.

Основой социальной стратегии власти являлась неравномерность распределения национального дохода между различными категориями населения. Не случайно основные материальные затруднения на протяжении всего исследуемого периода испытывали промышленные рабочие и крестьяне. Исследование показало, что уровень жизни государственных чиновников и партийных работников оказался значительно выше, чем простых граждан. Относительно высоким был уровень жизни военнослужащих, которые имели весомые по тем временам социальные гарантии государства. Таким образом, в разделе удалось показать, что власть в процессе разработки и реализации социальной политики руководствовалась преимущественно военно-стратегическими, а не социальными интересами. Забота о материальном достатке основных слоев населения не была приоритетной задачей правительства, так как в 1929-1953 гг. основная доля национального бюджета уходила на развитие тяжелой индустрии и реализацию военных программ, на противостояние с ведущими в техническом плане державами Запада.

РАЗДЕЛ III. Разработка и реализация социальной политики СССР в 1930-е гг.

Отличительной чертой социальной политики 1930-х гг. является ужесточение репрессивных мер, сквозь призму которых рационально рассмотреть избранную тему. Для укрепления трудовой дисциплины руководство страны использовало ставшие уже привычными административно-репрессивные методы, сфера применения которых расширилась в тридцатые годы до предела.

Еще в 1929 году, в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 5 сентября «О мерах по упорядочению управления производством и установлению единоначалия»,¹⁷¹ были резко сокращены права профсоюзов. Администрация получила право увольнять работников за нарушение трудовой дисциплины без участия комитета профсоюзов.¹⁷²

В 1930 году администрация предприятий и учреждений получила право переводить работников на срок до одного месяца (в случае простоя – на все время простоя) на другую работу.¹⁷³ Таким образом, в конце 20-х-начале 30-х годов рабочие по сути теряют поддержку профсоюзов и становятся игрушками в руках администрации. 23 июня 1933 г. совместным постановлением ЦИК, СНК СССР и ВЦСПС народный комиссариат труда СССР и ВЦСПС были объединены. На профсоюзы было возложено выполнение функций Наркомтруда и его местных органов. Идея Троцкого об огосударствлении профсоюзов была оконча-

¹⁷¹ См.: КПСС в резолюциях... Т. 4. М., 1984. С. 556–562.

¹⁷² СУ РСФСР. 1930. № 7. С. 83.

¹⁷³ СУ РСФСР. 1930. № 7. С. 262.

тельно претворена в жизнь. 28 декабря 1938 вышло в свет совместное постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле».¹⁷⁴ 9 января 1939 года в центральных газетах были опубликованы «Разъяснения СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС о взысканиях за опоздание на работу».

В соответствии с постановлением от 28/XII-1938 года и «Разъяснениями...» увольняющийся должен был после подачи заявления об уходе с предприятия отработать месяц. В случае совершения рабочими и служащими трех проступков или опозданий на работу, совершенных в течение месяца, они увольнялись и затем в десятидневный срок выселялись из ведомственных квартир. Для укрепления дисциплины с 1939 года вводились трудовые книжки.

После принятия постановления «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины...» периодическая печать повела «поход» за укрепление трудовой дисциплины. Газеты сообщали о либеральном отношении к «дезорганизаторам производства, покровителям прогульщиков и т.д.». В то же время сообщалось о том, что некоторые руководители предприятий «приклеивали ярлык прогульщика» добросовестным работникам, с целью увольнения их с работы для устройства на работу своих знакомых и родственников.¹⁷⁵

В свою очередь, Прокурор СССР объявил приказ о выполнении постановления СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28/XII-

¹⁷⁴ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 16. Д. 2. Л. 12.

¹⁷⁵ Там же. Д. 71. Л. 9.

1938 года. В нем предписывалось «усилить контроль за точным соблюдением постановления», за выселением рабочих и служащих в десятидневный срок из ведомственных квартир. Должностные лица, «виновные в неприменении мер к выселению названных лиц, – отмечалось в приказе Прокурора Вышинского, – привлекаются к дисциплинарной, а в соответствующих случаях, и к уголовной ответственности».

Среагировало на постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 года и НКВД СССР. 28 января 1939 года НКВД СССР разъяснил, что данное постановление «полностью распространяется на спецпереселенцев. Трудпоселенцы, допустившие нарушение трудовой дисциплины и подлежащие согласно закону увольнению с производства и выселению в связи с этим из квартир, принадлежащих данному производству – должны администрацией предприятий увольняться с работы и выселяться из квартир в соответствии с законом».¹⁷⁶

«При повторном увольнении за нарушение трудовой дисциплины, – гласил циркуляр НКВД, – ...трудпоселенцы переселяются «в другие наиболее отдаленные трудпоселки, с использованием их на менее квалифицированной и низкооплачиваемой работе...».

В целях улучшения процесса использования рабочих и служащих 17 октября 1939 года приказом центрального управления народнохозяйственного учета Госплана СССР (ЦУНХУ Госплана СССР) был создан сектор учета труда.

Однако вскоре выяснилось, что все эти меры недостаточно эффективны. Так, возводившиеся на пути увольняющихся

¹⁷⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 1073. Л. 1–2.

препятствия изобретательно преодолевались. Многие с легкостью «теряли» трудовые книжки и при дефиците кадров быстро получали новые. Неожиданными оказались некоторые последствия реализации закона 1938 г. о том, что увольняющийся должен подать заявление об уходе с предприятия за месяц. Рабочий, желавший уволиться, естественно, находил новую работу, но не всегда на новом месте соглашались ждать месяц. Эту задачу многие предприимчивые рабочие решали при помощи того же закона: они специально опаздывали, и их немедленно увольняли как прогульщиков. Опозданием считалась задержка не менее чем на двадцать минут, поэтому такой прием получил название «сыграть в 21».¹⁷⁷

Итак, политическое руководство страны в конце 30-х гг. вроде бы должно было осознать, что административные меры не всемогущи, что нужно искать другие пути решения проблем и эффективности производства, и дисциплины труда, и текучести кадров... Но и инерция мышления, и верность идеалам «государственной собственности», и созданный уже монолит административно-командной системы не позволили начать поиск решения социально-экономических проблем в других направлениях. Угроза войны, которая нависла над страной, ускорила принятие Советским руководством мер, укрепляющих административно-репрессивные методы управления экономикой.

В 1940 году появляется несколько указов Президиума Верховного Совета СССР, ужесточающих и без того жесткие методы укрепления трудовой дисциплины и борьбы с текучестью кадров. Главным из них являлся указ от 26 июня

¹⁷⁷ Хлевнюк О. 26 июня 1940 г.: иллюзии и реальности администрирования // Коммунист. 1989. № 9. С. 87–88.

1940 года «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

Указ, наряду с увеличением рабочего времени, предусматривал жестокие наказания за прогулы и одновременно прикреплял работника к предприятию. За самовольный уход с предприятий и учреждений рабочие и служащие подвергались тюремному заключению сроком от 2 до 4 месяцев. Прогул без уважительной причины карался исправительно-трудовыми работами по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25%. Народные суды должны были рассматривать все эти дела в пятидневный срок, а приговоры приводились в исполнение немедленно. Рабочие и служащие могли уволиться только с разрешения руководителя предприятия, причем в строго оговоренных условиях: при болезни, выходе на пенсию, зачислении на учебу. Руководители за уклонение от предания суду виновных и за принятие на работу укрывающихся от закона лиц, самовольно ушедших с предприятий и учреждений, в соответствии с указом тоже привлекались к судебной ответственности.¹⁷⁸

Принятие и публикация указа были подкреплены мощной пропагандистской кампанией. 26 июня, в день принятия указа, в газетах появилось обращение ВЦСПС ко всем трудящимся. В нем ВЦСПС предложил провести те меры, которые на следующий день были обнародованы в виде указа. Необходимость

¹⁷⁸ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» // Ведомости. 1940. № 20.

жестких мер объяснялась, в первую очередь, возросшей военной опасностью. В газеты попали и первые отчеты о митингах на предприятиях страны, в которых трудящиеся, конечно же, единодушно поддерживали принятые решения. А через несколько дней те же газеты сообщали о первых случаях привлечения к суду за опоздания и прогулы. 27 июня народный комиссар юстиции и Прокурор СССР издали приказ, в котором конкретизировали некоторые положения Указа от 26/VI-1940 года. В частности, устанавливалось, что «указанные дела рассматривать в суде не более, чем в 5-тидневный срок... Приговор судов по делам о самовольном уходе рабочих и служащих с предприятий и учреждений, а также по делам о прогулах без уважительных причин – приводить в исполнение немедленно, не дожидаясь результатов рассмотрения жалобы...».¹⁷⁹

Особой жесткостью отличалась социальная политика власти в деревне. Еще в годы нэпа в сельском хозяйстве были достигнуты положительные результаты (об этом писалось ранее). Но было бы неверно полагать, что новая экономическая политика решила все проблемы на селе. Темпы подъема сельского хозяйства в 1922–1925 гг. были впечатляющими. Но не следует забывать, что это были темпы восстановительного периода. В 1925 году сельское хозяйство, в основном, достигло довоенного уровня. А затем его рост приостановился.

В стране неоднократно возникали хлебозаготовительные кризисы, которые были связаны с малой товарностью сельского хозяйства, его низкой эффективностью и невысокой закупочной ценой на зерно. Во второй половине двадцатых годов перед ру-

¹⁷⁹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 47. Л. 304–305.

ководством страны встали задачи преобразования сельскохозяйственного производства. Из различных концепций его развития была выбрана коллективизация. Предполагалось, что коллективные хозяйства будут более эффективными и дадут необходимое количество товарного зерна и для жителей страны и для нужд индустриализации.

Политика и практика коллективизации находилась в общем русле теоретических представлений Сталина о социализме. У многих членов партии, в том числе и у Сталина, было предубеждение против крестьянства. Марксистский тезис об идиотизме деревенской жизни, о «дурацком крестьянском хозяйственном укладе»,¹⁸⁰ о несовместимости социализма с мелким крестьянским хозяйством был использован Сталиным для обоснования коллективизации.

Коллективизация тесно связана с индустриализацией страны. Эти два процесса синхронизированы. Синхронизация объясняется тем, что для решения амбициозных задач в промышленности нужны были средства, которые и предполагалось изъять у крестьянства. Проще и легче это делать при создании коллективных хозяйств.

Следует заметить: многие члены партии искренне верили, что коллективизация сельского населения будет способствовать быстрому подъему сельскохозяйственного производства (исходя из марксистского положения о преимуществе крупного хозяйства) и переводу крестьянства на рельсы социализма, ломке его частнособственнической психологии. Они предполагали, что коллективизация поможет СССР быстрее вырваться

¹⁸⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 71.

из отсталости. Ради этого, считалось, можно идти на любые лишения (конечно, временные). Эти активисты брались за переустройство села «не за страх, а за совесть». И на них опиралось политическое руководство страны при осуществлении коллективизации.

В конце 20-х гг., оказавшись в социально-экономическом тупике, власть решила сделать ставку на такую хозяйственную единицу как колхозы. К началу 1928г. на один колхоз в Московской губернии в среднем приходилось 8-10 хозяйств; 9367,6 га посевной площади; 3 лошади; 7 коров; одна свинья и одна овца.¹⁸¹ Как известно, XV съезд ВКП (б) взял курс на всемерное кооперирование крестьянских хозяйств во всех существовавших в то время формах. Однако подмосковные уездные чиновники трактовали решения съезда по-своему: «пятнадцатый съезд ВКП (б) признал единственным выходом из современного положения - переход на коллективизацию», хотя в действительности на съезде подчеркивалось, что индивидуальное крестьянское хозяйство еще длительный период будет основой сельскохозяйственного производства.¹⁸² Вместе с тем съезд поручил ЦК разработать мероприятия по предоставлению льгот колхозам, что было закреплено и местными подзаконными актами.

Так, работники ВКП (б) отмечали, что необходимо создавать наиболее благоприятные условия для коллективных форм хозяйствования, путем улучшения их кредитования, снабжения орудиями труда, организацией переработки и сбыта их продук-

¹⁸¹ Москва и Московская губерния. Статистико-экономический справочник 1923/24-1927/28 гг. М., 1929. С.404.

¹⁸² ЦГАМО. Ф. 665. Оп. 1. Д. 478. Л. 35. Об.

ции.¹⁸³ Крестьяне проявляли интерес к предоставляемым льготам. Жители деревни Федотово Коломенского уезда Московской губернии на одном из собраний спрашивали: «Какая норма земли и инвентаря полагается сельскохозяйственным коллективам?». Председательствующий пояснил: «Таких норм не существует. Советская власть может отпустить земли неограниченно, глядя по коллективу, а также отпустить ту или иную ссуду на приобретение машин и прочего инвентаря».¹⁸⁴ Ответ озадачил селян: «ведь получается, что власть делит все не по закону, а по своему желанию». Однако часть крестьян заявила, что «хорошо бы колхоз организовать, раз государство так много даст».¹⁸⁵

Анализ архивных и иных материалов дает возможность предположить, что большинство создаваемых колхозов преследовали одну единственную цель - получение государственной помощи, которая затем делилась подворно, а сам колхоз фактически переставал существовать. Так, в Московской губернии в течение 1928 г. распалось около 80% колхозов.¹⁸⁶

По мнению А. Югова: «Благодаря новому курсу даже те небольшие суммы, которые государство ассигнует на нужды сельского хозяйства, небольшие по сравнению с миллиардами, которые Советское государство получает у крестьян налогами, высокими ценами на промышленные изделия и инфляцией, - идут в значительной части не на нужды всей массы крестьянст-

¹⁸³ Бюллетень Тульского губернского комитета ВКП (б) № 7. 3 декабря 1928. С. 15.

¹⁸⁴ ЦГАМО. Ф. 665. Оп. 1. Д. 478. Л. 32

¹⁸⁵ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 17. Д. 81. Л. 32.

¹⁸⁶ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 2. Д. 31. Л. 272.

ва, а на утопические попытки искусственно, в кратчайший срок создать коллективные хозяйства».¹⁸⁷

Это понимали и партийные чиновники, разных уровней. На расширенном Пленуме Тульского окружного исполкома руководитель аграрного сектора Студенецкий так прокомментировал создавшуюся ситуацию: «Многие колхозы воображают, что государство существует для того, чтобы оказывать им помощь, а колхозы существуют только для того, чтобы принимать эту помощь, а сами они государству ничего давать не обязаны».¹⁸⁸ Значительная часть колхозов носила фиктивный характер, т.е. крестьяне использовали колхозную вывеску для получения необходимых им семян, орудий, льгот, кредитов. Несомненно, предоставление колхозам льгот в кредитовании, машиноснабжении и других сферах создавало благоприятные условия для развития колхозов и повышало интерес единоличников к колхозам.

Разумеется, были и колхозы, которые объединялись для совместной деятельности его членов, но и они распоряжались государственной помощью не всегда эффективно. Такая бездумная раздача кредитов, неэффективное использование государственной помощи, отталкивали единоличников от колхозов. С мест сообщали: «в лице крестьянства наши совхозы, колхозы и коммуны не имеют достаточного авторитета, а подчас имеют авторитет обратный».¹⁸⁹

¹⁸⁷ Югов А. Народное хозяйство Советской России и его проблемы. //НЭП. Взгляд со стороны. М., 1991. С.219.

¹⁸⁸ Бюллетень Тульского Окрисполкома и Горсовета. №17. 28 декабря 1929 г. Тула. 1929. С. 13.

¹⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1822. Л. 265.

Несмотря на все оказываемые льготы, колхозы распались, и их посевная площадь не только не возросла, но и уменьшалась. Этому способствовало и то, что колхозы сдавали хлеб государству по нормированной цене, которая была значительно ниже рыночной.¹⁹⁰ Следовательно, резкая переориентация государственной помощи колхозам в 1928-1929 гг. имела двоякий характер. С одной стороны, она способствовала росту колхозов, с другой стороны, непродуманное распределение кредитов отталкивало крестьян от идеи производственной кооперации и тем самым тормозило возникновение коллективных хозяйств. Зажиточные крестьяне предупреждали своих односельчан: «Ничего у вас безлошадников в коллективе не выйдет, надо будет на чем-то работать, а у вас ничего нет. Власть вам семян даст, а лошадей не даст и вы, организовав коллектив, останетесь на бобах».¹⁹¹

Таким образом, любимое детище государства, пользовавшееся его безусловной поддержкой, не могло длительное время сосуществовать параллельно с единоличными хозяйствами, так как финансовые потоки в сфере производства все чаще регулировались не в пользу последних.

В целом, курс большевиков на колхозы обострил недовольство крестьянских масс. Если до этого в привилегированном положении были бедняк и середняк, а врагом кулак, то со времени увлечения колхозами «в загоне оказалось все индиви-

¹⁹⁰ Югов А. Народное хозяйство Советской России и его проблемы. // НЭП. Взгляд со стороны. М., 1991. С. 213.

¹⁹¹ ЦГАМО.Ф.66. Оп. 22..Д. 428..Л.9.

дуальное хозяйство». ¹⁹² Сталинский «год великого перелома» поставил точку в споре кто кого: «Достижение партии, - писал Сталин, - состоит в том, что нам удалось организовать этот коренной перелом в недрах самого крестьянства и повести за собой широкие массы бедноты и середняков, несмотря на неимоверные трудности, несмотря на отчаянное противодействие всех и всяких темных сил, от кулаков и попов до филистеров и правых оппортунистов». ¹⁹³

О мифичности «великого перелома» свидетельствует широкий круг источников, в том числе и архивных. Так, из Воскресенского уезда Московской губернии в Президиум Моссовета сообщали, что при голосовании на собрании по проблеме коллективизации из 50 присутствующих против проголосовало 44, в том числе 16 середняков. ¹⁹⁴ Из Подольского и Ленинского уезда той же губернии информировали об аналогичных фактах. В Московском уезде общее собрание не утвердило резолюцию о переходе к коллективному хозяйству, опираясь на положения известной сталинской статьи партийное руководство приступило к форсированию «революции сверху». Социально-экономическая эволюция деревни способствовала развитию естественных собственнических тенденций в среде крестьянства и тем самым вступала в принципиальное противоречие с искусственно насаждаемыми сверху коллективными формами производства. Это не могло не

¹⁹² Югов А. Народное хозяйство Советской России и его проблемы //НЭП. Взгляд со стороны. М., 1991. С. 218.

¹⁹³ «Правда» 7 ноября 1929 г.

¹⁹⁴ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 17. Д. 81. Л.

¹⁹⁵ Там же. Оп. 22. Д. 298. Л. 9,11.

отразиться на внутреннем состоянии деревенского общества. Все то новое и в жизни, и в быте крестьянства, что мы привыкли связывать с событиями начала 1930 г. имело место и в 1927-1929 гг., причем отнюдь не в зародышевом состоянии, хотя масштабы событий в 1928 и 1930 гг. были естественно различны. Складывающиеся критическая ситуация в аграрной сфере и намечавшиеся варианты ее преодоления стали прологом к первому акту деревенской трагедии.

Начался процесс свертывания нэпа, когда на смену расколотой деревне стала создаваться новая общность именуемая «колхозным крестьянством». Репрессивные методы проведения аграрной политики способствовали внедрению государства в практику организации сельскохозяйственного производства. Хотя, как считает Н.П. Носова, было бы существенной ошибкой представлять отношение большевиков к деревне в виде «некоего концептуального монолита».¹⁹⁶ Беззакония властей по отношению к крестьянству рождали сопротивление. В большинстве своём это были пассивные формы борьбы, такие как свертывание сельскохозяйственного производства, посылка ходоков в столицу с жалобами, утаивание хлеба, забой скота и т.п.

Факты конфронтации между властью и крестьянством нашли свое отражение в многочисленных информационных сводках, справках и докладах ОГПУ. Сводки сведений о текущих событиях и настроениях на местах являлись базой всей системы информационных материалов ОГПУ, позволяющих власти «все знать», все держать под своим контролем. Начавшаяся осенью 1927 г. сталинская «революция сверху» привела к разработке

¹⁹⁶ Носова Н.П. Деревня второй половины 20-х г. // НЭП: завершающая стадия /Соотношение экономики и политики. М., 1998. С. 210.

специальных докладов «о классовой борьбе», «об антисоветской деятельности», «о кулацком сопротивлении» и т.п.¹⁹⁷ Эти материалы анализировались Информационным отделом ЦК ВКП (б), который на их основе составлял развернутые обзоры о настроениях, господствующих в деревне, о формах и методах противодействия властям.

Факты свидетельствуют, что форсированная, насильственная коллективизация принесла неисчислимы беды крестьянству. Огромные потери его связаны с политикой «ликвидации кулачества как класса». Эта политика представляла собой один из самых трагических актов в истории страны.

Слово «раскулачивание» родилось еще в годы гражданской войны, когда комбеды производили насильственную экспроприацию средств производства у зажиточных крестьян. В годы нэпа на смену «раскулачиванию» пришла политика «ограничения эксплуататорских тенденций кулачества», которая проявлялась и в лишении избирательских прав, и в повышенном налоге на зажиточных крестьян. «Кулаки» не могли выступать учредителями кооперативов и избираться в состав их правлений. Но у них не отбирали средств производства. «Кулаки» имели право вступать в сельскохозяйственные кооперативы.

Вопрос о судьбе зажиточного крестьянства начинает коренным образом изменяться в конце двадцатых годов в связи с введением чрезвычайных мер. Однако значительная часть руководящего слоя партии еще не склонна была поддерживать «политику ликвидации кулачества как класса» в сталинской ин-

¹⁹⁷ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. / Т.2. 1923-1929. М., 2000. С. 8.

терпретации. Характерна в этом отношении дискуссия на XVI партконференции (апрель 1929 года). Большинство делегатов конференции считало, что зажиточных крестьян (при условии сдачи ими всех средств производства и недопущения в руководящие органы) следует в колхоз принимать.

Калинин, выступавший с докладом «Пути подъема сельского хозяйства и налоговое облегчение середняка», заметил по этому вопросу: «Существо вопроса в чем? Допускается у нас кулачество в кооперативы? – Допускается. Вот принцип – решение партии, решение правительства».¹⁹⁸

Этот «партийный принцип» допущения кулаков в кооперативы прослеживается и в решениях государственных органов. Однако в этих же решениях четко проводится мысль, что кулаки не имеют права быть в числе учредителей или членов выборных органов и не должны использовать кооперативы в своих классовых интересах. Так, в постановлении СНК 28 декабря 1928 года «О мерах борьбы с лжекооперативами» отмечено, что «капиталистические (кулацкие) элементы в ряде случаев проникают в кооперативные организации и превращают их в лжекооперативы, являющиеся орудием и прикрытием их эксплуататорской деятельности... По отношению к организациям, – гласит постановление, – большинство членов которых составляют трудящиеся и деятельность которых может быть выправлена, должны быть применены меры оздоровления, как-то: перевыборы органов управления и ревизии..., а в необходимых случаях – исключение из их состава капиталистических (кулацких) элементов. Те организации, которые не могут быть оздо-

¹⁹⁸ Шестнадцатая конференция ВКП(б): Стенографический отчет. М., 1962. С. 438.

ровлены указанными мерами, подлежат безусловной ликвидации». ¹⁹⁹

9 сентября 1929 года ВЦИК и СНК принимает новое постановление, предусматривавшее уголовное наказание (в УК РСФСР вносится соответствующее дополнение) за учреждение и руководство деятельностью лжекооперативами. За такое преступление установлено «лишение свободы на срок до 5 лет со строгой изоляцией и конфискацией всего или части имущества». ²⁰⁰

Итак, вроде бы кулакам и дано право поступать в кооперативы, но с большими ограничениями. Но даже такие правила участия зажиточных крестьян в кооперативах были аннулированы с провозглашением политики сплошной коллективизации. В речи на конференции аграрников-марксистов Сталин говорит о «ликвидации кулачества как класса». Но как его ликвидировать? Сталин об этом не говорит. Но зато отвечает на другой вопрос (который ему кажется смешным) о том, можно ли принять кулака в колхоз. «Конечно, нельзя его пускать в колхоз. Нельзя, так как он является заклятым врагом колхозного движения». ²⁰¹ Куда же деваться кулакам? В колхоз – нельзя, самому вести хозяйство – нельзя. Чтобы до конца выяснить их судьбу, создали комиссию Политбюро под руководством Молотова.

30 января 1930 года ЦК ВКП(б) принимает постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В нем раскулачиваемые делились

¹⁹⁹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. С. 241.

²⁰⁰ Там же. С. 317, 241.

²⁰¹ Сталин И. Вопросы ленинизма. С. 325.

на три категории: первая («контрреволюционный актив») – участвующие в антисоветских и антиколхозных выступлениях. Они подлежали аресту, а их семьи – выселению в отдаленные районы страны; вторая – «крупные кулаки и бывшие полупомещики, активно выступающие против коллективизации». Их вместе с семьями выселяли в отдаленные районы страны; третья – «остальная» часть кулаков расселялась в специальных поселках в пределах тех же административных районов. У всех кулаков конфисковывались средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции и семенные запасы.²⁰²

1 февраля 1930 года ЦИК и СНК принимают свое постановление «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», запрещающее аренду и применение наемного труда в единоличных хозяйствах. Постановление предоставило краевым (областным) исполкомам Советов и правительствам автономных республик применять все необходимые меры для борьбы с кулачеством.²⁰³

Руководство страны понимало, что такие меры могут привести к пожару крестьянской войны. И посему на полную мощь к «ликвидации кулачества» подключаются органы ОГПУ и армейские части. 30 января коллегией ОГПУ было созвано совещание всех ПП (полномочных представительств) ОГПУ, где подробно обсуждались вопросы операции по раскулачиванию.²⁰⁴

²⁰² Данилов В. Коллективизация... // Переписка на исторические темы. С. 388.

²⁰³ СЗ СССР. 1930. № 9. Ст. 105.

²⁰⁴ Дугин А.Н., Малыгин А.Я. Солженицын, Рыбаков: технология лжи

2 февраля 1930 г. ОГПУ издает приказ.²⁰⁵ В нем предлагается ликвидировать «контрреволюционные образования и отдельных наиболее активных лиц» к началу развертывания кампании по выселению кулаков и их семейств. В приказе намечено определенное количество контрреволюционного кулацкого актива («первой категории») для «изъятия» по регионам страны:

Украина – 15000

Северный Кавказ и Дагестан – 6000

Средняя Волга – 3000

Ц.Ч.О. – 3000

Нижняя Волга – 4000

Белоруссия – 4000

Урал – 4000

Сибирь – 5000

Казахстан – 5000

Арестованные по этой категории «концентрировались» в окружных и областных отделах ОГПУ. Дела на них рассматривались тройками по внесудебному рассмотрению дел, которые были созданы при ПП ОГПУ. Основное количество таких арестованных должно было заключаться в лагеря. «В отношении наиболее злостного ... актива...» применялся расстрел. Семьи арестованных, заключаемых в концлагеря или приговоренных к расстрелу, высылались в северные районы СССР. Для рассмотрения дел для лиц первой категории в ПП ОГПУ создавалась тройка с представителями от крайкома ВКП(б) и прокуратуры. Для непосредственного руководства операцией по выселению кулаков второй категории и их семейств в округах (об-

// Военно-исторический журнал. 1991. С. 71.

²⁰⁵ Приказ ОГПУ № 44/21 от 2 февраля 1930 г.

ластях) и окротделах ОГПУ создавались оперативные тройки во главе с начальником ОГПУ.

На случай возможных «осложнений» при ПП ОГПУ создавались маневренные группы из частей ОГПУ. Там, где «чекистско-военного резерва» было недостаточно, разрешалось использовать «в скрытом виде войсковые группы из надежных, профильтрованных Особорганами ОГПУ частей Красной Армии». Для их проверки предлагалось «на время операции усилить перлюстрацию корреспонденции, в частности, обеспечить 100% просмотр писем, идущих в Красную армию».²⁰⁶ Чтобы обеспечить политическую устойчивость армии при проведении операции по кулачеству 2 февраля 1930 г. ОГПУ рассылает циркуляр «Об аресте красноармейцев и лиц начальствующего состава армии за связь с кулачеством и проведение антисоветской агитации».

В нем отмечалось: «Необходимо добиться..., чтобы ни одного скрытого кулака в армии не осталось»; «...семьи, члены коих служат в армии, выселяться не будут...»; но это «...отнюдь не означает, что выявление и быстрая чистка от кулацких элементов армии должна быть ослаблена..., сперва надо удалить члена семьи..., а потом лишь принимать те или другие репрессивные меры по отношению семьи».²⁰⁷

Красноармейцы, являвшиеся членами семей, коих хотели раскулачивать, арестовывались, их дела направлялись в Особое Совещание, а на военнослужащих войск ОГПУ – в коллегия

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Циркуляр ОГПУ «Об аресте красноармейцев и лиц начальствующего состава армии за связь с кулачеством и проведение антисоветской агитации» (2/II – 30 г.).

ОГПУ. Особое внимание обращалось на фильтровку красноармейских отрядов, направляемых в деревню в виде скрытых резервов. 4 февраля 1930 г. за подписью Калинина, Рыкова и Енукидзе ЦИКа и СНК союзных и автономных республик, краевым и областным исполнительным комитетам была разослана секретная инструкция, по которой вся организация доставки и сама доставка кулаков в отдаленные местности возлагалась на ОГПУ.²⁰⁸

В свою очередь, ОГПУ 20 февраля рассылает всем органам ОГПУ циркуляр «Об изъятии из городов кулаков, бежавших из районов раскулачивания», в котором предлагалось «принять меры всеми имеющимися средствами, в частности через осведомительную сеть, милицию, УГРО и др. к выявлению кулаков, оседающих в городах». Выявленных кулаков – арестовывать.²⁰⁹

Таким образом, зажиточному крестьянину скрыться (тем более с семьей) было практически невозможно. «Партийно-правовые» документы узаконили «массовое раскулачивание», которое полным ходом шло по стране, и определило главного исполнителя выселения крестьян – ОГПУ. У крестьян, подвергшихся раскулачиванию, экспроприировались земля, орудия труда, денежные средства, домашнее имущество.. При отправке «кулацким семьям» разрешалось брать с собой «топоры, пилы, лопаты, плотничьи инструменты, по возможности хомуты и шлеи и продовольствие из расчета на два месяца, общим весом не более 25 – пудов на семью».²¹⁰

²⁰⁸ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 515. Л. 2–7.

²⁰⁹ Циркуляр ОГПУ «Об изъятии из городов кулаков, бежавших из районов раскулачивания» (20.02.30 г.).

²¹⁰ Приказ ОГПУ № 44/21 от 2 февраля 1930 г.

Для проработки вопроса об организации труда и жизни выселенных крестьян 1 апреля 1930 г. при СНК была создана специальная секретная комиссия под председательством Шмидта, в которой было принято решение об образовании для расселения выселенных крестьян специальных поселков (спецпоселки).²¹¹

Весной 1931 года в связи с новой волной раскулачивания была создана комиссия во главе с заместителем председателя СНК А.А. Андреевым, которая призвана была рассматривать заявки хозяйственных органов на бесплатную рабочую силу крестьян. В составе комиссии главную роль играли сотрудники ОГПУ Ягода, Берман, Евдокимов и др.

Вот образчик действия этой комиссии. В протоколе ее заседания от 18 марта 1931 г. значится:

«Постановили: Принять предложение т. Заковского о переселении в Северные районы Западного Сибкрая в течение мая-июня-июля 1931 г. 40 тыс. кулацких хозяйств. Выселяемые кулацкие хозяйства должны быть использованы для освоения черноземных массивов..., а также в качестве рабочей силы для лесных разработок. Предложить Ягоде ... предоставить на рассмотрение комиссии план переселения кулацких хозяйств Восточной Сибири, аналогичный плану Западной Сибири».²¹²

«Принять общий контингент хозяйств в 1931 г. в Казахстан в размере 150000 хозяйств... Вселяемые кулацкие хозяйства должны быть использованы в следующих основных направлениях: а) угольные разработки; б) медное дело; в) железная ру-

²¹¹ Сидоров В.А. Мероприятия по трудовому перевоспитанию бывших кулаков // Вопросы истории. 1964. № 11. С. 57.

²¹² ГАРФ. Ф.9479. Оп. 1с. Д. 2. Л. 1.

да; г) железно-дорожное строительство; д) сельское хозяйство. Обязать ОГПУ направить не позже 15 апреля в районы вселения не менее 10000 одиночек (глав семей) для использования их в деле подготовки условий (жилстроительство и прочие подготовительные работы) для приема остального контингента». 15 мая 1931 года комиссия Андреева рассматривала вопрос «Об организации управления и производственного использования спецпереселенцев» и приняла решение: «Ввиду безобразного использования рабочей силы спецпереселенцев и беспорядка в содержании хозорганами – передать целиком в ОГПУ хозяйственное, административное и организационное управление по спецпереселенцам, а также все материальные и денежные фонды, отпущенные на спецпереселение. Предложить ОГПУ для этой цели организовать специальный аппарат управления при ОГПУ и краевых ПП (Сибирь, Урал, Севкрай и Казахстан)». ²¹³

В этом же решении комиссии были пересмотрены цифры переселяемых крестьян в некоторые районы страны. «Ввиду технической невозможности переселения 150000 кулацких семейств в районы Казахстана» признано было в 1931 г. расселить «в районах Казахстана 60000 семейств». ²¹⁴

В то же время комиссия решила дополнительно «произвести в период с 25 мая по 10 июля вселение в Северные р-ны Урала 50000 семей спецпереселенцев для использования их на лесозаготовках (Ураллес)». ²¹⁵

²¹³ Там же. Л. 2.

²¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

²¹⁵ Там же. Л. 11.

Решение комиссии Андреева о передаче ОГПУ всех хозяйственных, административных и организационных «забот» о спецпереселенцах было закреплено постановлением СНК СССР «Об устройстве спецпереселенцев».²¹⁶ Тем самым была создана правовая база для формирования спецпоселков, мало чем отличающихся от концлагерей, в которых жили ссыльные крестьянские семьи (спецпереселенцы)²¹⁷ Приказом ОГПУ в составе ГУЛАГа 2 июня 1931 г. был образован отдел по спецпереселенцам.²¹⁸

Спецпоселки, после их передачи в ведение ОГПУ, напоминали лагеря. Административное управление ими осуществлялось специально назначенным комендантом, под руководством которого было от 2 до 5 стрелков охраны. В некоторых местах для спецпереселенцев создавались штрафные команды и штрафные поселки. Режим в них устанавливался лагерный. Для «штрафников» увеличивалась норма выработки, зарплата не выдавалась.²¹⁹ 2 апреля 1932 г. штрафные команды были ликвидированы. Административно наказуемых спецпереселенцев стали содержать в арестных помещениях, организуемых при поселковых комендатурах. Как правило, отбывающие административный арест спецпереселенцы днем работали, а ночью содержались под стражей. Спецпереселенцы, осужденные судами за бытовые преступления с содержанием под стражей до 3-х лет, направлялись в исправительно-трудовые дома и по от-

²¹⁶ Там же. Л. 14.

²¹⁷ До 1934 г. они назывались спецпереселенцами, в 1934–1944 гг. – трудпоселенцами, с 1944 г. – спецпоселенцами.

²¹⁸ Там же. Л. 17.

²¹⁹ Там же. Приказ ОГПУ № 330/198 от 02.06.31 г.

бытии срока заключения вселялись обратно в спецпоселки. Осужденные на срок свыше 3-х лет отправлялись в лагеря ОГПУ.²²⁰

Положение спецпереселенцев было крайне тяжелым. Спецпоселки, как правило, размещались в необжитых, суровых местах. Жилища были примитивными: землянки, палатки, шалаши, в лучшем случае, бараки. В Государственном архиве Российской Федерации сохранилось большое количество документов, показывающих бедственное положение спецпереселенцев. Многие из них верили в то, что по отношению к ним допущена ошибка. И они писали письма в адрес ВЦИК, Калинина. Эти сохранившиеся письма являются обличительными документами политики раскулачивания.

Вот только несколько выдержек из них. «Доводим до вашего сведения (Калинина), что большинство из нас и до настоящего времени не знает, как и за что выслан... Обращаются ... со всеми нами..., как со злейшими врагами Советского строя ...».²²¹ В другом письме к Калинину пишется о том, что спецпереселенцы «выгнаны не на жительство, а на живую муку, которую мы еще не видели от сотворения мира».²²²

Естественно, спецпереселенцы пытались любыми путями вырваться из спецпоселков. Многие бежали. Только с 1932 по 1940 гг. из «кулацкой ссылки» бежало 629042 человека, а было возвращено из бегов за тот же период – 235120 человек. Для предотвращения побегов применялись суровые меры: вводи-

²²⁰ Циркуляр ОГПУ «О ликвидации штрафных команд в спецпоселках» (2.04.32 г.).

²²¹ Там же.

²²² ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 1. Д. 448. Л. 11.

лась круговая порука; в отношении задержанных применялись репрессивные меры вплоть до заключения в концлагерь и применения высшей меры наказания по постановлениям краевых областных троек.²²³

3 июля 1931 г. ЦИК СССР принял постановление «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков»,²²⁴ которое вроде бы направлено на восстановление справедливости в отношении высланных крестьян. В постановлении указывалось, что раскулаченные «восстанавливаются по истечении пяти лет с момента выселения во всех гражданских правах и получают право избирательного голоса...». Однако это относилось лишь к тем, кто заслужил доверие коменданта спецпоселка, которому было дано право «казнить и миловать» ссыльных крестьян.

27 мая 1934 года в связи с приближающимся окончанием пятилетнего срока высылки кулаков из районов сплошной коллективизации ЦИК СССР постановил «восстановить в гражданских правах по истечении пяти лет со дня выселения, а проработавших в течение трех лет в золотой и платиновой промышленности по истечении трех лет по представлениям полномочных представительств ОГПУ тех спецпереселенцев, которые выявили себя в местах новых поселений безусловно честной

²²³ Там же. Л. 72.

²²⁴ Приказ ОГПУ «Об усилении репрессивных мер к кулакам, незаконно возвратившимся из мест спецпоселения» от 10/VII-30 г.; Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 14.

работой, лояльным отношением и поддержкой мероприятий Советской власти...». ²²⁵

Во исполнение этого постановления ОГПУ предложило всем ПП ОГПУ не производить массового восстановления спецпереселенцев в гражданских правах, а делать это «в порядке ... выявления лучшей, лояльной части спецпереселенцев». ²²⁶

Восстановление в гражданских правах не означало, что высланным крестьянам разрешалось возвращаться в родные края. Согласно постановлению ЦИК СССР от 25 января 1935 г. им запрещался выезд с места поселения. ²²⁷

На основании этого постановления ГУРКМ (Главное управление рабоче-крестьянской милиции) постановило: «Высланным кулакам, восстановленным в гражданских правах, паспорта выдавать исключительно по месту расположения трудпоселенца...» Таким лицам нигде не разрешалось прописываться «кроме мест поселения». «При обнаружении этих лиц в других местностях, – значилось в приказе ГУРКМ, – задерживать их, как бежавших и направлять этапом к месту поселения». ²²⁸

Возвращались в спецпоселки (трудпоселки) и лица, которые отбыли срок наказания в лагерях и колониях. Те, кто ранее был спецпоселенцем (трудпоселенцем), по отбытии срока наказания вновь оказывались в ссылке. ²²⁹ Исключение составляли

²²⁵ СЗ СССР. 1931. № 44. Ст. 298.

²²⁶ Циркуляр ОГПУ «О порядке восстановления спецпереселенцев в гражданских правах». 9/VI – 1934 г.

²²⁷ Там же.

²²⁸ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 130. Л. 74.

²²⁹ Там же.

освобожденные «заключенные ударники». После отбытия срока наказания в лагерях им разрешалось возвращаться на родину. Освобождению из спец. и трудпоселков подлежали и члены их семей (жена, дети, отец, мать), «если данные члены семьи до отбывания меры социальной защиты главой семьи находились на иждивении последнего».²³⁰

Таким образом, попавшие в спецпоселки (трудпоселки) крестьяне были обречены на бессрочную ссылку. И только лишь незначительное количество их возвращалось домой. Но и после этого они могла в любое время отправиться в места «не столь отдаленные».

Разумеется, жесткая политика власти вызывала ответные меры крестьянства. Самым распространенным и, пожалуй, наиболее эффективным методом активного политического сопротивления со стороны крестьянства в рассматриваемый период было распространение различного рода «антисоветской» информации и агитации, в том числе и направленной против аграрной политики власти. Подобного рода сообщения распространялась в устной и письменной форме. Письменной информации относились листовки, а также анонимные лозунги и угрозы. Отличительной особенностью листовок являлось то, что они часто содержали общие призывы на сопротивление власти и ее политике («Долой колхозы», «Да здравствует борьба с советской властью», «Долой насильников - коммунистов, ведущих страну к гибели и разрухе»²³¹ и т.п.). Но

²³⁰ Циркуляр НКВД «О порядке освобождения из исправительно-трудовых лагерей и колоний трудпоселенцев, отбывших срок наказания» (11.02.1939).

²³¹ Архив УФСБ по Ивановской области. Ф. 11. Гр. 3. Оп.2. Д.1. Л.3.

одновременно листовки могли включать в себя и конкретные угрозы. Кроме того, листовки часто подписывались от имени какой-либо «борющейся» с режимом организации и распространялись не в единственном экземпляре.

Анонимные лозунги и угрозы, в основном, содержали конкретные угрозы определенным активистам и общественным работникам, колхозам или местным органам власти, и писались в единственном экземпляре. Так, анонимка, подброшенная фининспектору Пучежского района, содержала следующую информацию: «От имени крестьян и рабочих. Крестьяне будут вам мстить, живот распорют, кишки выпустят».²³²

Хотя письменная «антисоветская» агитация всегда являлась важным элементом крестьянского сопротивления власти, наиболее активно она стала распространяться в деревнях начиная с 1928-1929 гг.

Причины роста такой формы сопротивления, как и всех остальных, были связаны с резким ухудшением экономического положения в стране в эти годы, впадением жизненного уровня населения и, конечно, началом проведения массовой коллективизации и раскулачивания. Письменная «антисоветская» агитация была очень эффективным средством сопротивления. Листовки создавали у читавших их крестьян, впечатление наличия широкого фронта антибольшевистских сил, так как в конце стояло название солидной организации (на самом деле фиктивной).

Например, в Ивановской области распространялись листовки с подписями: «Общество спасения России», «Рабоче-

²³² Там же. Л.5.

крестьянская политическая партия», «Комитет действия», «Бюро борьбы с большевиками» и другие.²³³ Анонимные угрозы же вызывали страх у местных работников и даже заставляли иногда отступить от проведения жесткой линии.

Эффективность распространения печатной агитации заключалась еще и в том, что ее авторы часто оставались безнаказанными, так как власти было очень сложно их вычислить. Так, в 1930 г. Ивановскими органами госбезопасности были установлены только 38% авторов листовок. А в целом по стране количество выявленных авторов листовок и вовсе не превышало 10%.²³⁴

Техника изготовления листовок была крайне примитивной, что говорит о размытости и неорганизованности крестьянского сопротивления. «В абсолютном большинстве случаев, - отмечалось в сообщении Ивановского отдела ОГПУ, - листовки написаны на полулистах, четвертах даже на обрывках и клочках, от руки карандашом или чернилами, часто через копировку».²³⁵

Но встречались случаи и значительно более организованной работы по изданию и распространению «антисоветских» листовок. Так, в 1929 г. в селе Сойково Южского района Ивановской области органы госбезопасности обнаружили подпольную типографию, владельцем которой была названа «контрреволюционная эсеровская организация». В типографии печаталась литература и листовки, которые распространялись даже за

²³³ Архив УФСБ по Ивановской области. Ф.11. Гр. 3. Оп. 2. Д.1. Л.9.

²³⁴ Там же. Д. 6. Л.10; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 2. С. 790.

²³⁵ Архив УФСБ по Ивановской области. Ф.11. Гр. 3. Оп.2. Д.1. Л.8.

пределами области.²³⁶ В целях конспирации листовки и анонимки писались печатными буквами и в отдельных случаях намеренно измененным почерком. Значительная часть письменных лозунгов и угроз была написана безграмотным почерком по старой орфографии, что говорит о малограмотности писавших.

Тираж листовок обычно был невелик, ввиду примитивнейшего уровня изготовления и малочисленности писавших. Обычный тираж листовок, по сведениям ОГПУ, не превышал 4-5 экземпляров, обычно был даже меньше. Хотя встречались случаи, когда тираж достигал 200 и даже 300 экземпляров. Так, например, в Вязниковском районе Владимирского округа листовки, призывавшие к свержению советской власти, распространялись в радиусе 30 км в сотнях экземпляров.²³⁷ В деревнях Верхнего Поволжья отдельные «антисоветские» лозунги выполнялись в нетрадиционной форме. Так, в с. Дубасово Гусевского района воззвание антиколхозного содержания, подброшенное в местный кооператив было вырезано на тонкой доске. В Любимском районе была обнаружена листовка в форме плаката из вырезанных газетных букв, в Ярославском районе листовка была сделана в виде стенгазеты. Весьма часто встречались случаи, когда крестьяне специально затесывали большое дерево, растущее на видном месте, и писали лозунг.²³⁸

Распространялись листовки в местах наибольшего скопления населения: на базарных площадях, церковных оградах, чайных. Анонимные угрозы подбрасывались в дома деревенских активистов, представителей власти или по месту их работы

²³⁶ Архив УФСБ по Ивановской области. Ф.11. Гр. 3. Оп. 3. Д.2. Л. 3.

²³⁷ Там же. Д.1.Л.9.

²³⁸ ГАНИКО. Ф.3. Оп.1. Д.63. Л.5.

- в сельсоветы, кооперативы, избы-читальни и т.п. Угрозы и листовки распространялись также по почте в редакции газет и на имя отдельных партийных и советских работников.

Наибольший всплеск распространения листовок и анонимок в сельской местности Верхневолжского региона пришелся на 1930 г., причем, прежде всего, на первый его квартал, когда применение насилия по отношению к крестьянству принимало наиболее крайние формы.

Если в 1929 г. в Ивановской промышленной области органами ОГПУ было зафиксировано лишь 6 случаев распространения в деревне «антисоветских» листовок и 13 случаев подбрасывания анонимных угроз, то в 1930 г. численность листовок возросла в 15 раз, а количество угроз осталось на прежнем уровне.²³⁹ Последний факт объясняется тем, что угрозы в основной массе передавались в устной форме. Так, только за февраль-март 1930 г. в области было зафиксировано 420 устных угроз по отношению к проводившим коллективизацию и раскулачивание работникам,²⁴⁰ хотя и эта значительная цифра далеко не отражала реальную картину массового распространения этой формы крестьянского протеста.

В 1931-1933 гг. количество распространяемых листовок по сравнению с 1930 г. стало сокращаться. Так, за октябрь 1930 - март 1931гг. в центре страны было обнаружено 25 случаев распространения листовок, а за этот же период 1931-1932 гг. только 12 случаев. Численность зарегистрированных анонимных угроз также сократилась - соответственно с 27 до 15, но в целом

²³⁹ Архив УФСБ по Ивановской области. Ф.11. Гр. 3. Оп. 2. Д.6. Л.3, 10.

²⁴⁰ Там же. Оп. 3. Д. 6. Л. 10.

на протяжении первой пятилетки их количество оставалось на более стабильном уровне.²⁴¹

Подавляющее большинство распространявшихся листовок призывали либо к ликвидации существовавшей власти, либо были резкого антиколхозного содержания. Наиболее активно листовки в деревнях Ивановской области распространялись в двух районах - Вязниковском и Некоузском. В Вязниковском районе в с. Мстера ОГПУ раскрыло крупную «кулацкую группу» в количестве 32 человек, занимавшуюся производством и распространением листовок. Группа меньшая по численности, но распространявшая листовки «целыми пачками» была раскрыта в селе Некоуз.²⁴²

Социальный состав авторов листовок и угроз определить довольно сложно, так как раскрываемость таких «преступлений» была чрезвычайно низкой. Несомненно, что подобная форма протеста большевистской политике была распространена среди всех слоев сельского населения. Так, в 1930 г. ОГПУ привлекла к ответственности за распространение листовок и анонимок 12 кулаков, 15 середняков и 4 бедняков и колхозников.²⁴³ Учитывая, что в основном «раскрывались» группы по 3-4 человека, можно предположить - крестьяне составляли около 30-40% участников подобных групп. К остальным следует отнести рабочих, связанных с сельским хозяйством, очень активно выступавших против коллективизации, сельскую интеллиген-

²⁴¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Т. 3. С. 352.

²⁴² Архив УФСБ по Ивановской области. Ф.11. Гр.3. Оп.2. Д.6. Л.3, 6.

²⁴³ Там же. Л. 10.

цию, категорию «бывших торговцев, офицеров, служащих полиции», в которой тоже почти наверняка могли быть крестьяне.

Распространенным способом противодействия крестьянства политике большевиков в конце 20-х - начале 30-х гг. являлись открытые «антисоветские» высказывания и другая устная агитация. Местом для такой агитации традиционно служили сельские сходы, собрания по различным вопросам (налогообложение, займы, коллективизация, раскулачивание), а также беседы в небольшом кругу на базарах, в кооперативных лавках, в чайных, во время праздников и т.д.

Крестьянские выступления против политики властей зачастую оказывали большое воздействие на окружающих и нередко являлись детонатором к проявлению более резких и массовых форм протеста вплоть до волнений целых деревень. Так, в 1930 г. Ярославский окружное отделение ОГПУ отмечало, что после открытой крестьянской агитации против организации колхозов происходил срыв собраний по вопросу об организации колхозов, в окрестных селениях возрастал убой скота, увеличивался выход из уже организованных колхозов.²⁴⁴

Большое влияние на население оказывали всевозможные, зачастую совершенно нелепые, слухи о коллективизации и о большевистской власти в целом. Слухи распространялись по деревням с удивительной быстротой и нередко наводили панику среди крестьянства, побуждая оказывать противодействие политике коллективизации. Многие женщины в деревнях Верхнего Поволжья, например, категорически отказывались вступать в колхоз из-за распространенных слухах о том, что «в колхозах

²⁴⁴ ГАЯО. Ф. Р-1376. Оп. 3. Д.2. Л.493.

жены будут общими, а колхозники будут спать все вместе под огромным одеялом».²⁴⁵

Количество неугодной власти агитации в деревне резко возросло в начале 1930 г. В деревнях Ивановской области только за 3 первых месяца осуществления массовой коллективизации было арестовано за «антисоветскую» агитацию 4805 человек.²⁴⁶ В дальнейшем количество регистрируемых выступлений против советской власти и ее политики снизилось, однако оставалось очень высоким. Точное количество случаев проведения антисоветской агитации в деревне установить совершенно невозможно. То, что регистрировалось властями, было лишь малой частью огромного количества «антисоветских» и антиколхозных высказываний.

Большинство крестьян в Верхневолжском регионе не выступали открыто против большевистской политики из-за реальной возможности быть причисленным к «враждебным элементам» и получить срок. Крестьяне вели беседы «за углом», тщательно конспирируя свои действия. В марте 1930 г. органами ОГПУ было зарегистрировано 9 нелегальных крестьянских собраний, после которых распадались целые колхозы из-за массового выхода из них крестьян.²⁴⁷ Естественно, что таких неконтролируемых властью собраний было намного больше. В 1931 г. полномочное представительство ОГПУ по Ивановской промышленной области даже выпустило специальную инструкцию,

²⁴⁵ ГАНИКО. Ф.3. Оп.1. Д.63. Л.19.

²⁴⁶ Архив УФСБ по Ивановской области. Ф.11. Гр. 3. Оп.5. Д.1. Л.4.

²⁴⁷ Там же. Л. 6.

которая требовала прекратить аресты за проведение «антисоветской» агитации середняками и бедняками.²⁴⁸

В ходе коллективизации в сельском хозяйстве было раскулачено и сослано (а многие расстреляны) огромное количество крестьянских семей. Называются разные цифры: от 1,1 до 3 и более миллионов крестьянских хозяйств (т.е. от 5 – до 15 и более миллионов людей).²⁴⁹

Доктор исторических наук В.П. Данилов обосновывает цифру семей раскулаченных следующими выкладками. Официальные источники указывают лишь сведения о численности кулацких семей, высланных в отдаленные районы страны (т.е. тех, кто был отнесен к первой и второй категории): по подсчетам специальных комиссий ЦКК ВКП(б), в 1930 году она составила 115231, в 1931-м – 265795. За два года, следовательно, были выселены на Север и Урал, в Сибирь и Казахстан 381 тысяча семей.²⁵⁰

В справке отдела по спецпоселенцам ГУЛАГа ОГПУ под названием «Сведения о выселенном кулачестве в 1930–1931 гг.» указывалась та же цифра выселенных спецпоселенцев – 381 тыс. семей с общей численностью 1803392 человека.²⁵¹

²⁴⁸ Архив УФСБ по Ивановской области. Ф.11. Гр.2. Оп.1. Д. 12. Л.1.

²⁴⁹ Циркуляр ОГПУ «О порядке освобождения из спецпоселков членов семей досрочно освобожденных заключенных-ударников» от 23/XI–1933 г.

²⁵⁰ См.: Правда. – 1988. – 16 сентября; Литературная газета. –1988. – 8 августа; Шапиро Л. Указ. соч. – С. 540.

²⁵¹ Данилов В. Указ. соч. – С. 381.

По подсчетам В.П. Данилова, 200–250 тысяч крестьянских семей успели «самораскулачиться», т.е. продать или просто бросить свое имущество и бежать в города, на стройки. 400–450 тысяч семей, которые должны были расселяться отдельными поселками в пределах краев и областей прежнего проживания (третья «категория»), после конфискации своего имущества в массе своей также ушли из деревни.

В 1932–1936 годах широкие кампании раскулачивания не проводились. Общее число хозяйств, ликвидированных в качестве кулацких за эти годы, составило около 100 тысяч. В сумме получается около 1,1 миллиона хозяйств, ликвидированных в ходе раскулачивания.²⁵²

Вероятно, в дальнейшем историки более точно определят цифру раскулаченных. Но от этого суть трагедии не изменится. В ходе политики «ликвидации кулачества как класса» пострадали миллионы самых умелых, наиболее старательных сельских тружеников. Большинство из раскулаченных проживало в спецпоселках. Официальная статистика указывает, что в январе 1932 г. в них находилось 1,4 млн. высланных «кулаков» и членов их семей. Меньшая их часть занималась сельским хозяйством, большая – трудилась в лесной и добывающей промышленности. К весне 1935 года 445 тысяч спецпереселенцев (включая членов семей) трудились в 1271 неуставной сельскохозяйственной артели (отличие от обычной, в частности, состояло в том, что во главе правления стоял комендант); 640 тысяч – в промышленности.²⁵³

²⁵² Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД–МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3.

²⁵³ Данилов В. Указ. соч. С. 391.

В годы коллективизации осуществлялось переселение не только «кулаков». В массовом порядке в малообжитые места переселялись и крестьяне, к которым не предъявлялись никакие обвинения.

Идея планового переселения крестьян возникла еще в середине 20-х годов. Для ее реализации в 1924 г. был создан Всесоюзный Переселенческий комитет (ВПК) при ЦИК СССР (213). В 1927 г. на первом Всероссийском совещании работников по переселенческому делу решено было в течение 10 лет переселить 5 млн. человек.²⁵⁴

Массовое «добровольное» переселение крестьян набирает силу в начале 30-х годов. По постановлению ЦИК и СНК СССР от 15 августа 1933 г. ВПК был передан в ведение СНК СССР. На местах создавались аппараты уполномоченных ВПК.²⁵⁵ ВПК и его уполномоченные наблюдали и осуществляли контроль за работой по переселению, которые вели НКВД и другие комиссариаты.

Одновременно с ВПК существовал Переселенческий отдел при ГУЛАГе НКВД СССР, который вел работу по заселению и созданию сельскохозяйственной и кормовой базы в районах строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.²⁵⁶ 10 июля 1936 г. по постановлению СНК СССР ВПК передается НКВД СССР. При НКВД образуется Переселенческий отдел, существовавший до 1939 г.²⁵⁷ Параллельно Переселен-

²⁵⁴ История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. С. 182.

²⁵⁵ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 2, 3, 4.

²⁵⁶ Там же. Д. 2. Лл. 16–17.

²⁵⁷ Там же. Д. 165. Лл. 17–18, 55.

ческому отделу НКВД до 1939 г. переселенческими мероприятиями занимается также Наркомзем СССР.²⁵⁸

Его Главное зерновое управление переселяло людей на территории РСФСР. В частности оно занималось переселением еврейского населения в Еврейскую автономную область (после ликвидации «комзета» – комитета по земельному устройству трудящихся евреев при ЦИК СССР в 1938 г.)

Главное хлопковое управление Наркомзема СССР переселяло людей в Среднюю Азию и Закавказье. Переселением корейского населения ведало Переселенческое бюро Наркомзема.²⁵⁹ Оно же занималось разработкой мероприятий по сельскохозяйственному переселению, оседанию кочевых и полукочевых народов, сселению хуторских хозяйств в колхозные деревни.²⁶⁰ С возрастанием задач по переселению (ведь стали переселять уже целые народы: евреев, корейцев, финнов) решено было централизовать это дело.

27 мая 1939 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР ликвидировали Переселенческое бюро Наркомзема и Переселенческий отдел НКВД и создали Переселенческое управление при СНК СССР.²⁶¹ Переселенческая политика, проводимая в 30-е годы, строилась на насилии. Наряду с работниками Переселенческих органов претворением в жизнь этой политики занимались чекисты. При ПП ОГПУ для этого организовывались оперативные штабы.

²⁵⁸ Там же. Д. 183, 184, 188, 197.

²⁵⁹ Там же. Д. 165. ЛЛ. 36, 39.

²⁶⁰ Там же. Д. 24–30.

²⁶¹ Там же. Д. 220. ЛЛ. 1–3.

Крестьян, не согласных ехать в необжитые места, запугивали раскулачиванием. Многих красноармейцев, отслуживших срок службы, грузили в эшелоны и вывозили на место переселения.²⁶²

Естественно, переселенцы, в принудительном порядке попавшие в новые края, стремились вырваться на родину. Только с Кубани за октябрь-декабрь 1933 г. сбежало 1084 переселенцев. За это же время прибыло в этот край 1050 эшелонов с 38,5 тысячами «добровольцев».²⁶³

Для борьбы с «добровольцами-беглецами» чекисты организовали «всестороннее чекистско-оперативное обслуживание переселенцев...; обработку отдельных переселенцев, пытающихся бежать...; борьбу с действиями кулацкого элемента, пытающегося деморализовать переселенцев».²⁶⁴ Таким образом, «переселенцы-добровольцы» также являлись жертвами массового террора, обрушившегося на деревню, которая произошла в ходе коллективизации, явился страшный голод в самых зерновых районах страны. Как мы уже отмечали, у колхозов и совхозов легче было отбирать зерно. И это «с успехом» делалось. В 1928 году крестьяне при использовании чрезвычайных мер сдали государству 680 миллионов пудов хлеба при валовом сборе зерна 4,5 миллиарда пудов. В 1932 году при валовом сборе зерна 4,3 миллиарда пудов (т.е. меньше, чем в 1928 году) государство получило из деревни зерна почти в два раза больше, чем в

²⁶² Там же. Д. 208.

²⁶³ Там же. Д. 246. Л. 1.

²⁶⁴ Там же. Д. 43. ЛЛ. 49, 52.

1928 году – 1,3 миллиарда пудов. Но какой ценой это было сделано? У многих колхозов был изъят весь хлеб, включая семена.

Во многие районы для реквизиции зерна направлялись чрезвычайные комиссии, в которых принимали участие Молотов, Каганович, Микоян, Ягода и др. Высшие руководители страны не останавливались перед репрессиями для решения задач новой продразверстки. Многих «мягкотелых» руководителей исключали из партии и отдавали под суд. Создавались разъездные сессии судов для экстренного рассмотрения дел в отношении неплательщиков хлеба.

Несмотря на такие методы, ярко выраженного репрессивного характера, на Украине осенью 1932 г. вследствие низкого урожая зерновых план хлебозаготовок был выполнен на 41%. Из центра пришла директива – выполнить план хлебозаготовок любой ценой. Крестьяне волновались. Документы передают общественное волнение. Женщины-беднячки заявляли: «Мы не допустим до того, чтобы голодали, как в 1922 г., а возьмем палки и пойдем разбивать амбары ссыпунктов...».²⁶⁵ «Как теперь жить, – говорили крестьяне Нижнесерогозского района Херсонщины, – людей и скот нечем кормить... Что мы будем сдавать (хлебозаготовки), если у нас хлеба нет... Пусть попробуют прийти ко мне сами хлеб брать, то без головы пойдут со двора».²⁶⁶ Такие настроения были распространены везде. Естественно, работники ОГПУ знали об этом. На заседании Политбюро ЦК КП(б)У (с участием Молотова, возглавлявшего чрезвычайную комиссию ЦК ВКП(б) по Украине) председателю ГПУ Украины Реденсу было поручено со-

²⁶⁵ Там же. ЛЛ. 34–38.

²⁶⁶ Там же. Л. 36.

вместно с Косиором срочно разработать специальный план ликвидации, «основных кулацких и петлюровских контрреволюционных гнезд».²⁶⁷

В начале декабря 1932 г. Косиор, докладывая Сталину о положении с хлебозаготовками, особый упор делал на применении репрессий: «За ноябрь и 5 дней декабря арестовано по линии ГПУ 1230 человек – председателей, членов правлений, счетоводов. Кроме того, арестовано бригадиров – 140, завхозов-весовщиков – 265, других работников колхозов – 195».

Здесь же сообщалось, что вскрыты и переданы в суд 206 групповых дел кулацких и антисоветских элементов.²⁶⁸ Повально проводились обыски и изъятие остатков хлеба. В перелиске Нижнесерогозского райкома партии Херсонщины значится, что хлеб заготовливается «методом изъятия, при этом, буквально, в количестве 10–20 кг, в лучшем случае 2–3 пуда».²⁶⁹ Колхозников, которые помогали в выявлении и изъятии хлеба, награждали. 10–15% изъятого хлеба отдавали им.²⁷⁰

В результате этих мер разразился голод. Документальная база о голоде 1932–1933 гг. очень скудна. Документы районных исполкомов и сельских Советов за эти годы практически не сохранились.

Скудность материалов о голоде объясняется тем, что о нем запрещали говорить и писать. Когда секретарь ЦК компартии Украины Терехов на совещании в Москве просил помочь

²⁶⁷ Реализация государственной аграрной политики на Украине. М., 1998. С. 45; ГАХО. Ф.П. 48. Оп. 1. Д. 33. Лл. 27, 28.

²⁶⁸ Там же. Л. 27.

²⁶⁹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 130–131.

²⁷⁰ Там же.

зерном умирающим от голода колхозникам Харьковской области, Сталин его прервал: «Оказывается вы хороший рассказчик – сочинили такую сказку о голоде, думали нас запугать, но не выйдет».²⁷¹ На местах зачастую запрещали при регистрации смерти от голода указывать истинную причину. В свидетельствах о смерти проставлялись выдуманные болезни.

На местах карательные органы боролись с распространением «слухов» о голоде. Так, одного директора школы на Херсонщине обвинили и посадили за то, что он якобы организовал детскую демонстрацию с лозунгом: «Даешь горячі сніданки». В одном из колхозов чекисты «раскрыли» кулацкий заговор, участники которого «в подкреплении своей агитации о голоде съели дохлую лошадь». Для предотвращения распространения информации о голоде вооруженные отряды ОГПУ не пропускали голодающих людей в другие районы страны. В то же время, сотрудники ОГПУ проводили «активные действия», в результате которых доверчивые западные гости и журналисты «убеждались» в том, что разговоры о голоде в СССР есть не что иное, как антисоветские выпады недругов Сталина. Так, после пяти дней, проведенных на Украине, лидер французской партии радикалов Эдуард Эррио, дважды занимавший пост премьер-министра, категорически опроверг «ложь буржуазной прессы относительно голода в Советском Союзе». После посещения «потемкинских деревень» Бернард Шоу заявил: «Я не видел ни одного недоедающего человека в России, будь он млад или стар. А может быть, они чем то набиты? А может, их круглые щеки подбиты резиной

²⁷¹ Правда. 1964. 26 мая.

щеки подбиты резиной изнутри?».²⁷² И таких «свидетелей» «сытой» жизни советских людей было предостаточно. Это говорит о высоком профессионализме фальсификаторов из ОГПУ.

Сохранившиеся архивные документы и свидетельства очевидцев позволяют хоть в какой-то мере воссоздать трагические страницы истории голодных лет. Так, в сообщении Генического райотдела ГПУ от 1 июня 1933 г. имеются сведения о смертности среди детей и взрослых на почве голода.²⁷³ В марте 1933 г. в сводках Днепропетровского областного ГПУ значилось: «В Нижнесерогозском районе голодает 73 семьи, опухших 295, умерших 46; в Высокопольском голодающих семей колхозников 65, опухших 138, умерших 81, единоличников-голодающих 87, опухших 162, умерших 106...».²⁷⁴ Набатом звучат письма голодающих в редакцию Николаевской газеты «Шлях індустріалізації»: «Сообщаем всем николаевским организациям, что члены коммуны им. Ленина... очень голодают, уже четыре дня как не видели ни крошки хлеба. Просим николаевские организации... дать помощь».

14 апреля 1933 г. в Николаевский обком партии пришло письмо, в котором сообщалось, что в большинстве колхозов остались такие ресурсы, которые дают возможность продержаться 4–5 дней. Лошади загнаны, кормов уже нет. С учетом этого обком просили дать «какой-то минимум продовольствия...». Через несколько дней (24 апреля) Николаевский горком всем секретарям сельских партячеек посылает письмо, в котором предупреждает, «что продовольственная помощь в мае месяце бу-

²⁷² Эндрю К., Гордиевский О. Указ. соч. С. 146–147.

²⁷³ Голод 1932. 1933 років на Україні. К., 1990. С. 407–411.

²⁷⁴ Там же.

дет очень незначительна и вам надлежит принять меры к мобилизации всех внутренних ресурсов». В то же время горком пригрозил: «Если на почве голода в вашем селе будет хотя бы один смертный случай, безусловно руководящий состав будет исключен из партии и отдан под суд».

На исходе зимы 1933 г. голод во многих районах страны принял устрашающие размеры. Вымирание крестьян стало массовым. В деревнях, дабы не умереть от голода, ели кору деревьев, траву, мышей. Во многих селах хоронили в братских могилах умерших от голода. Один из очевидцев вспоминал об этих ужасах: «В село Широкая Балка я приехал вечером; с восходом солнца был разбужен необычным для городского уха звуками. Жалобно перезванивали церковные колокола как по покойнику. Девять покойников в день в этом небольшом селе, а завтра тоже, что и сегодня».²⁷⁵ И это было в то время, когда из СССР вывозился хлеб на нужды индустриализации. Так, у причала Херсонского элеватора во время даже пика голода иностранные суда грузились пшеницей. «Наш хлеб вывозят для буржуазии, – говорили селяне, – а нас голодными оставляют».²⁷⁶

Голод 1932–1933 гг. по своим масштабам и количеству жертв превосходил ужасный голод 1921 года. Авторы приводят различные цифры погибших от голода. Некоторые зарубежные советологи считают, что от голода умерло 5–7 млн. человек.

Так, Р. Конквест пишет, что «наиболее близка к действительности оценка в 5–6 млн. смертей от голода и вызванных им

²⁷⁵ ГАНО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 473. Л. 31.

²⁷⁶ Голод 1932 – 1933 років на Україні. К., 1990. С. 407.

болезней, из которых более 3 млн. приходится на Украину».²⁷⁷ Однако эти цифры вызвали критику даже в англо-американской научной литературе. По оценкам статистических данных в работах историков Роберта Дэвиса и Стивена Уиткрофта, демографов Барбары Андерсон и Брайана Сильвира, число жертв голода составило 3–4 миллиона человек. По мнению Данилова В., эта цифра является более объективной.

В результате голода 1932–1933 гг. особенно пострадали районы Украины, Северного Кавказа, Поволжья, Казахстана. Следствием этой трагедии явилось сокращение численности казахов в СССР. В стране в 1926 году было 4 млн., в 1939 – 3,1 млн. казахов. (Сокращение произошло не только в результате гибели от голода, но и от миграции казахов за пределы СССР). Эта страшная статистика лишней раз свидетельствует о катастрофических последствиях террора, развязанного против крестьян в конце 20-х – 30-е годы.

Одним из приоритетных направлений в деятельности чекистских органов на селе в годы предвоенных пятилеток являлась борьба с «вредителями» сельского хозяйства, «расхитителями», «нарушителями трудовой дисциплины» и т.д.

В 1930 году ОГПУ готовит грандиозный процесс по делу никогда не существовавшей Трудовой крестьянской партии. В печати от имени ОГПУ она называлась кулацко-эсеровской контрреволюционной организацией, ставившей своей целью свержение советской власти и реставрацию капитализма. Общая численность ТКП – около 200 тысяч человек (!). А якобы

²⁷⁷ Прошлое служит настоящему. Херсон, 1991. С. 69.

возглавляют ее известные ученые Чаянов, Кондратьев (будущий премьер-министр), Челинцев, Юровский и др.

В публикациях того времени несправедливой критике была подвергнута чаяновская теория преобразования крестьянских хозяйств. Причем одни авторы упрекали Чаянова, что он с помощью этой теории пытался «доказать нерациональность крупного социалистического земледелия в виде гигантов колхозов и совхозов»; другие считали, наоборот, что он является «ярким апологетом гигантомании» и что у «...Чаянова и прочих кондратьевцев была ярко выраженная линия на провокацию перегибов».²⁷⁸

Фальсифицировала дело ТКП группа следователей во главе с Аграновым. Уже многие «сознались в своей преступной деятельности». Но вдруг ОГПУ предложило «сознавшимся» отказаться от показаний. До сих пор не ясно, почему Сталин отказался от грандиозного дела ТКП. Вместо него внесудебным порядком, через коллегию ОГПУ, осудили небольшую группу Чаянова-Кондратьева. Кондратьев заболел психически и умер в тюремном изоляторе. Чаянов после пяти лет изолятора был выслан в Алма-Ату, затем посажен вновь. 3 октября 1937 года приговорен к расстрелу.

Полтора года спустя приговор приведен в исполнение. 16 июля 1987 года Военная коллегия Верховного Суда СССР полностью сняла с Чаянова и еще четырнадцати известных ученых-аграрников обвинения в принадлежности к так называемой Трудовой Крестьянской партии.²⁷⁹

²⁷⁸ Прошлое служит настоящему. Херсон, 1991. С. 69.

²⁷⁹ Голод 1932–1933 років на Україні. С. 409.

Борьба с «вредителями» и «врагами» в сельском хозяйстве после отказа от грандиозного дела ТКП не была свернута. С 1930 года начинается преследование крестьян, забивающих свой скот.²⁸⁰

В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР (16 января 1930 года) «О мерах борьбы с хищническим убоем скота» уголовный кодекс 20 января 1930 года дополняется положением о наказании за убой и умышленное изувечение скота, а также за подстрекательство к этому других лиц с целью подрыва коллективизации сельского хозяйства и воспрепятствования его подъему, лишением свободы на срок до двух лет, с высылкой из данной местности или без таковой.²⁸¹ Позже был принят целый ряд постановлений ЦИК и СНК СССР, ЦК ВКП(б), направленных на усиление борьбы с «вредителями» сельского хозяйства. Судили и «за порчу или поломку принадлежащих совхозам, машинно-тракторным станциям и колхозам тракторов и сельскохозяйственных машин ...» (постановление ЦИК и СНК 13 февраля 1931 года), и за хищение социалистической собственности (постановление ЦИК и СНК от 7 августа 1932 года).²⁸²

Данным правовым актам иногда давалось расширительное толкование. Так, Пленум Верховного Суда СССР пояснил

²⁸⁰ Логика этих крестьян проста. Если скот забирают в колхоз, то лучше забить часть животных и оставить семье мясо.

²⁸¹ Голод 1932–1933 років на Україні. С. 423.

²⁸² «Закон о пяти колосках» – так называли его в деревне, и за кастрацию чистопородных племенных быков (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 29 апреля 1936 года), и за увеличение приусадебных участков сверх размеров, предусмотренных уставом сельскохозяйственной артели (постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР 27 мая 1939 года) и т.д.

судам, что по закону от 7 августа 1932 года должны привлекаться лица, виновные не только в кражах, «но и в убойе скота (верблюдов и др.) в общественном секторе народного хозяйства (в колхозах, совхозах, МТС), а также, допустившие халатность в отношении ухода и эксплуатации лошадей и прочего рабочего скота, повлекшую его гибель».²⁸³

Некоторые постановления правительства, принятые в связи с развитием какой-то отрасли народного хозяйства, имели пункты, обязывающие карательные органы использовать репрессивные меры к крестьянам. Так, 5 января 1936 г. СНК СССР в постановлении «О мероприятиях по развитию верблюдоводства» запретил убой верблюдов и использование «на тяжелых работах жеребых верблюдиц». За нарушение этих правил, органы прокуратуры должны были «привлекать к уголовной ответственности на тех же основаниях, как за убой и хищническую эксплуатацию лошадей...».

Арестовать «вредителей», «врагов» сельского хозяйства до мая 1933 г. могли не только работники карательных органов, но практически все партийно-советские работники. Подтверждением тому является документ, хранившийся в Смоленском архиве (об этом архиве речь шла выше), «Инструкция всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, Суда и Прокуратуры» (8 мая 1933 г.), подписанная Сталиным и Молотовым. Инструкция состоит из 2-х пунктов: «Упорядочение производства арестов» и «О разгрузке мест заключения». В первом пункте значится: «Воспретить производство арестов лицами на то не уполномоченными по закону – председателями РИК, рай-

²⁸³ Данилов В. Указ. соч. – С. 395.

онными и краевыми уполномоченными, председателями сельсоветов, председателями колхозов и колхозных объединений, секретарями и пр.». Инструкция отменяет порядок, по которому практически все могли арестовать крестьян, но «для ДВК, Средней Азии и Казахстана» оставляет его еще на 6 месяцев.

Очень примечателен и второй пункт Инструкции, в котором говорится, что держать под стражей в местах заключения «кроме лагерей и колоний» следует не более 400 тыс. человек. На 8 мая 1933 г. их было вдвое больше. Инструкция рекомендует ОГПУ, наркоматам республик и прокуратуре СССР «незамедлительно приступить к разгрузке мест заключения и в двухмесячный срок сократить общее число заключенных с 800 до 400 тысяч».²⁸⁴

Борьбу с «вредителями», «врагами» и т.д. карательные органы проводили в виде кампании. Так, Пленум Верховного Суда СССР, активно принимавший участие в данной борьбе, только за 1934 год издал 19 постановлений, в которых обязал судебные органы сосредоточить «внимание по проведению политхозкампаний»: посевной, уборочной, поставкам продуктов и др. В ходе кампании суды должны были особое внимание «обращать на вылазки классового врага...». К проведению сева, уборки, хлебосдачи карательные органы готовились тщательно, заранее. Этому их обязывали и постановления СНК, и распоряжения Прокурора СССР.

Так, в 1936 г. прокурор СССР Вышинский издает распоряжение «Об участии органов Прокуратуры в подготовке и проведении весеннего сева 1936 г.» В нем отмечается, что органы

²⁸⁴ Голод 1932–1933 років на Україні. С. 409.

суда и прокуратуры призваны вести энергичную борьбу со всеми попытками дезорганизовать работу по весеннему севу. «В нынешних условиях, – пророчит Вышинский, – весь сев будет проходить при несомненных попытках острого противодействия развертыванию стахановского движения в деревне со стороны остатков кулаков, бюрократов, дезорганизаторов и прочих разложившихся элементов. Против этих-то людей органы прокуратуры и должны направить острие привлечения к уголовной ответственности в первую очередь».²⁸⁵

О «заботе» правительства о севе свидетельствует постановление СНК «О мерах по улучшению семян зерновых культур» (июнь 1937 г.), которым устанавливалось, что «использование семян зерновых с семенных участков колхозов и совхозов на какие бы то ни было нужды, кроме посевных, карается заключением виновных в тюрьму на срок до одного года или принудительными работами на срок до двух лет». За смешение на элеваторах и складах различных сортов зерна отправляли в тюрьму на срок до двух лет или на принудработы на срок до 3 лет.²⁸⁶

Прокурор СССР Вышинский обязал рассматривать дела по данному постановлению СНК в пятидневный срок, а при установлении «в действиях обвиняемых контрреволюционного умысла – преступления их квалифицировать по ст. 58–7 и соответствующим ст. УК других союзных республик...».²⁸⁷ В августе 1937 года ЦК ВКП(б) разослал на места телеграмму о полити-

²⁸⁵ Цит. по: Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 167.

²⁸⁶ СЗ СССР. 1937. № 4. Ст. 168.

²⁸⁷ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 14. Д. 1. Л. 180.

ческой мобилизации колхозников на борьбу по разгрому врагов народа в сельском хозяйстве. По всей стране прокатилась новая волна открытых судов над «вредителями сельского хозяйства». Чуть позже по указанию ЦК местные органы начали проведение показательных процессов над «вредителями по животноводству».²⁸⁸

В каждом «вредительском» акте государственные и партийные органы искали классового врага. Журнал «Советская юстиция» писал о «хищениях», которые допускали голодающие крестьяне, пытаясь спастись от смерти. Классовый враг «прибегал к посылке на поля малолетних, инвалидов, стариков и старух...».²⁸⁹ И против этих «пособников классового врага» карательные органы также вели беспощадную борьбу. Так, в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1935 года «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» за кражу и другие преступления несовершеннолетние, начиная с 12-летнего возраста, привлекались «к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания».²⁹⁰

О том, что дамоклов меч уголовного наказания висел над миллионами крестьян, свидетельствует совместный приказ прокурора СССР и наркома юстиции от 1 ноября 1938 года «О пересмотре уголовных дел в отношении колхозного и сельского актива и отдельных колхозников, осужденных в 1934–1937 гг.»

²⁸⁸ Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 167.

²⁸⁹ Советская юстиция. 1934. № 2. С. 9.

²⁹⁰ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. С. 382.

В нем отмечалось, что к ноябрю 1938 г. были пересмотрены уголовные дела в отношении 1179998 человек, из которых с 480378 досрочно сняли судимость, в отношении 106719 человек прекратили вовсе дела; снизили наказание и освободили от дальнейшего его отбывания 22785 человек. В качестве объяснения причин таких чудовищных судебных ошибок указывалось на то, что в органах юстиции засели враги, которые необоснованно привлекали к уголовной ответственности крестьян.²⁹¹ Признание факта необоснованности наказания сотен тысяч крестьян отнюдь не означало, что террор против них прекратился.

Они и в последующие годы привлекались к уголовной ответственности за нарушение севооборотов и срока сева, засорение полей и заражение посевов вредителями, невыполнение обязательств по госпоставкам продукции и неправильное применение минеральных удобрений, за массовый падеж скота и неправильное абортирование конематок, за неисполнение платной трудовой и гужевой повинности на лесозаготовках (введена 21 января 1941 г. приказом народного комиссара юстиции СССР и Прокурора СССР), и за использование горючего и масел не по прямому назначению и т.д., и т.д.²⁹²

Жесточайшие законы, раскулачивание, произвол местных властей, продрозверстка, налоги заставляли крестьян «искать счастья» в городах, на стройках страны. Но уйти из деревни было не просто. В 1932 году были введены паспорта для насе-

²⁹¹ Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 15–16.

²⁹² Шмелев Г.И. Коллективизация: на крутом переломе истории // Истоки. Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. – С. 88; ГАРФ. Ф. 4992. Оп. 1. Д. 61. Л. 56.

ления городов, рабочих поселков, районных центров, совхозов, МТС, а также в 100-километровой полосе вдоль европейской границы СССР и в нескольких пригородных зонах.²⁹³

Паспорта не выдавались «кулакам и раскулаченным, хотя бы они и работали на предприятиях или состояли на службе в советских учреждениях..., лицам, лишенным избирательных прав, всем отбывшим срок в местах лишения свободы, ссылке или высылке, перебежчикам из-за границы на территорию СССР, кроме политэмигрантов и всем членам семей вышеперечисленных лиц».²⁹⁴

В связи с отказом в выдаче паспортов перечисленным лицам нужно было «добровольно» выехать из местности, в которой беспаспортникам проживать запрещено. Запрещалось им и переезжать в местности, в которых проведена паспортизация населения. Если они нарушали паспортный порядок (т.е. оставались жить там, где и жили, или возвращались в родные края, в которых проведена паспортизация), то к ним применялись меры внесудебной репрессии. Для этого при ПП ОГПУ образовывались специальные тройки в составе: пом. ПП по милиции (председатель тройки) и двух членов ПП. Дела тройки рассматривали списками, которые представляли отделения милиции.

«Виновных» направляли либо в спецпоселки, либо в лагерь до 3-х лет.²⁹⁵ Дабы ускорить процесс выселения людей, не имеющих паспортов из городов, в них проводились массовые

²⁹³ СЗ СССР. 1933. № 3. Ст. 22; № 28. Ст. 168.

²⁹⁴ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 13. Д. 1. Л. 25.

²⁹⁵ Циркуляр ОГПУ «О порядке применения мер внесудебной репрессии в отношении граждан, нарушающих закон о паспортизации населения от 13.08.1933 г».

операции по «очистке от антисоветских и антиобщественных элементов». Так, в Москве по приказу ОГПУ от 5 января 1933 г. были составлены списки «контрреволюционных, кулацких, уголовных и др. элементов», с целью выселения их из столицы.²⁹⁶

В специальном циркуляре ГУРКМ НКВД от 21 ноября 1934 г. управлениям милиций республик, краев и областей рекомендовалось усилить бдительность при прописке, с тем, чтобы не допускать наплыва в города «антиобщественных элементов».²⁹⁷ Циркуляром НКВД № 70 от 25 апреля 1935 года предписывалось отбирать паспорта в режимных местностях, если таковые были выданы, у лишенцев и лиц, не занятых общественно-полезным трудом, «хотя бы они и являлись уроженцами или постоянными жителями данной местности...».²⁹⁸

После изъятия паспортов данные лица могли выселяться, если имелось свидетельство об их «социальной опасности в данное время (антисоветская и антиобщественная деятельность или подозрительное поведение)...».²⁹⁹

Таким образом, человек без паспорта являлся неполноценным. Его нигде не принимали на работу. Могли сослать, отправить в лагерь, если он появился в «чужих» краях. За подделку же паспортных бланков, за пользование чужим

²⁹⁶ Приказ ОГПУ от 5 января 1933 г.

²⁹⁷ Крылов С.М. и др. Указ. соч. Т. 1. С. 315.

²⁹⁸ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 130. – Справка по вопросу очистки г. Москвы и Ленинграда в 1935 г. от социально-опасного элемента.

²⁹⁹ Циркуляр НКВД «О праве выселения из режимных районов». 24.04.35 г.

паспортом предусматривалось суровое наказание вплоть до расстрела.³⁰⁰

Но паспорта не выдавались не только «антисоветским и антиобщественным элементам». Практически все крестьяне не имели также права иметь паспорта. Введение паспортной системы, по сути, явилось своего рода новым вариантом крепостного права. До 1861 года крепостной крестьянин не мог поменять место жительства без разрешения своего хозяина – помещика. С 1932 крестьянин не мог покинуть свою деревню без разрешения партийно-советского руководства.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года рабочие и служащие государственных предприятий были уравнены с колхозниками. Им также запретили переходить с одного предприятия на другое.³⁰¹ Вслед за этим вышел новый Указ Президиума Верховного Совета СССР (17 июля 1940 года), который запретил самовольный уход с работы трактористов и комбайнеров, работающих на машинно-тракторных станциях.³⁰² Таким образом, новый вариант крепостного права полностью охватил и городское, и сельское население страны.

Итак, в 30-е годы в сельском хозяйстве была завершена коллективизация, приведшая к неисчислимым бедствиям крестьянства.

В ходе коллективизации оно пережило одно из тяжелейших потрясений в истории России. Массовые репрессии, голод унесли миллионы человеческих жизней. Миллионы крестьян

³⁰⁰ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. С. 249, 337, 338.

³⁰¹ Ведомости. 1940. № 20.

³⁰² Там же. № 25.

прошли через ужасы ГУЛАГа. Коллективизация нанесла огромный ущерб сельскому хозяйству, особенно на первом ее этапе.

Основные итоги раздела сводятся к следующему. Исследование показало, что в условиях «индустриального рывка» руководство партии и правительства стремилось свести к минимуму методы экономического стимулирования, что существенным образом сказалось на уровне народного потребления. Чтобы заставить людей делать невыгодную и зачастую неинтересную работу создатели новой системы производственных отношений, наряду с пропагандистскими кампаниями, важнейшим методом руководства экономикой страны избрали метод принуждения. Стремление непомерно увеличить темпы индустриализации породило командный стиль управления, волюнтаризм, достижение целей любой ценой, что также привело к комплексу неблагоприятных социальных последствий. В период индустриализации непродуманные действия политического руководства страны, скороспелые решения, непомерно высокие темпы роста промышленности приводили к срывам, авариям, снижению качества продукции и, в конечном итоге, к социальному недовольству, которое усиливалось по мере снижения качества жизни.

Низкий уровень жизни, как показано в разделе, способствовал стремительному развитию таких социальных язв советского общества как воровство и пьянство. Рост воровства стимулировали не только тяжелые последствия форсированной индустриализации и сплошной коллективизации, но и сам факт наличия социалистической собственности, являющейся и общей, и ничьей. Ответной мерой власти стало принятие 7 августа 1932 г. постановления «Об охране имущества госу-

дарственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», известное в народе как «закон от седьмого-восьмого». Анализ социальных последствий ужесточения уголовного законодательства показал, что от этого страдали преимущественно малообеспеченные слои населения, тогда как хищения госсобственности в особо крупных размерах не только сохранилось, но к середине 1930-х гг. даже возросло.

Особое внимание в разделе уделено социальным последствиям коллективизации. Автор отмечает, что введение в 1928 г. чрезвычайных мер по отношению к деревне, резкое снижение государственных цен на зерно, ограничения на поставку товарного крестьянского хлеба на рынок, привело не только к уменьшению посевных площадей и сокращению хлебозаготовок, но и, соответственно, к снижению уровня и качества жизни сельского населения. При этом руководство страны видело «единственный корень трудностей» в накоплении в крестьянских хозяйствах большего количества денежных средств и в возможности крестьянина «купить больше, чем раньше». Стремясь монополизировать рынки, государство пошло на запрещение коммерческой торговли. С конца 1920-х – начала 1930-х гг. на продавцов налагался штраф, изымался приобретенный ими товар, применялось уголовное преследование. В разделе сделан вывод о том, что неизбежным последствием подобной политики стал распад рынка на дефицитный официальный и спекулятивный теневой. С этого времени начинается расцвет спекуляции, раскол и противостояние в обществе, хотя отдельные руководители, особенно на местах, понимали, что «регулировать цены на зерно кабинетным путем нельзя».

В разделе проведен анализ социальных последствий введения на рубеже 1920-1930-х гг. во всех городах СССР карточной системы снабжения, которая серьезно осложнила и без того непростое материальное положение трудящихся. Помимо хлеба нормированное распределение коснулось сахара, масла, мяса, чая и других продуктов. Стали опять популярны не только методы, но и взгляды времен «военного коммунизма». При этом, свертывание товарно-денежных отношений в советской печати трактовалось как важный шаг на пути ~~Деформация~~ социальной политики государства проявилась и в отсутствии четкой организации снабжения населения промышленными товарами. В сущности, эти трудности были преодолимы путем разумной, сбалансированной политики цен, но для сталинского окружения это значило «поступиться принципами», на что, конечно, оно не могло пойти. Сформировавшаяся к середине 1930-х гг. колхозная система дала власти возможность решать две наиболее существенные задачи: изымать практически безвозмездно сельскохозяйственную продукцию и установить тотальный контроль над хозяйственно-бытовой, социальной, а порой и частной жизнью крестьян.

Раздел IV. Нападение фашистской Германии на СССР и изменение задач государственной социальной политики

Социальная политика СССР рубежа 1930-1940-х гг. находилась в тесной зависимости от стремительно менявшейся международной обстановки. Угроза новой мировой войны, буквально витавшая в воздухе в конце 1930-х гг., заставила советское партийно-государственное руководство еще больше ужесточить принципы социальной политики, способствовать стремительному перераспределению материальных фондов в сфере тяжелой промышленности.

Как известно, после заключения советско-германского договора о ненападении состоялось вторжение Германии в Польшу, хотя совершенно очевидно, что это вторжение состоялось бы и в том случае, если бы этого пакта не существовало. Англия и Франция заявили о состоянии войны с Германией. Эта война началась, по терминологии тех лет, как «странная война», т.е. война по существу без активных боевых действий. В результате, она привела к трагическому поражению французской и английской армий, к оккупации Франции и возникновению реальной угрозы к высадке фашистских войск на Британских островах.

Подготовка к войне против СССР проводилась Германией заблаговременно и с большой секретностью. Несмотря на заключенный договор, темп подготовки к войне со стороны Германии ни только не убавлялся, но все более возрастал. В подтверждение того, что Германия усиленно готовилась к войне против СССР свидетельствуют оглашенные на Нюрнбергском

процессе выдержки из меморандума № 1 главного теоретика нацистской партии Розенберга от 2 апреля 1941 г.³⁰³

Военный конфликт с СССР по мнению германского руководства приведет к быстрой оккупации значительной части СССР, за тем вскоре и последует крах Советского государства. Пропагандистская машина германского фашизма была целиком поставлена на рельсы оправдания этой войны. В подтверждении приведем небольшую выдержку немецкого командования, адресованную воюющим солдатам. Документ называется «Памятка солдату». В ней предписывалось: «Германия - абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки. Ты - германец, как подобает германцу уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоём пути, думай всегда о возвышенном - о фюрере, и ты победишь, тебя не возьмет ни пуля, ни штык, завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир».³⁰⁴

С первых дней войны фашистские идеологи внушали немецким солдатам расовую исключительность немцев и неполноценность других народов. В этом плане любопытный документ был опубликован в 1991 г. в «Военно-историческом журнале» под названием «Двенадцать Заповедей». Речь шла о поведении немцев на Востоке и их обращения с русскими. Эта директива была разослана в немецкие войска в начале июня 1941 г., еще до вторжения гитлеровских войск на территорию СССР. В этом строго секретном документе предписывалось: «Не бой-

³⁰³ Ни давности, ни забвения. По материалам Нюрнбергского процесса... М., 1985 г. С. 195.

³⁰⁴ Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946 г. С. 6-7.

тесь решений, которые могут оказаться ошибочными. Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Важны не отдельные ошибки, а работа. Тот, кто из-за боязни ответственности ничего не делает, не нужен нам. Недостаток жизненного пространства у Германии служил до сих пор для нее препятствием в этом отношении. Для разрешения поставленных на Востоке задач требуется, однако, чтобы вы не подходили к вещам с узкими западноевропейскими масштабами. Вы, работающие на Востоке, облечены высочайшим доверием».

О том, что система воспитания немецких солдат отличалась откровенным человеконенавистничеством, свидетельствует следующая цитата: «Вы должны с сознанием своего достоинства проводить самые жесткие и самые беспощадные мероприятия, которых потребует от вас государство. Не разговаривайте, а действуйте. Русского вам никогда не переговорить и не убедить словами. Говорить он умеет лучше, чем вы, ибо он прирожденный диалектик и унаследовал «склонность к философствованию». Меньше слов и дебатов. Главное — действовать. Русскому импонирует только действие, ибо он по своей натуре женственен и сентиментален. ...Держитесь подальше от русских, они не немцы, а славяне. Не устраивайте никаких попок с русскими, не вступайте ни в какие связи с женщинами и девушками подчиненных вам предприятий. Если вы опуститесь до их уровня, то потеряете свой авторитет в глазах русских... Остерегайтесь русской интеллигенции, как эмигрантской, так и новой, советской. Эта интеллигенция обманывает, она ни на что не способна, однако обладает особым обаянием и искусством

влиять на характер немца. Этим свойством обладает и русский мужчина, и еще в большей степени женщина...».³⁰⁵

Во главе всей пропагандистской системы стояла фашистская партия, в которой к началу второй мировой войны состояло несколько миллионов человек. Только в 1939 году насчитывалось около 600 тыс. территориальных партийных «фюреров», в том числе гаулейтеров (областных) - 41, крейслейтеров (окружных) - 808, оргсруппенлейтеров (районных) — 28376, целленлейтеров (квартальных) — 89378, блоклейтеров (руководителей низовых организаций) - 463 048.³⁰⁶

Накануне нападения на СССР в Германии была создана обширная система общественных и государственных организаций, с помощью которых велось воспитание людей в нужном направлении. Мощный механизм фашистской пропаганды безостановочно действовал все предвоенные годы. Этот своеобразный идеологический пресс, в сочетании с методами террора, в конце концов, заставил большинство немцев смириться с фашизмом. Более того, под влиянием демагогии многие из них стали поддерживать агрессивную внешнюю политику нацистов. «Широкие слои немецкого народа, ослепленные шовинистической пропагандой и временными успехами внутренней и внешней политики Гитлера, - указывал один из видных антифашистов, впоследствии руководитель ГДР В.Ульбрихт, - одобряли акты преступной агрессии или хранили молчание по этому поводу. Многим немцам казалось, что Гитлера остановить нельзя, и, уверовав в это, они почувствовали себя «хозяевами Евро-

³⁰⁵ Военно-исторический журнал. № 8. 1991 г. С. 10-13.

³⁰⁶ Нюрнбергский процесс. Сборник документов. М., 1959, т. 4. С. 300.

пы», которым позволено грабить и поработать другие народы. Во имя утверждения «нового порядка» в Европе, во имя расширения «жизненного пространства» для Германии они оправдывали грабительские войны Гитлера против всех европейских стран».³⁰⁷

Немецко-фашистское командование намеревалось заставить Советские Вооруженные Силы врасплох и уничтожить их по частям. Одновременно ставилась задача предотвратить отход Красной Армии в глубь страны. «Основные силы русских сухопутных войск, находящихся в Западной России, - гласила директива № 21, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено». В соответствии с планом «Барбаросса», фашисты стремились прежде всего парализовать жизненно важные центры СССР, не дать советскому народу собраться с силами.

Первостепенное значение придавалось захвату Москвы, Ленинграда, Киева, других крупных городов. Гитлеровцы надеялись еще до завершения мобилизации в СССР отбросить остатки Красной Армии за Волгу. «Конечной целью операции, - говорилось в этой же директиве - является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга — Архангельск. Таким образом, в случае необходимости индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации».³⁰⁸

³⁰⁷ Ульбрихт В. К истории новейшего времени. М., 1957 г. С.7.

³⁰⁸ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы, материалы. М., 1973, т.2. С. 86-89.

Фашистское руководство считало, что военная кампания против СССР займет не более 4-6 недель. Исходя именно из этого Гитлер на секретном совещании в декабре 1940 г. заявил: «Следует ожидать, что русская армия при первом ударе немецких войск потерпит еще большее поражение, чем армия Франции в 1940 году». В таком же духе высказывался начальник штаба сухопутных войск генерал Гальдер. «Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что кампания против России закончится в 14 дней».³⁰⁹ Замысел немецкого руководства сводился к тому, чтобы стереть с лица земли советское государство. В дополнениях к плану «Барбаросса» содержалась тщательно разработанная программа, рассчитанная на раскол советского общества, разжигание вражды между народами СССР, физическое истребление советских граждан. Наиболее четко эти идеи были выражены в генеральном плане «Ост», подготовленном главным имперским управлением под руководством Гимmlера совместно с восточным министерством Розенберга.

Первоочередной задачей ставился «подрыв политического влияния Восточной России с Москвой в качестве центра». Следует поставить перед собой политическую цель, отмечалось в фашистском меморандуме систематически расшатывать этот стержень России.³¹⁰ Территория Советского Союза подлежала разделу между участниками войны. По этому замыслу к Германии отходила часть РСФСР, Прибалтика, Белоруссия, Украина, Крым, Кавказ. Финляндии же Гитлер обещал Карелию и Ленинград, Румынии - Бессарабию и часть Украины, Турции - часть Закавказья, Японии - Сибирь. На развалинах Советского Союза

³⁰⁹ Комков Г.Д. На идеологическом фронте. М., 1983. С.53.

³¹⁰ См. указ. Соч. Дашичева В.И. С.22, 24.

немцы вознамеривались создать мощную колониальную систему, которая являлась бы поставщиком сырья, продовольствия и рабочей силы для Германии.

В основу жесточайшего режима на оккупированной территории Советской страны был положен принцип расовой неполноценности народов СССР. Решение «восточного вопроса» предполагалось на путях уничтожения русского народа как биологической и неполноценной единицы. В замечаниях и предложениях «восточного министерства» по генеральному плану «Ост» с исключительным цинизмом говорилось: «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается, скорее всего, в том, чтобы разгромить русских как народ.»³¹¹

Целями ликвидации советского государства служили и экономические планы агрессоров, предусматривавшие полный подрыв экономики нашей страны, разграбление национальных богатств СССР. Богатейшие материальные ценности должны были, по замыслам нацистов служить их целям. На секретном совещании в ставке вермахта 9 января еще 1941 г. фюрер отмечал: «Гигантские пространства России таят в себе неисчислимые богатства. Германия должна экономически и политически овладеть этими пространствами... Тем самым она будет располагать всеми возможными для ведения в будущем борьбы против континентов, тогда никто больше не сможет ее разгромить. Когда эта операция будет проведена, Европа затаит ды-

³¹¹ Совершенно секретно: только для командования. М., 1967. С. 167.

хание».³¹² Планировалось вывезти в Германию все, что поддается транспортировке, вплоть до оборудования крупных промышленных предприятий.

Через некоторое время после вторжения германской армии на территорию нашей страны Гитлер заявил, что его основная цель в войне против СССР - лишить восточные народы какой бы то ни было формы государственной организации и, в соответствии с этим, держать их на более низком уровне культуры. Сознательно и преднамеренно фашисты уничтожали на временно оккупированной ими территории памятники и учреждения культуры, бесценные произведения литературы и искусства, пользовавшиеся всемирной известностью.

Социальная политика немецкого руководства на оккупированной территории СССР носила далеко не гуманный характер. Особое место в планах агрессоров, как показали годы войны, отводилось разрушению сложившейся системы народного образования. Ее полное уничтожение фашистами рассматривалось как важное средство и неременное условие ликвидации идейно-политического влияния советского общества и государства на свою молодежь. Разрушение культурных ценностей явилось выражением идеологии и политики фашизма. «Недаром,- подчеркивалось в газете «Правда» от 5 июня 1944 г.,- немцы наряду с заводами и электростанциями жгут и взрывают наши школы, дворцы пионеров, комсомольские клубы. Немцы приравнивают их к военным объектам. Что ж, наши школы и клубы могут гордиться тем, что враг боится и ненавидит их».³¹³

³¹² Совершенно секретно: только для командования. М., 1967. С. 659.

³¹³ Правда. 1944. 5 июня.

На территории Советского Союза, подвергавшейся немецкой оккупации, к началу 1941 г. было 82 тыс. начальных и средних школ с 15 млн. учащихся. Все средние школы имели библиотеки, насчитывавшие от 2 до 25 тыс. томов каждая, оборудованные физические, химические, биологические и другие кабинеты. Для размещения детей, живущих вдали от места обучения, при многих средних школах существовали общежития. Немецко-фашистские захватчики сожгли, разрушили и разграбили эти школы со всем их имуществом и оборудованием.³¹⁴ Школьному фонду страны и оборудованию школ за годы войны был нанесен колоссальный урон. Только на территории РСФСР в огне погибло свыше 20 тыс. школьных зданий из 30 тыс. имевшихся до войны, в которых обучалось более 5 млн. детей.³¹⁵ Так, например, в Псковской, Калининской, Курской, Сталинградской и некоторых других областях было сожжено и разграблено более половины школ, 1382 школы сожгли и взорвали оккупанты в Воронежской области, около 1/3 всех школьных зданий потеряла Тульская область. За время блокады Ленинграда гитлеровцы полностью разрушили 22 и нанесли повреждения 383 школьным зданиям. В пригородах Ленинграда - Павловске, Пушкине, Петродворце, Гатчине и других после изгнания врага не осталось ни одного уцелевшего здания школы.³¹⁶

³¹⁴ Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков, М., 1946. С.444.

³¹⁵ Дегтярь Д. Возрождение районов РСФСР, подвергшихся немецкой оккупации. М., 1947. С. 139.

³¹⁶ Храбрикова Т.Б. Школы Кировской области в годы ВОВ: Автореф. дис. канд. пед. наук. М., 1953. С.9; Орловский Б.И. Опыт воспитания детей

Смысл и направленность «социальной политики» захватчиков на территории России были исчерпывающе раскрыты в предварительных набросках к генеральному плану «Ост» - откровенно экспансионистской программе германского империализма. «Для не немецкого населения восточных областей, - говорилось в этом документе - не должно быть высших школ. Для него достаточно наличия четырехклассной народной школы. Целью обучения в этой народной школе должно быть только: простой счет, самое большое до 500, умение расписаться, внушение, что божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам, быть честным, старательным и послушным».³¹⁷ Умение читать при этом считалось ненужным.

Еще более определенно, не оставляя ни малейшего сомнения относительно действительного характера этой политики применительно к народам, населявшим территорию нашей страны, высказывался сам Гитлер. «Если мы будем обучать русских ... читать и писать, - говорил он, - то впоследствии это обернется против нас. Образование даст возможность более развитым из них изучать историю, овладеть историческим опытом, а отсюда развивать политические идеи, которые не могут не быть губительными для наших интересов... Нельзя, чтобы они знали больше, чем значение дорожных знаков. Обучение в области географии может быть ограничено одной-единственной

в период Великой Отечественной войны (по материалам Горьковской области): Автореф. дис. канд. пед. наук. Горький, 1950. С.8-9.

³¹⁷ Генеральный план «Ост». (Публикация документов)// Военно-исторический журнал, 1960. Вып. 1. С.88.

фразой - «столица рейха - Берлин»... Математика и все прочее подобное совершенно не нужны».³¹⁸

Идеологи фашизма и его «теоретики» даже применительно к своему собственному народу говорили о вреде всеобщего обучения, о том, что лучший путь к национальному социализму - «всеобщее необразование». Гитлеровское окружение откровенно и цинично объявило себя врагом культуры и цивилизации, видя в них препятствие на пути к полному порабощению народных масс. «Раз и навсегда надо покончить с тем, что называют всеобщим образованием. Всеобщее образование - это яд. Мы предоставляем огромной массе низших классов благо неграмотности. Чем ниже культурный уровень рабочего класса и всего народа, тем больше у нас шансов удержать власть... » — так поучал своих последователей Гитлер.³¹⁹ Поэтому лидеры гитлеровской Германии и не думали «стесняться» себя в чудовищных планах порабощения советских людей. «Образование опасно, - писал М. Борман, - ... Следует разрешить только такой масштаб образования, который создаст из них приличных подручных. Религию мы им оставим как средство отвлечения».³²⁰

Будучи направленной на духовное порабощение населения оккупированных областей, «социальная политика» фашистов содержала определенную систему социально-

³¹⁸ Коваль М. В. Преступление фашистов против культуры украинского народа. / Немецко-фашистский оккупационный режим (1941-1944 гг.) / Под общ. ред. Е. А. Болотника. М., 1965. С.211.

³¹⁹ Поспелов П. Советская интеллигенция в Великой Отечественной войне // Большевик. 1942. №5. С.34.

³²⁰ Безыменский Л. Разгаданные загадки третьего рейха. Очерк шестой. Третья смерть Мартина Бормана // Новое Время. 1975. №1. С.28.

политических мероприятий, сочетавшихся с усиленными попытками маскировки истинных целей завоевателей и со значительной долей демагогии, которая была характерна для фашистской идеологии и пропаганды вообще. На различных оккупированных территориях эта политика была не одинаковой.

Повсеместно оккупанты изъяли советскую литературу, преследуя всех, кто пытался ее сохранить и сберечь. При нахождении хотя бы одного экземпляра запрещенной литературы граждане подлежали строгому наказанию. Запретив пользоваться советскими учебниками, оккупанты не обеспечивали учащихся и учителей учебными принадлежностями и пособиями, необходимыми для нормального функционирования школы. Широко оповестив мир о своих планах молниеносного захвата Ленинграда, но оказавшись перед перспективой его длительной осады, гитлеровцы и здесь вынуждены были прибегнуть к маневрированию и демагогии, к заигрыванию с местным населением. Так, именно в этих целях в ряде оккупированных районов Ленинградской области также была предпринята попытка открыть «народные школы». В декабре 1942 г. военные власти утвердили для этих школ учебные планы и программы. Была выпущена специальная детская идеологическая литература, в том числе и учебники, проникнутые фашизмом. В них восхвалялись «культура» Германии и «освободительная» миссия немецко-фашистских войск. Но родители чаще всего просто не пускали детей в школы, открывавшиеся оккупантами, поэтому провал фашистской школы был очевиден.

И те немногие из сохраненных или созданных врагом школ были школами колонизаторского типа как по целям и содержанию образования, так и по методам обучения и воспитания. С

особым ожесточением оккупанты преследовали любое проявление инакомыслия среди учителей и учащихся, не останавливаясь перед их физическим уничтожением.

Преследуя цель всемерного ослабления боеспособности СССР, руководители рейха ставили перед органами пропаганды и разведки задачу внести раскол в советское общество. В этих целях оккупационным властям предписывалось искусственно создавать конфликты между людьми различных национальностей, населяющих Советский Союз. В так называемой зеленой папке Геринга на этот счет имелись предписания: «В прибалтийских странах, - говорится в этом документе - ... опираться на немцев; использовать в интересах Германии противоречия между литовцами, эстонцами, латышами и русскими... На юге использовать в наших интересах возможное наличие противоречий между украинцами и великороссами... На Кавказе использовать в наших интересах противоречия между туземцами - грузинами, армянами, татарами и русскими...».³²¹

Тщательно разработанный «механизм идеологического обеспечения реализации плана «Барбаросса» был введен в действие накануне нападения Германии на СССР. Этим обстоятельством можно объяснить в определенной мере ни только успешные продвижения в начале войны немецко-фашистских войск вглубь Советского государства, но и временное их закрепление на оккупированной территории.

Как известно, только через два часа после начала военных действий германский посол граф Шуленбург, который на протяжении двух лет представлял германскую сторону в Москве

³²¹ Внешняя политика Советского Союза в период отечественной войны. М., 1946. т.1. С. 252.

и был хорошо информирован об истинных целях германского руководства, вручил народному Комиссару иностранных дел СССР В.М. Молотову, ноту о том, что Германия объявляет войну СССР. В тот же день, т.е. 22 июня 1941 г. по поручению советского правительства В.И. Молотов обратился к советскому народу. В своем выступлении по радио В.М. Молотов в частности сказал следующее: «...Советское правительство и его глава тов. Сталин поручили мне сделать следующее заявление: Сегодня в 4 часа утра, без предъявления каких - либо претензий к Советскому Союзу, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города - Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек, налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспрецедентным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершенно, несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей...

По поручению правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиа-

ция не допустили нарушения границы и потому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта. Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, советским правительством дан нашим войскам приказ - отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины...».³²²

Начавшаяся оккупация привела к перестройке всей общественно-политической жизни советского государства. Характеризуя коротко причины неудач Советских Вооруженных Сил в первые месяцы войны, многие историки видят их причину в серьезных ошибках, допущенных советским руководством в предвоенные годы. В литературе, приводятся сведения и о том, что не были готовы механизированные корпуса, так необходимые в современной войне, было прекращено производство 45- и 76 миллиметровых противотанковых пушек, демонтированы укрепления на старой Западной границе и многое другое. Отрицательную роль сыграло и ослабление командного состава, вызванного довоенными репрессиями. Все это привело почти к полной смене командного и политического состава Красной Армии. К началу войны около 75 процентов командиров и 70 процентов политработников находилось на своих должностях менее одного года. Даже начальник генерального штаба сухопут-

³²² Это сообщение передавалось всеми радиостанциями страны и на следующий день было опубликовано во всех центральных газетах.

ных сил фашистской Германии генерал Ф. Гальдер в мае 1941 г. отмечал в своем широко известном дневнике о том, что советский офицерский корпус исключительно плох. Он производит худшее впечатление, чем в 1933 г. По его мнению, России потребуется 20 лет, пока она достигнет прежней высоты.

К числу серьезных ошибок советского руководства следует отнести и просчет в определении времени возможного нападения фашистской Германии на СССР. Имелись и другие причины. В частности, Сталин и его окружение считали, что гитлеровское руководство не решится в ближайшее время нарушить заключенный с СССР договор о ненападении. Все сведения, получаемые по различным каналам, включая и политическую разведку, о предстоящем нападении немцев рассматривались Сталиным как провокационные, направленные на обострение отношений с Германией. Этим можно объяснить и появление заявления ТАСС 14 июня 1941 года, в котором слухи о готовившемся нападении Германии объявлялись провокационными. Этим же объяснялось и то, что директива о проведении войск западных военных округов в боевую готовность и занятии ими боевых рубежей была отдана слишком поздно. По существу директива была получена в войсках, когда война уже началась. Поэтому последствия этого были чрезвычайно тяжелыми.

К середине июля 1941 г. из 170 советских дивизий, принявших на себя первый удар германской военной машины, 28 оказались полностью разгромленными, 70 дивизий потеряли свыше 50% своего личного состава и техники. Особенно жесткие потери понесли войска Западного фронта. Из общего числа разгромленных на советско-германском фронте дивизий - 24 входили в состав этого фронта. В катастрофическом положении

оказались и остальные 20 дивизии этого же фронта. Они потеряли в силах и средствах от 50 до 90%.

За первые три недели войны Красная Армия лишилась огромного количества военной техники и вооружения. Только в дивизиях потери составляли около 6,5 тыс. орудий калибра 76 мм и выше, более 3 тыс. орудий противотанковой обороны, около 12 тыс. минометов и около 6 тыс. танков. Военно-Воздушные Силы за это время потеряли 3468 самолетов, в том числе значительное количество машин новых конструкций. Уже к полудню 22 июня в ходе бомбардировок советских аэродромов немцы уничтожили 1200 самолётов, из них свыше 800 - на земле. Потери Советского Военно-Морского Флота составили: 1 линкор, 3 эсминца, 11 подводных лодок, 5 тральщиков, 5 торпедных катеров, ряд других судов и транспортов.

К концу 1941 года Красная Армия потеряла практически весь первый стратегический эшелон - наиболее подготовленные кадровые войска. Только военнопленными, как это теперь установлено, потери за это время составляли около 3,9 млн. человек, К 10 июля немецкие войска продвинулись в глубь советской территории: на основном, западном направлении 450-600 км с темпом продвижения 25-35 км в сутки, на северо-западном направлении - на 450-500 км с темпом 25-30 км в сутки, на юго-западном направлении - на 300-350 км с темпом 16-20 км в сутки. Потери же вермахта за этот период составили около 40% танков от первоначального состава, 900 самолетов и другой боевой техники. В личном составе потери вермахта, только по немецким данным, составили около 100 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Такие потери немцев, хотя и превышали значительно их потери в пре-

дыдущих боях в Западной Европе, однако ни в какой мере не были сопоставимы с потерями советских войск.³²³

В 1941 г. в плен попало около 4 млн. советских военнослужащих. В том числе более 50 генералов. Судьба их была трагична: уже к февралю 1942 года в немецком плену в живых осталось не многим более 1 млн. человек. наших военнопленных фашисты морили голодом, почти не одетых содержали зимой под открытым небом, безжалостно убивали и расстреливали. Наглядный тому пример история с генералом Карбышем, зверски замученным в немецком плену.

В результате неудач начального периода войны только к 1 декабря 1941 г. Советский Союз потерял убитыми, без вести пропавшими и пленными 7 млн. человек, около 22 тысяч танков и до 25 тысяч боевых самолетов. К этому времени от личного состава довоенной армии, а она насчитывала свыше 5 млн. человек, осталось всего 7%.³²⁴

К ноябрю 1941 г. враг вышел на северо-западе к пригородам Ленинграда, на центральном направлении - к пригородам Москвы и на юго-западе взял Ростов-на-Дону. Фашистское командование в 1941 г. особое значение придавало захвату Москвы. Для достижения этой цели оно сконцентрировало на московском направлении свои отборные кадровые дивизии. На стороне врага было большее превосходство, особенно в танках и другой боевой технике.

По решению Государственного Комитета Обороны, командование войсками, оборонявшими Москву, было поручено Г.К.

³²³ См.: Отечественная история. № 3. 1995. С.40.

³²⁴ Васильев А.Ф. Великая Отечественная война советского народа. М., 1992. С.5.

Жукову. В своих воспоминаниях, опубликованных в послевоенные годы, он писал, что дни и ночи шла в войсках напряженная работа. Люди от усталости буквально валялись с ног, но, движимые чувством личной ответственности, проводили колоссальную работу по созданию устойчивой обороны на подступах к Москве...

На некоторых участках немцы даже находились от Москвы в 25-30 километрах. Им казалось, что скоро советская столица падет. Однако защитники Москвы стояли насмерть и переломили ход битвы. Измотав противника, наши войска в декабре 1941 г. перешли под Москвой в наступление. Для врага оно стало полной неожиданностью. Противнику был нанесен ряд сильных ударов, в итоге он был отброшен от Москвы на несколько сот километров. Непосредственная опасность советской столице была ликвидирована. В таких, исключительно сложных условиях начального периода Отечественной войны, страна начала перестройку всех сторон своей жизни, в том числе и системы образования, на военные рельсы.

В дни Великой Отечественной войны деятельность всех организаций и учреждений страны была подчинена интересам фронта, задачам разгрома агрессора.

Огромный ущерб был нанесен в самом начале войны и производству военной продукции. С августа по ноябрь 1941 г., в результате оккупации, а также эвакуации выбыло из строя 303 предприятия изготовляющие боеприпасы. Чтобы представить размер потерь в этой области, следует заметить, что месячный выпуск указанных предприятий составлял 8,4 млн. корпусов снарядов, 2,7 млн. мин, 2 млн. авиабомб, около 8 млн. взрывателей, 5,4 млн. средств воспламенения, 5,1 млн. снарядных

гильз, 2,5 млн. ручных гранат, 7800 т. пороха и др.³²⁵ В первые дни войны Советский Союз временно потерял ряд крупных районов, наиболее развитых в экономическом отношении и имевших мощную индустрию, и высокоразвитое сельское хозяйство. В этих районах перед войной производилось продукции на 46 млрд. руб., что составляло 33% всей валовой продукции страны. Особенно высок был удельный вес оккупированных районов в производстве продукции тяжелой индустрии. К врагу попали важнейшие районы добычи стратегического сырья, в частности, Никопольское месторождение марганца, которое накануне войны давало 35% всей добычи марганцевой руды в СССР; Донецкий угольный бассейн — важная топливная база СССР, где только в 1940 г. было получено 63% всего добытого в СССР угля.³²⁶

В тяжелом положении оказалась в начальный период войны и нефтяная промышленность. В конце лета 1942 г. фашистские войска заняли районы Майкопа и приблизились к Грозному. Враг прервал важнейшую артерию страны - Волгу, по которой в основном шло снабжение армии и тыла Бакинской нефтью. Это положение поставило военную экономику и в целом народное хозяйство страны в исключительно тяжелое положение. В этих условиях главная ставка советским правительством делается на Восточные районы страны, в которых заметно увеличивается добыча нефти. В Постановлении Государственного Комитета обороны 22 сентября 1942 г. указывалось, что все-

³²⁵ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М. 1948. С. 42.

³²⁶ Чадаев Я.К. Экономика СССР в период Великой Отечественной войны. (1941-1945 гг.). М., 1965.

мерное форсирование добычи нефти в районах Волги, Урала, Казахстана и Средней Азии, - важнейшая военно-хозяйственная и политическая задача, от успешного решения которой зависит удовлетворение первоочередных нужд народного хозяйства и повышение боеспособности Советской Армии.³²⁷

Положение однако, складывалось таким образом, что прежде чем на полную мощность заработали на востоке страны нефтяные скважины, необходимо было использовать все возможности старых районов для бесперебойного обеспечения армии необходимым горючим. Решить эту проблему удалось в значительной мере благодаря тому, что в предвоенные годы были накоплены определенные резервы горючего для Вооруженных сил.

В тяжелом состоянии оказалось и электроэнергетика. В связи с потерей значительной территории, на которой производилось свыше 40% электроэнергии и располагались крупнейшие электроэнергетические системы, предстояло оперативно решить ряд других задач.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. В начале войны из всех отраслей промышленности металлургия подверглась наиболее тяжелым испытаниям. За первые шесть месяцев страна потеряла 61 доменную печь, 204 мартеновские печи, 150 прокатных и 14 трубопрокатных станков и многое другое. На предприятиях Наркомата черной металлургии СССР количество производственных агрегатов по состоянию на 1 января 1942 г. в сравнении с июнем 1941 г. сократилось: по доменным печам - на 58%, мартеновским - на 49%, конверторам

³²⁷ См.: Директивы КПСС и Советского правительства по вопросам... Т.2. С.726; Советская экономика. С.92-93.

- на 100%, электроплавильным печам - на 73%, электроферросплавным печам - на 29%, прокатным станам - на 46%, трубным станам - на 80% и т.д.

В результате в 1942 г. было выплавлено всего 4779 тыс. т. чугуна, 8070 тыс. т. стали и произведено 5415 тыс. т. проката, что было значительно меньше, чем в 1940 г.³²⁸

В тяжелом положении оказалось и машиностроение. Центральные районы страны только за первый год войны снизили производство металлорежущих станков почти на 50%. За то же время в районах Северного Кавказа производство металлорежущих станков сократилось в II раз, в Западной Сибири - в 1,8 раза, в Грузии - в 1,8, в Азербайджане - в 6,7 раза. На Украине и Белоруссии металлорежущие станки в 1942 г. совсем не производились.³²⁹

Резкий спад транспортного, а также общего и тяжелого машиностроения произошел не только в силу потерь больших производственных мощностей в начале войны, но и потому, что значительная часть производственных мощностей Наркомата тяжелого машиностроения была переключена на выпуск корпусов танков, снарядов, минометов, бомб и другой военной продукции. В целом же с началом войны машиностроению был нанесен большой ущерб. Были разрушены около 740 заводов тяжелого и среднего машиностроения, 64 станкостроительных, около 90 - по производству подъемно-транспортного и энерге-

³²⁸ Советская экономика... С.90-100; Соколов Б. Промышленное строительство в годы Отечественной войны. М., 1946. С. 19.

³²⁹ Вознесенский Н. Указ. соч. С.78-80; Кравченко Г. Военная экономика... С.118-120, С.141.

тического оборудования. По предприятиям Наркомтяжмаша общий ущерб оценивался почти в 2 млрд. руб.³³⁰

В тяжелом положении оказались также химическая и другие отрасли промышленности, серьезно пострадали транспорт и связь. Общие перевозки грузов по всем железным дорогам снизились с 592,6 млн. т. В 1940 г. до 277,2 млн. т. в 1942 г., а среднесуточная погрузка сократилась на 50%. Среднесуточная погрузка на железных дорогах, подвергшихся временной оккупации сократилась в сравнении с 1940 г. с 53 тыс. вагонов до 9,6 тыс. вагонов в 1942 г. Погрузка железных дорог сократилась против 1940 г. почти в 2,5 раза в сутки. В результате промышленных предприятиях скопились огромные запасы готовой продукции, а на шахтах — угля. В этой же период протяженность телеграфно-телефонных линии, и количество телефонных станций уменьшилось почти в 2 раза.³³¹

С началом войны серьезно пострадало и сельское хозяйство. Оккупанты захватили обширную территорию плодородных земель, на которой до войны было занято под посевами зерновых и технических культур свыше 70 млн. га., выращивалось около 25 млн. крупного рогатого скота, около 20 млн. голов свиней 27 млн. овец и коз. На этой же территории находилось 47% всех посевных площадей страны, что давало возможность до войны получать на них половину общесоюзного производства

³³⁰ Вопросы истории. 1973. № 5, С.33.

³³¹ Кравченко Г. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны... С.161.

зерна, 86% всей продукции сахарной свеклы и до 50% всего поголовья скота.³³²

С началом войны был нанесен большой ущерб также легкой и пищевой промышленности, значительная часть их предприятий оказалась в зоне боевых действий. По существу была подорвана сырьевая база предприятий пищевой промышленности, ибо в районах, охваченных военными действиями, было сосредоточено около 90% посевов сахарной свеклы, 60% посевов подсолнечника, почти 100% посевов клещевины и др. Было полностью разрушено 4490 заводов по переработке молока и мяса, серьезно пострадали 5500 предприятий системы Наркомата промышленности продовольственных товаров. В их числе 204 сахарных заводов, 47 консервных, 157 хлебопекарен, 649 спиртоводочных заводов и много других. Пищевая промышленность лишилась 40% технологического оборудования и половины энергетического хозяйства. Общий размер ущерба, причиненного захватчиками, составил только по предприятиям Наркомата пищевой промышленности СССР в этот период около 2 млрд. руб.³³³

Временная потеря важнейших экономических районов нанесла огромный ущерб экономике СССР, выбила на длительный срок крупные производственные мощности многих важных ее отраслей. В результате объем валовой продукции всей промышленности в СССР составил в начале войны 98% к уровню 1940 г., а в 1942 г. - 77% и оказался самым низким за все годы

³³² Володарский Л. Возрождение районов СССР, пострадавших от немецкой оккупации. М, 1946. С.8.

³³³ Зотов В.П. Развитие пищевой промышленности в новой пятилетке. М., 1947. С.27.

войны. Состояние, в котором оказалась наша промышленность с началом войны, привело к тому, что уровень развития военной промышленности был значительно ниже, чем в середине 1941 г. В таких, исключительно неблагоприятных условиях страна и приступила к перестройке своего народного хозяйства на военный лад.

С первых дней войны одной из главных задач, была быстрая перестройка народного хозяйства, всей жизни страны на военные рельсы. Для ведения войны по-настоящему необходимым был крепкий организованный тыл, способный во всевозрастающем объеме обеспечивать воюющую армию всем необходимым. Партийно-государственные органы страны ясно осознавали, что поднять миллионные массы людей на борьбу с врагом это еще полдела. Необходимо быстрее вооружить армию боевой техникой, что сделает ее способной вести успешную войну против фашистского агрессора. Решение именно этих задач и было сопряжено с большими трудностями, ибо, как отмечалось выше, с первых дней войны из народного хозяйства страны выпали важные отрасли промышленности и целые высокоразвитые экономические районы, что отрицательно сказалось на обеспечении армии необходимым вооружением.

Основная линия хозяйственной политики на время войны была определена в Директиве партии и правительства 29 июня 1941 г. и в выступлении И. В. Сталина 3 июля 1941 г. На второй день войны был введен мобилизационный план производства боеприпасов и патронов. А уже 30 июня был утвержден мобилизационный народнохозяйственный план на III квартал 1941 г., реализация которого была подчинена главной задаче - удовлетворению возрастающих нужд фронта. Но события на фронте с

началом войны развивались так быстро и столь невыгодно для нас, что этот план оказался невыполненным. Поэтому, уже 4 июля 1941 г. Государственным Комитетом Оборона СССР было принято решение о срочной разработке нового плана всемерного развития военного производства. В этом решении отмечалось: «Поручить комиссии т. Вознесенского, с привлечением Наркома вооружения, боеприпасов, авиационной промышленности, цветной металлургии и других наркомов выработать военно-хозяйственный план обеспечения обороны страны, имея в виду использование ресурсов и предприятий, существующих на Волге, в Западной Сибири и на Урале. При выработке плана учесть как основные предприятия, так и смежные с тем, чтобы можно было производить вполне комплексную продукцию».³³⁴

Это решение ГКО явилось важным шагом в процессе перевода советской экономики на военные рельсы. Комиссия во главе с председателем Госплана СССР Н.А. Вознесенским за две недели разработала план на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. 16 августа 1941 г. ЦК ВКП/б/ и СНК СССР приняли новое постановление о военно-хозяйственном плане на IV квартал 1941 г. и на 1942 г., по которому районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии были определены специальные задания по выпуску военной продукции уже на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. Они включали производство артиллерийского и стрелкового вооружения, боеприпасов, самолетов, автобронетанковое вооружение, военное судостроение, а также производство промышленной продукции. Бы-

³³⁴ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.3. С.42.

ла разработана широкая программа развития производства различных видов вооружения, а также строительство авиационных, моторных и агрегатных заводов с вводом их в действие уже в первой половине 1942 г.

Для скорейшего выполнения военно-хозяйственного задания было принято решение о переводе в указанные районы промышленные предприятия наркомата боеприпасов, вооружения и др. В качестве первоочередных задач намечалось ускоренными темпами решить и проблему топлива, электроэнергии, производства металла, а также реализацию конкретных задач по машиностроению и добыче нефти. В этой связи, принятый на IV квартал 1941 г. план установил объем только буровых работ в районах «Второго Баку», Казахстана и Средней Азии в размере 340 тыс. м. Кроме того, предусматривалось в III и IV квартале 1941 г. строительство около 90 мелких угольных шахт на общую мощность 6800 тыс. тонн и 15 сланцевых шахт на мощность 750 тыс. тонн. Были определены также конкретные задания по электроэнергии, в частности, на IV квартал 1941 г., намечалось производство новых мощностей в размере около 300 тыс. квт и в 1942 г. - почти 1100 тыс. квт. Было предусмотрено так же осуществить в 1942 г. ряд конкретных задач и в области машиностроения, в том числе по форсированному строительству завода тяжелых станков в Свердловске с вводом его в действие в 1942 г. и выпуском 600 станков уже в III квартале 1942 г.

Предусматривалось и строительство новых заводов на Урале и в Сибири, увеличить выпуск продукции на предприятиях химической, резиновой, целлюлозно-бумажной, текстильной, легкой и пищевой промышленности и решить также задачи в области строительства железных дорог и т. д. Военно-

хозяйственный план определил конкретные задачи и для развития сельского хозяйства. По районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии на 1942 г. предусматривалась общая посевная площадь в колхозах и совхозах - 62706 тыс. га.³³⁵

С началом войны все нити руководства перестройки жизни страны сходились в Центральном Комитете и Совете Народных комиссаров. Изменение условий работы повлекло за собой и перестройку партийного советского руководства. ЦК ВКП(б) и СНК СССР поручили Н.А. Вознесенскому «представлять в г. Куйбышеве Совет Народных Комиссаров СССР».³³⁶ Часть аппарата ЦК ВКП(б) и СНК СССР была переведена в г. Куйбышев, откуда осуществлялось руководство работой эвакуируемых на восток наркоматов. Секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву, находившемуся в г. Куйбышеве, было предоставлено право давать от имени ЦК указания обкомам партии Поволжья, Урала, Сибири и Средней Азии по вопросам организации промышленности в связи с эвакуацией предприятий и школ в эти районы, а также по вопросам сельскохозяйственных заготовок. Кроме того, 1 июля 1941 г., в целях оперативного решения вопросов Совнарком СССР принял постановление «О расширении прав Народных комиссаров СССР в условиях военного времени».

Это постановление было распространено также на народных комиссаров союзных республик. Несмотря на жесткую централизацию в управлении всеми сторонами жизни в государст-

³³⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам... Т.3. С.44-48.

³³⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам... Т. 3. С.40-41, 44.

ве, с началом войны и начавшейся перестройкой, эвакуацией были заметно расширены и права наркоматов. Им давалось право распределять и перераспределять материальные ресурсы между отдельными предприятиями и строительствами, допускались частичные отступления от утвержденных проектов и смет, разрешался пуск в эксплуатацию строящихся предприятий и их отдельных частей, с последующим уведомлением СНК СССР.³³⁷ Все это и многое другое, способствовало оперативному решению вопросов перестройки экономики на военные рельсы. С образованием Государственного Комитета Оборона многие вопросы, связанные с перестройкой народного хозяйства, перераспределение средств в интересах военного производства, руководства экономикой и другие военно-оборонные вопросы решались совместно Политбюро и ГКО.

Практически вся власть в государстве была сосредоточена в руках Государственного Комитета Оборона (ГКО), являющегося чрезвычайным органом военного времени, сыгравшим огромную роль в мобилизации усилий всей страны на отпор врагу. Государственный Комитет Оборона был образован в первые дни войны, как чрезвычайный орган, наделенный всей полнотой власти в стране. За 5 месяцев своего существования ГКО принял около 10000 постановлений, из которых примерно две трети касались проблем военной экономики и организации военного производства, а остальные - политических, кадровых, военных и иных вопросов. К сожалению, до последнего времени в публикациях очень мало приводится конкретных сведений о деятельности ГКО. Специальная научная разработка по этой

³³⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам...
Т. 3. С.40-41-44.

проблеме не велась в силу закрытости многих ее документов. В последнее время положение в этом отношении стало заметно меняться. В ряде периодических изданий опубликованы несколько десятков документов Государственного Комитета Обороны, вышли также ряд изданий, в частности книга Н.Я. Комарова «Государственный Комитет. Постановляет.... Документы. Воспоминания. Комментарии», М., 1990 г.; статья А.А. Печенкина «Государственный Комитет Обороны в 1941 г.», опубликованная в журнале «Отечественная история» за 1994 г.³³⁸

В составе ГКО первоначально вошли И.В. Сталин (председатель), В.И. Молотов (заместитель председателя), К.Е. Ворошилов, Г.М. Маленков и др., а впоследствии были введены также Н.А. Булганин, Н.А. Вознесенский, Л.М. Каганович, А.И. Микоян.

ГКО осуществлял высшее политическое, государственное и военное управление, руководил всеми ключевыми направлениями военной экономики и гражданских отраслей народного хозяйства. Такая жесткая централизация была совершенно необходима в той чрезвычайной обстановке, она сыграла большую роль в перестройке жизни страны на новый лад.

Председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский, бывший в годы войны членом Государственного Комитета Обороны следующим образом характеризовал ее задачи: во-первых, мобилизацию производственных мощностей промышленности, рабочих и инженерно-технических кадров на нужды Отечественной войны; во-вторых, мобилизацию материальных ресурсов сельского хозяйства и труда колхозного крестьянства на

³³⁸ Отечественная история. № 4-5. 1994. С. 126-142.

обеспечение потребностей Советской Армии и городов, снабжающих фронт военной техникой; в-третьих, мобилизацию и военную перестройку транспортов; в-четвертых, мобилизацию строительных кадров и механизмов на строительство военных заводов и кооперативных с ними предприятий; в-пятых, мобилизацию рабочей силы, переквалификацию рабочих в промышленности и подготовку новых кадров взамен призванных в Советскую Армию; в-шестых, мобилизацию производственных резервов страны для бесперебойного снабжения городов.

Стратегическое руководство вооруженной борьбой ГКО осуществлял через Ставку Верховного Главнокомандования: ставил перед Вооруженными силами военно-политические задачи, совершенствовал их структуру, расставлял руководящие кадры, определял общий характер использования вооруженных сил в войне. Работал ГКО исключительно оперативно. Его заседания не протоколировались. Своих особых органов прямого подчинения ГКО не создавал. В зависимости от обстоятельств при ГКО действовали, временно или постоянно, различные комитеты, советы, комиссии, бюро, которые при необходимости создавались в рабочем порядке, а при выполнении своей прямой задачи расформировывались. В декабре 1942 г. было принято постановление ГКО об образовании «Оперативного бюро Государственного Комитета Обороны», с помощью которого ГКО осуществлял жесткий контроль за выполнением военных заказов.

К этому времени резервы, запасы сырья и материалов, созданные в мирное время, были исчерпаны. Остро встал вопрос о производстве металла, добыче топлива, увеличении выработки электроэнергии... Потребности фронта надо было

обеспечивать продукцией текущего производства и в то же время создавать устойчивые запасы для дальнейшего развития военной промышленности. Оперативное бюро ГКО контролировало работу всех наркоматов оборонных отраслей промышленности, Наркомата путей сообщения и многих других.

Такой контроль, осуществляемый строго по законам военного времени, - за финансовой дисциплиной и выполнением военных заказов, позволил создать необходимые условия для реализации всех постановлений Государственного Комитета Обороны.

Бывший в годы войны начальником Генерального штаба Маршал Советского Союза А.М. Василевский в своих воспоминаниях писал о том, что на протяжении всей войны ГКО оперативно решал все вопросы, которые ставила война. Оперативность и результативность в деятельности ГКО важная черта его работы.

Заседаний ГКО в обычном понимании, как отмечал начальник тыла Красной Армии генерал А.В. Хрулев, то есть с определенной повесткой дня, секретарями и протоколами, не было. Процедура согласования с Госпланом, Наркоматами и ведомствами самых разных вопросов была упрощена до предела. В кабинет Председателя ГКО всегда свободно входили члены ГКО, которые докладывали подготовленные проекты постановления - каждый по своему кругу деятельности. Сюда являлись наркомы, другие руководители не только по вызову, но и по собственной инициативе, если у них возникали неотложные вопросы. Все это способствовало общему стремлению ценой любых усилий быстрее сделать все необходимое для фронта, для разгрома врага...

Иногда, в зависимости от обстановки, допускались и отступления от этого порядка: важнейшие вопросы порой решались немедленно – по телефону. Отступления были, однако неизблемым, оставалось одно, как подчеркивал А.М. Василевский при выработке стратегических планов и при решении крупнейших экономических проблем Политбюро ЦК ВКП(б), Государственный Комитет Обороны стремились опираться на мнение коллективов. Это диктовалось не в последнюю очередь тем, что Государственный Комитет Обороны свои решения проводил в жизнь с помощью государственных учреждений, партийных и общественных организаций. Без такой опоры его деятельность была бы невозможной. Хотя на ГКО был возложен широкий диапазон обязанностей, тем не менее своих штатных работников, административно-технического аппарата в современном понимании он не имел.

Отдельным членам и кандидатам в члены Политбюро, являвшимся одновременно и членами ГКО, было поручено общее руководство основными отраслями военного хозяйства. Вопросами производства вооружения и боеприпасов занимался Н.А. Вознесенский, самолетов и авиационных моторов - Г.М. Маленков, танков - В.М. Молотов, продовольствия, горючего и вещевого имущества - А.И. Микоян, железнодорожных перевозок - Л.М. Каганович.

Члены и кандидаты в члены ЦК возглавляли промышленные наркоматы: А.И. Шахурин - авиационной промышленности, Б.Л. Ванников - боеприпасов, И.Ф. Тевосян - черной металлур-

гии, А.И. Ефремов - станкостроительной промышленности, В.В.Вахрушев - угольной, И.К.Седин - нефтяной и др.³³⁹

Почти за 9 дней с начала войны в стране удалось создать стройную структуру управления, единую централизованную систему объединенного политического, государственного и военного руководства, которое обеспечивало оперативное решение всех вопросов, связанных с войной, позволяло осуществлять практическую связь между армией, фронтом и тылом, наиболее целесообразно использовало все возможности государства в вооруженном противоборстве с агрессором.

Необходимо также отметить, что при перестройке системы управления высшие органы государства стремились не допустить в ходе реорганизации расширения государственного аппарата. В начале войны было создано лишь три новых органа при правительстве СССР, в частности, Госкомитет по учету и распределению рабочей силы, Совет по эвакуации, Главное управление государственных материальных резервов. Аппарат же всех наркоматов существенно сокращался, с одновременным повышением ответственности. Этот исторический опыт заслуживает пристального внимания не только исследователей, многое из этого опыта можно было бы использовать и сегодня.

Главным звеном в перестройке народного хозяйства страны на военные рельсы являлась перестройка промышленности. Внутри промышленности перестройка заключалась, во-первых, в максимальном увеличении производства военной продукции с учетом ее модификации и замены устаревших конструкций новыми видами на действующих предприятиях военной промыш-

³³⁹ История Коммунистической партии Советского Союза.... Т.5., кн. 1-ая. С.275-276.

ленности за счет выявления и использования всех имеющихся в промышленности резервов; во-вторых, в осуществлении реконструкции существующих производственных мощностей и строительства в широких масштабах новых предприятий военной промышленности, а также передаче в состав военной промышленности ряда предприятий, занятых выпуском гражданской продукции; в-третьих, к выпуску военной продукции предприятиями, продолжавших производить гражданскую продукцию. Перевод промышленности на военные рельсы означал радикальную перестройку всего процесса общественного воспроизводства, изменял его направленность и пропорции.

На военное производство переводилось почти все машиностроение. К примеру, в ноябре 1941 г. Наркомат общего машиностроения был преобразован в Наркомат минометной промышленности. Кроме созданных до войны наркоматов авиационной промышленности, судостроения, вооружения и боеприпасов были образованы еще два Наркомата - танковой и минометной промышленности. Благодаря этому все решающие отрасли военной промышленности получали специализированное централизованное руководство. Было начато производство реактивных минометов, существовавших до войны лишь в опытных образцах. Первой ракетной боевой установке был присвоен индекс БМ-13, но фронтовики называли ее по-своему - «Катюшей».

11 сентября 1941 г. было принято постановление Совнаркома СССР «О строительстве промышленных предприятий в условиях военного времени», в соответствии с которыми наркоматам разрешалось при необходимости строить для основных и вспомогательных цехов своих предприятий здания временного типа с расчетом на сокращенные сроки

менного типа с расчетом на сокращенные сроки эксплуатации. Предусматривалось переходить в строительстве к широкому применению дерева и других местных материалов для несущих конструкций, перекрытий зданий и сооружений и только в исключительных случаях допускалось применение металла, железобетона, металлических конструкций. В этих же целях Совнаркомом была разослана на места специальная инструкция «По проектированию и строительству промышленных предприятий в условиях военного времени».³⁴⁰

С началом войны были внесены также соответствующие изменения в распределение продовольственных ресурсов. Это было вызвано тем, что значительные запасы продовольствия были потеряны во время военных действий. Имевшиеся же ресурсы государство вынуждено было направлять в первую очередь для снабжения Красной Армии и населения промышленных центров. В стране была введена карточная система. С 18 июля 1941 г. были введены карточки на некоторые продовольственные и промышленные товары в Москве, в Ленинграде и в других крупных городах. В то же время Советское правительство сохранило существующий порядок снабжения продовольственными и промышленными товарами детских домов и садов, санаториев и других учреждений.

С ноября 1941 г. началось государственное снабжение мясом, рыбопродуктами и другими продуктами населения 43 крупных городов страны. В целом, численность населения, находившегося на государственном снабжении хлебом и другими видами продовольствия, за годы войны достигла 76,8 млн. че-

³⁴⁰ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам... Т.3. С.49.

ловек.³⁴¹ Нормы снабжения для рабочих и служащих были дифференцированы и зависели от важности работы для обороны страны, условий и характере труда.

В условиях перестройки и создания военной экономики, большое внимание уделялось совершенствованию и денежно-кредитной системы. В оперативном порядке перераспределялись финансовые ресурсы. Требовались огромные средства на быструю перестройку народного хозяйства на военный лад. Решение этой задачи осложнялось тем, что с началом войны доходы бюджета заметно снизились, в частности с 18 млрд. рублей в 1940 г. до 16,5 млрд. руб. в 1942 г. Необходимо было изыскивать новые источники доходов, с целью увеличения возросших расходов на военные цели. Война вызвала необходимость усиления централизации финансов, концентрации решающей массы денежных средств в союзном бюджете, с целью их более эффективно использовать их в интересах ведения войны. Достаточно заметить, что расходы, связанные только с финансированием Наркоматов обороны и Военно-Морского флота за 4,5 года составили 55, 1 млрд. рублей, или 52,2% всех расходов бюджета. Во втором же полугодии 1941 года эти расходы вдвое превышали довоенный уровень. Ежедневные военные расходы достигали в среднем 38,8 млн. рублей. Вместе с тем, следует обратить внимание на одно важное обстоятельство того периода, несмотря на военные условия за годы войны. Советским государством выделялись также большие средства на хозяйственные и культурные цели.

³⁴¹ Вознесенский Н. Указ. соч. С. 123.

Только за 1941-1945 гг. на финансирование народного хозяйства было выделено около 25 млрд. рублей, на социально-культурные мероприятия - 22 млрд. рублей, или 40% всех расходов бюджетов. За эти же годы было построено 3,5 тыс. крупных промышленных предприятий и восстановлено в освобожденных районах 7,5 тыс. объектов.³⁴²

Советское общество стремилось в меру возможностей помочь партии и правительству в общем деле победы над врагом. Например, патриотическое участие учительской общественности в сельскохозяйственных работах активно продолжалось на всем протяжении Великой Отечественной войны. В полевой сезон 1942 г. оно получило свое развитие в форме Всесоюзного социалистического соревнования за звание лучшей школы-участницы полевых работ. Деятельность учительских и ученических общественных организаций была направлена на активное участие в этом движении. Только в Калининградской неполной средней школе Мытищинского района 77 учащихся, 14 учителей и 4 технических сотрудника школы активно работали на уборке картофеля и выработали около трех с половиной тысяч трудодней. В целом по центральным районам страны, по сравнению с первым военным полевым сезоном, итоги выработки трудодней среди учителей и школьников были значительно больше и составляли 2350 тыс. трудодней.³⁴³ По итогам работы летом 1942 г. победителем в соревновании был признан Ленинский район, он был удостоен переходящего Красного знамени. Передовой школой была названа Сухаревская средняя школа

³⁴² ГАРФ. Ф.2306, Оп. 69. Д.2809. Л.52.

³⁴³ Москва и Московская область в Великой Отечественной войне 1941-1945. Краткая хроника. М., 1986. С.237.

Краснополянского района, которая сохраняла это положение на протяжении всего военного времени.

Учительская общественность проводила активную работу по помощи сельскому хозяйству, не только организуя школьников. Многие учителя-коммунисты, являясь секретарями территориальных парторганизаций, проводили большую мобилизационную работу среди сельских жителей. Учительница В.А. Шеригина, руководившая парторганизацией колхоза «Застрельщик», несколько месяцев проработала бригадиром отстающей полеводческой бригады и сумела добиться выполнения ею планового задания.³⁴⁴ Директор Новоцаповской средней школы О. Капитонова на протяжении долгого времени являлась редактором колхозной стенгазеты.³⁴⁵ Примеров активного участия учительской общественности в сельскохозяйственном труде в годы Великой Отечественной войны можно привести достаточно, все они имели определенное мобилизующее значение для жителей сельской местности, однако, говоря о них, следует отметить, что подчас эта деятельность базировалась на личной инициативе того или иного коммуниста, при меньшей роли парторганизаций в целом.

Одновременно решались и другие проблемы, связанные с перестройкой народного хозяйства страны. В их числе большое значение приобретает проблема трудовых ресурсов. Острота этой проблемы усугублялась и тем, что огромная масса людей была мобилизована на фронт, с другой стороны на временно оккупированной территории страны находились значительные людские ресурсы, которые выбыли из производственной сфе-

³⁴⁴ Московский большевик. 1943. 31 января.

³⁴⁵ Московский большевик. 1943. 20 августа.

ры. Достаточно отметить, что в 1942 г., в период наибольшей оккупации территории СССР, численность населения страны упала до 130 млн. человек.³⁴⁶ Если в начале 1941 г. в стране имелось 31,5 млн. рабочих и служащих, то к концу 1941 г. это число сократилось до 18.% млн.

В первые месяцы 1942 г. только на девяти крупных предприятиях, связанных с выпуском оборонной продукции, не хватало около 400 тыс. рабочих.³⁴⁷ Чтобы обеспечить рабочими кадрами военную промышленность и связанные с ней отрасли, требовалось во-первых, в срочном порядке перераспределить оставшиеся трудовые ресурсы, а с другой стороны, вовлечь новые слои населения в производство. В этих целях в конце июня 1941 г. при Совнаркоме СССР был образован специальный комитет по распределению рабочей силы. Были решены вопросы и о режиме работы предприятий. В конце июня 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», по которому вводились обязательные сверхурочные работы и отменялись отпуска. Это позволило примерно на треть поднять загрузку производственных мощностей, не увеличивая численности рабочих и служащих.

С конца июля 1941 г. правительство СССР в оборонных целях предоставило право местным органам власти при необходимости переводить рабочих и служащих на работу в другие предприятия, независимо от их ведомственной принад-

³⁴⁶ Великая Отечественная война/ Краткий научно-популярный очерк. М., 1970. С. 514.

³⁴⁷ Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны.... С. 109.

лежности. В результате, уже с июля 1941 г. до января 1942 г. за счет перевода с предприятий местных отраслей промышленности и мобилизации населения было направлено для работы в оборонную промышленность и на транспорт более 120 тыс. человек. Кроме того, из числа военнообязанных непригодных к строевой службе формировались строительные батальоны и рабочие колонны. Только во второй половине 1941 г. в них было мобилизовано более 700 тыс. человек.³⁴⁸

В этих же целях в феврале 1942 г. был принят Указ Президиума Верховного совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и на строительстве», который допускал мобилизацию неработающих мужчин от 16 до 55 лет и женщин от 16 до 45 лет. Был принят также специальный Указ «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Самовольный уход приравнивался к дезертирству из армии.³⁴⁹

Благодаря этим мерам, удавалось сравнительно быстро решить вопросы обеспечения оборонных отраслей необходимым количеством рабочих кадров. Только в 1942 г. было привлечено для постоянной работы в промышленности, строительстве и на транспорте около 800 тыс. человек. Одновременно интенсивно осуществляется процесс подготовки рабочих кадров

³⁴⁸ Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С.187.

³⁴⁹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т.3. С.64; История КПСС...Т.5. С.287.

на местах. В результате, за 1941-1942 гг. было подготовлено около 8 млн. квалифицированных рабочих.³⁵⁰

На военную перестройку была нацелена деятельность всех Союзных республик, краев, областей. Оперативно осуществлялась перестройка экономики всех республик, их приспособление к нуждам фронта. В качестве иллюстрации приведем ряд примеров, связанных с Казахстаном, и другими сопредельными республиками. С первых дней войны, в Казахстане, и в республиках Средней Азии перестройка народного хозяйства определялись военно-мобилизованными планами, утвержденными ГКО. В соответствии с этим, в Казахстане партийно-государственные органы приняли конкретные решения еще 25 июня 1941 г.³⁵¹ В соответствии с этим 7 июля 1941 г. республиканские органы утвердили конкретный план, предусмотрев в нем военно-мобилизационные вопросы и мероприятия по переводу народного хозяйства республики на военные рельсы. Начался перевод предприятий на выпуск военных заказов, были пересмотрены вопросы, связанные с капитальными вложениями, установлена очередность строительства объектов и многое другое. По мобилизационному и военно-хозяйственному плану, утвержденному Правительством СССР в начале войны в числе передовых строек по Казахстану были определены разведка и добыча нефти, строительство шахт в Караганде и на Мангышлаке, ряда электростанций и новых цехов на Балхашском медеплавильном комбинате и др.

³⁵⁰ Митрофанова А.В. Указ. соч. С. 191; Кравченко Г.С. Указ. соч. С. 111.

³⁵¹ Большевик Казахстана. 1941. № 7. С.59.

Одновременно многие объекты капитального строительства, главным образом культурно-бытового назначения, с началом войны прекратили производство некоторых видов гражданской продукции в целях высвобождения производственных мощностей, рабочей силы и материальных фондов на нужды военного производства. В результате, к концу 1941 г. выплавка меди увеличилась на 22%, редких металлов на 88%. Началось освоение нового месторождения вольфрама. За первое военное полугодие нефтяники Эмбы дали фронту горючего почти на 22% больше, чем за первое предвоенное полугодие 1941 г., а за весь 1941 г. было добыто нефти на 24% больше, чем в довоенном 1940 г.³⁵²

Аналогичная работа по перестройке народного хозяйства на военные рельсы проводилась с началом войны и в Узбекистане и в других среднеазиатских республиках. Аналогичная ситуация была характерна и для всех остальных союзных республик страны.

И все же необходимо иметь в виду, что основным центром военной экономики СССР с началом войны становится восточная индустриальная база. Уже в 1942 г. заметно вырос удельный вес восточных районов в общесоюзном производстве. Достаточно заметить, что валовая продукция всей промышленности возросла в 1942 г. по сравнению с 1940 г. на Урале почти в 3 раза, в Западной Сибири, и в районах Поволжья - в 2,5 раза. Значительно повысился удельный вес восточных районов и в сельскохозяйственном производстве. Только в 1942 г. доля этих

³⁵² Козыбаев М. Казахстан - арсенал фронта. Алма-Ата, 1966 г., с.255-256. Очерки истории Компартии Узбекистана. Ташкент, 1964. С. 317.

районов в валовом сборе зерна составила 90% против 42,3% в 1940 г. и т.д.³⁵³

В годы Великой Отечественной войны на восточную индустриальную базу легла основная тяжесть снабжения армии вооружением. За время войны промышленное производство увеличилось на Урале в 3,6 раза, в Сибири - в 2,8 раза, в Поволжье - в 3,4 раза. С начала войны в восточных районах были введены в действие огромные энергетические мощности, угольные шахты, металлургические заводы и другие предприятия.³⁵⁴

Таким образом, успешно проведенная с началом Великой Отечественной войны перераспределение материальных, финансовых и трудовых ресурсов страны сыграло решающую роль в перестройке народного хозяйства Советского государства на нужды войны. Изменение народнохозяйственных пропорций, переключение всех сил и средств на обслуживание фронта заложили прочную основу для создания слаженной военной экономики, способной самостоятельно решать оборонные задачи страны в годы Великой Отечественной войны.

В плане реализации военно-оборонных и экономических задач начального периода войны жизненно важное значение для Советского государства имело решение проблемы, связанной с эвакуацией заводов и фабрик, большой массы людей и других ценностей страны с западных, прифронтовых районов в тыловые районы.. Учитывая, что данная проблема является предметом самостоятельного, к тому же ни одного исследования, мы ни ставим целью в данном случае ее подробного осве-

³⁵³ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945 гг. М, 1965. Т.6. С.46.

³⁵⁴ Шаги пятилеток. М., 1968. С. 126.

щения и все же постараемся, хотя и кратко осветить наиболее важные стороны и этой проблемы. Это важно сделать и потому, что оно дает возможность представить всю масштабность того, что было сделано Советским Государством с начала войны по перестройке всех сторон жизни всей страны на военный лад.

Как отмечалось выше, с первых дней войны под ударом врага оказалась огромная территория Советского Союза, потеря которой могла значительно ослабить возможности страны к сопротивлению. На это и делали *главную* ставку правители фашистской Германии. Планируя войну против СССР, они ни как не могли предположить, что Советскому государству удастся столь быстро осуществить перебазирование своих производительных сил с Запада на Восток, и вывести из угрожаемых районов миллионы людей.

Германия рассчитывала, что с первых же дней вторжения ей удастся в максимальной степени использовать экономические ресурсы СССР в своих дальнейших планах. С этой целью было заблаговременно изучено состояние народного хозяйства СССР и возможности его использования в ходе военных действий. Опубликованные документы (как отечественные, так и немецкие) убедительно подтверждают это положение. Советское руководство учитывало эти цели захватчиков и приняло с началом войны конкретные меры по недопущению их реализации.

В условиях неблагоприятного развития военных событий быстрее перемещение с прифронтовых районов населения промышленных предприятий, сельскохозяйственной продукции, государственных ценностей в тыловые районы становится важнейшей военно-экономической проблемой. Перед страной встала труднейшая задача, непредвиденная ранее в таких

масштабах, а именно - в предельно короткий срок переместить в глубокий тыл большое количество промышленных предприятий, сырья, других материальных и культурных ценностей, вывести из прифронтовых районов и спасти миллионы советских людей. Нужно было совершить почти невозможное: поднять с места огромную массу населения, уцелевшие заводы и перевезти их подальше от фронта — на Урал, в Сибирь, в Среднюю Азию и в другие тыловые районы. Подобного история еще не знала. Иначе говоря, производительные силы страны, равные по объему производительным силам крупного экономически развитого государства, предстояло перебросить за тысячу километров, разместить на новых местах и быстро ввести в строй. О масштабах этого стратегического маневра можно судить по тому, что общая стоимость только эвакуированного в течение первого года войны, с июня 1941 г. по июль 1942 г. промышленного оборудования превысила сумму всех капитальных затрат Советского государства за три года первой пятилетки.³⁵⁵ В начале войны решением Государственного Комитета Обороны СССР был создан Совет по эвакуации, на который была возложена задача по координации к осуществлению всех задач, связанных с перебазированием крупных людских и материальных ресурсов из угрожаемых районов в тыл. Решения Совета по эвакуации являлись обязательными для выполнения всеми инстанциями, кого они касались.³⁵⁶

В этих же целях 27 июня 1941 года Правительство СССР приняло специальное постановление «О порядке вывоза и раз-

³⁵⁵ Эшелоны идут на восток. С. 187.

³⁵⁶ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. т.3. С.42.

мещения людских контингентов и ценного имущества», в котором указывалось, что в первую очередь следует эвакуировать промышленное оборудование, сырьевые ресурсы, продовольствие. Квалифицированных рабочих, инженеров и служащих предписывалось эвакуировать вместе с предприятиями.

Директивой ГКО СССР от 4 июля 1941 г. была определена основная линия хозяйственной политики в условиях эвакуации промышленности. Предусматривалось использование ресурсов всех предприятий, существовавших на Востоке, в Западной Сибири и на Урале, а также эффективное использование ресурсов тех предприятий, которые вывозились в указанные районы в порядке эвакуации.

В самом начале войны было принято два постановления о Совете по эвакуации. 26 сентября 1941 г. при Совете было создано Управление по эвакуации населения. Контроль за перебазированием населения, оборудования и материальных ценностей осуществляла группа инспекторов во главе с А.Н. Косыгиным. 25 октября был организован еще один орган Совета - Комитет по эвакуации в глубь страны из районов прифронтовой полосы запасов продовольствия, сырья, промышленных товаров, оборудования, холодильников, табачных фабрик, мыловаренных заводов и т.д. Он действовал до 19 декабря 1941 года. 25 декабря 1941 года был образован также Комитет по разгрузке транзитных грузов, ему же был передан аппарат расформированного Совета по эвакуации. Однако летом 1942 года, когда началась вторая волна эвакуации, решением ГКО 22 июня была образована новая Комиссия по эвакуации в составе И.М. Шверника, А.И. Микояна, А.Н. Косыгина, М.Э. Сабурова и др. В Совете постоянно работали около 80 человек. Они были разделе-

ны на три группы: одна занималась эвакуацией промышленных предприятий, институтов, организаций и учреждений, рабочих и служащих этих организаций, а также размещением их на новых местах; вторая группа занималась непосредственно эвакуацией промышленности и, третья группа Совета - транспортными средствами.

Уполномоченными Совета по эвакуации на местах являлись в большинстве случаев руководители республик, областей, краев, и городов. В целях оперативного решения вопроса на местах так же были созданы органы Совета по эвакуации. С учетом важности задач, совет по эвакуации принимал постановления по каждому предприятию, подлежащему эвакуации. Устанавливались сроки начала и окончания эвакуации того или иного объекта; определялось количество вагонов, необходимых для эвакуации; пункты, в которые предприятия должны эвакуироваться и т.д.³⁵⁷ Одновременно, учитывая важность транспортного обеспечения перевозок в самом Наркомате путей сообщения была создана оперативная группа в составе 25 человек по обеспечению эвакуационных перевозок.³⁵⁸

Сложность осуществления эвакуации объяснялась еще и тем, что конкретными заблаговременно разработанными эвакуационными планами на случай неблагоприятного хода военных действий страна не располагала. Поэтому опыт приходилось приобретать в ходе боевых действий.

Организуя работу по перемещению производительных сил на восток страны, правительством был разработан целый комплекс мероприятий, включающих в себя правила эвакуации

³⁵⁷ Эшелоны идут на восток. С.202-207. 208-310.

³⁵⁸ История Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 143,148.

селения, грузов, их охрану в пути, расходы по перемещению, вопросы питания населения, строительство жилых помещений для эвакуированного населения и др. Для оперативного решения задач при крупных наркоматах создавался Институт уполномоченных Совета по эвакуации, в помощь которым были организованы комиссии по эвакуации, которые занимались выбором территории для размещения вывозимых предприятий и подготовкой к приему грузов и людей.

Осуществленная в 1941-1942 года эвакуация населения, промышленных предприятий, продовольственных ресурсов и других ценностей народного хозяйства имела свои особенности и трудности. По экономическим районам она проходила в разные сроки в зависимости от положения на фронтах. Конкретные условия военной обстановки 1941-1942 гг. потребовали провести перебазирование дважды: первый раз летом и осенью 1941 года, второй - летом и осенью 1942 года. Эвакуация 1941 года была самой массовой, она охватила период с начала войны до декабря 1941 года. Оба этапа эвакуации (лето и осень 1941 г., лето и осень 1942 г.), связаны с наиболее тяжелыми периодами войны. В зависимости от конкретной обстановки на фронтах оба этапа эвакуации имели и свою географию.

Для размещения промышленных предприятия, вывозимых из прифронтовых районов намечались крупные экономические районы на востоке страны, такие как Уральский, Поволжский, Западный и Восточно-Сибирский, республики Средней Азии и Казахстана. Следует подчеркнуть, что Уральский экономический район являлся одним из наиболее важнейших индустриальных центров страны. Крупным экономическим центром являлся и Поволжский район, расположенный в центре Россий-

ской Федерации и связанный водными путями с Балтийским, Белым и Баренцевым, Каспийским и Черным морями. С начала войны этот регион приобретает также исключительно важное значение и как важнейшая нефтяная база СССР. Экономические районы Сибири, являвшиеся также крупнейшими по территории, находились в близости от промышленного Урала, Казахстана, имели благоприятные условия для размещения там большого количества предприятий. 70 процентов эвакуированных предприятий были размещены на Урале, в Западной Сибири, Средней Азии и Казахстане.

Наибольшее количество промышленных предприятий было переброшено на Урал, в районы Свердловской, Челябинской и Пермской областей. Кроме того, значительное количество предприятий в первый период войны было эвакуировано и в республики Северного Кавказа и Закавказья. В условиях войны и начавшейся эвакуации Кавказские республики приобретали важное стратегическое значение. Они являлись удобным железнодорожным узлом, соединявшим сами республики Кавказа между собой, а также были связаны морским сообщением с Астраханью и Средней Азией.

С середины июля 1941 года начинается размещение эвакуированных предприятий на Урале, в Западной и Восточной Сибири, несколько позже в Средней Азии и Казахстане. К середине 1942 года в этих районах удалось восстановить большинство предприятий, эвакуированных сюда в 1941 году.

Проведение эвакуации по отдельным экономическим районам как отмечалось выше зависело от обстановки на фронтах. К примеру, перемещение производительных сил из Белоруссии проходило в июле-августе 1941 г., а к середине сентября прак-

тически вся территория республики была оккупирована. С Украины эвакуация длилась около четырех месяцев - с июля до середины октября. А уже к ноябрю 1941 г. немецко-фашистские войска захватили значительную часть территории республики.

Примерно в это же время проходила эвакуация из Советских Прибалтийских республик. По отдельным областям РСФСР эвакуация проходила также в июле-ноябре 1941 года. Из Ленинграда и Ленинградской области вывоз населения и материальных ценностей начался в июле-сентябре 1941 г. Однако, в связи с начавшейся блокадой эвакуация значительно сократилась. Она возобновилась лишь в 1942 году и продолжалась до конца 1943 года. Из других районов РСФСР частичная эвакуация была осуществлена в июле-августе 1941 года, массовая же - в сентябре-ноябре того же года. На первом этапе войны осуществлялась эвакуация и из Москвы. Но во второй половине декабря демонтаж сократился, а вскоре после наступления советских войск, прекратился совсем. Как видим, эвакуацию пришлось осуществлять не только из Белоруссии, Украины, Прибалтийских республик и Молдавии, но и со значительной территории Российской Федерации. Вместе с тем следует иметь ввиду и следующее.

Если эвакуация 1941 года была проведена в больших масштабах, то вторая волна эвакуации, начавшаяся с мая 1942 г., проводилась в меньших размерах и с более ограниченной территории. В этот период эвакуация осуществлялась из Ворошиловградской, Ростовской, Сталинградской, Воронежской, Ленинградской областей, Керченского полуострова, Краснодарского и Ставропольского краев, Чечено-Ингушской, а также из не-

которых районов Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской и Дагестанской АССР.

В эти же годы, в промежутке между эвакуацией 1941 г. и 1942 г., был и небольшой период реэвакуации, то есть частичное возвращение предприятий на старые места. Реэвакуация осуществлялась главным образом в Московскую, Калининскую, Тульскую и другие области Российской Федерации. Она началась, в декабре 1941 года и продолжалась до лета 1942 года. Однако в период битвы под Сталинградом реэвакуацию пришлось временно приостановить.

Завершая кратко общую характеристику, связанную с процессом эвакуации следует обратить внимание на следующее. В течение июля-ноября 1941 года было эвакуировано более 1500 промышленных предприятий, в том числе 1360 крупных. Только за первые полгода войны с запада на восток, на десятки тысяч километров было перебазировано около 1,5 млн. вагонов с оборудованием, сырьем, топливом. Эвакуированные предприятия были размещены в районах Поволжья, Сибири, Урала, Средней Азии и Казахстана. Наибольшее количество предприятий перебросили на Урал - 667, в основном в Свердловскую, Челябинскую и Пермскую области, более трехсот предприятий в районы Сибири, примерно столько же в Среднюю Азию и Казахстан. Многие предприятия перебазировались в центральные районы РСФСР.³⁵⁹

Период эвакуации предприятий являлся наиболее трудным в условиях перестройки советской экономики. Вследствие того, что перебазирующиеся предприятия временно прекратили

³⁵⁹ История Великой Отечественной войны. Т.2, С. 248.

выпуск продукции, резко сократился в стране объем промышленного производства. Перебазирование вызвало колоссальную нагрузку на железнодорожный транспорт, который наряду с перевозкой эвакуированных заводов и фабрик обеспечивал своевременную перевозку воинских эшелонов, вооружения, боеприпасов, продовольствия и многое другое. Решением Государственного Комитета Обороны 4 июля 1941 года была создана специальная комиссия во главе с Н.А. Вознесенским, которой поручалось «выработать военно-хозяйственный план обеспечения страны, имея в виду использование ресурсов и предприятий, существующих на Волге, в Западной Сибири и на Урале, а также ресурсов и предприятий, вывозимых в указанные районы в порядке эвакуации. При выработке плана - отмечалось в этом решении, - учесть как основные предприятия, так и смежные с тем, чтобы можно было производить вполне комплексную продукцию».³⁶⁰

Предусматривалось оперативно пустить в ход 825 эвакуированных предприятий.³⁶¹ Военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. предусматривал скорейшее развертывание производственной базы в районах Поволжья, Урала, Сибири, Средней Азии и Казахстана путем перебазирования в эти районы промышленных предприятий Наркомбоеприпасов, Наркомвооружения, Наркомавиации и других наркоматов. В первую очередь эвакуации подлежали важнейшие промышленные ценности (оборудование, станки, машины), ценные сырьевые ресурсы и продовольствие (цветные металлы, горючее,

³⁶⁰ Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.3, С. 42.

³⁶¹ Эшелоны идут на восток... С. 131.

хлеб) и другие ценности. Квалифицированных рабочих, инженеров, служащих предусматривалось эвакуировать вместе с предприятиями.

Вместе с тем следует отметить, что в неблагоприятных условиях начального периода войны, не всегда удавалось выдержать намеченный порядок эвакуации. Крупные промышленные предприятия часто не удавалось вывозить в полном составе в одно и то же место. Но во всех случаях, когда оборудование демонтировалось с соблюдением очередности, восстановление производства на новом месте происходило более быстрыми темпами и с меньшими трудностями. Особенно важное значение имела комплектность и очередность при вывозе предприятий по частям в различные районы.

При выборе пунктов размещения промышленных предприятий учитывались экономические возможности тех или иных районов, способных не только принять у себя эти предприятия, но быстро наладить на них производство. С экономической точки зрения целесообразнее было эвакуировать целые предприятия в одно и то же место, их пуск в этом случае был бы значительно ускорен. Однако выдерживать это удавалось не всегда, приходилось в ряде случаев крупные промышленные предприятия расчленять и вывозить по частям в различные пункты. Это приводило к тому, что в тыловых районах приходилось одновременно размещать оборудование многих эвакуированных предприятий. С одной стороны это обстоятельство способствовало усилению производственных мощностей в этих районах, а с другой стороны наблюдалось временное уменьшение производственных мощностей на самих эвакуированных предприятиях.

Например, в начальный период войны оборудование 1-го Московского подшипникового завода было размещено в нескольких городах Поволжья, Западной Сибири. В Ульяновской и Челябинской областях были размещены цеха Московского автозавода. Это положение отрицательно сказывалось на производственных мощностях указанных предприятий. Кроме того, в начале войны при эвакуации промышленности допускались и ошибки. Например, в начале промышленность из одной части Украины вывозили в Полтаву, затем переправляли в глубокие тыловые районы. В первое время такие случаи были нередки. Были ошибки и другого рода. Так, опоздали эвакуировать машиностроительный завод «Красная Звезда» из Кировограда, ряд металлургических заводов Донецкой области, что привело к большим потерям.³⁶²

Несмотря на исключительные трудности того периода, Советским государством и его органами на местах принимались серьезные меры по быстрейшему вывозу из угрожаемых районов промышленных предприятий и других материальных ценностей.

В условиях неблагоприятно складывающейся для нас военной обстановки эвакуировать промышленные предприятия из прифронтовой полосы необходимо было в исключительно короткие сроки. Вместе с тем эвакуацию промышленности следовало проводить с таким расчетом, чтобы, с одной стороны возможно дольше продолжался выпуск продукции, а с другой, - успеть своевременно вывезти все оборудование. Много ярких примеров этой героической эпопеи сохранила история Отече-

³⁶² Эшелоны идут на восток. С.206.

ственной войны, они приведены во многих публикациях и в диссертациях. Процесс эвакуации промышленных предприятий и их восстановление на Востоке решил и еще одну важную задачу. Этот процесс сыграл довольно заметную роль на индустриальном развитии тех районов, куда эвакуировались крупные заводы и фабрики. Отмечая эту особенность один из руководителей СССР в те годы М.И. Калинин писал: «Наши восточные области, союзные и автономные республики пережили буквально промышленную революцию. С самого начала войны в них непрерывно вливалось эвакуированное заводское оборудование, приезжали тысячи новых рабочих и их семьи».³⁶³

Осуществленная в период Великой Отечественной войны эвакуация промышленности способствовала скорейшей перестройке всего народного хозяйства страны на военные рельсы, имела жизненно важное значение для военно-экономической победы советского народа. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, отмечал, что это была «ни с чем не сравнимая трудовая эпопея, без которой была бы абсолютно невозможной наша победа над сильнейшим врагом».³⁶⁴ Конечно, перестройка народного хозяйства на военный лад не сводилась только к тем вопросам, о которых шла речь выше. Она затронула также большой круг и других, вопросов, которые пришлось решать советскому государству с начала войны. Однако мы сочли необходимым остановиться именно на этих вопросам, т.к. их решение

³⁶³ Калинин М.И. Вопросы Советского строительства. Статьи и речи. М., 1956, с. 672.

³⁶⁴ Жуков Т.К. Подвиги тыла. Социалистическая индустрия. 1969. 13 ноября.

сыграло решающую роль в переломе ситуации в начальный период войны и в конечном итоге разгроме фашистской Германии.

В заключении необходимо выделить некоторые выводы.

В разделе показано, что начавшаяся новая мировая война, угроза которой витала в воздухе еще в конце 1930-х гг., заставила советское партийно-государственное руководство еще более ужесточить принципы социальной политики, способствовать стремительному перераспределению материальных фондов в сферу тяжелой промышленности и военного производства.

В разделе автор подчеркивает, что обладая огромными, по сути, безграничными и бесконтрольными полномочиями, правительство с первых дней войны сумело оперативно включить в решение поставленных задач значительные слои советского населения. Анализ мобилизационных мероприятий государственных органов власти на всех уровнях убедительно это подтверждает. Вместе с тем жесткая регламентация и перераспределение трудовых ресурсов в таких условиях превратились в фактор, непосредственно влиявший на социальное положение населения. Архивные материалы свидетельствуют о стремительном падении общего уровня жизни, особенно городского населения, не имевшего приусадебных участков. Повышение цен в период 1941-1945 гг., особенно на товары широкого потребления, сопровождалось падением физического объема произведенной продукции ниже довоенного уровня. По данным ЦСУ СССР, с 1940 г. по 1945 г. среднегодовой объем денежной массы в обращении вырос почти в три раза (с 23,9 млрд. руб. до 69,5 млрд. руб.). При этом розничный товароборот сократился почти в полтора раза, что говорит о снижении покупательской

способности населения. Прямой экономический ущерб, причиненный немецко-фашистской агрессией, составил не менее 679 млрд. руб. в ценах 1940 г. Это вдвое больше, чем было вложено в народное хозяйство за все довоенные пятилетки вместе взятые.

Если в довоенный период социальная политика партии и правительства казалась населению «чрезвычайной», то после начала войны жесткие меры власти воспринимались обществом как вполне оправданные. Чтобы обеспечить рабочими кадрами военную промышленность и связанные с ней отрасли, требовалось, во-первых, в срочном порядке перераспределить оставшиеся трудовые ресурсы, а с другой стороны, вовлечь новые слои населения в производство. В этих целях в конце июня 1941 г. при Совнаркомом СССР был образован специальный комитет по распределению рабочей силы. Были решены вопросы о режиме работы предприятий. В конце июня 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», по которому вводились обязательные сверхурочные работы и отменялись отпуска. Это позволило примерно на треть поднять загрузку производственных мощностей, не увеличивая численности рабочих и служащих. С конца июля 1941 г. правительство СССР в оборонных целях предоставило право местным органам власти при необходимости переводить рабочих и служащих на работу в другие предприятия, независимо от их ведомственной принадлежности. В результате, уже с июля 1941 г. до января 1942 г. за счет перевода с предприятий местных отраслей промышленности и мобилизации населения было направлено для работы в оборонную промышленность и на транспорт более 120 тыс. че-

людей. Кроме того, из числа военнообязанных непригодных к строевой службе формировались строительные батальоны и рабочие колонны. Только во второй половине 1941 г. в них было мобилизовано более 700 тыс. человек.

В разделе дана высокая оценка социально-экономическим мероприятиям власти, направленным на оперативное привлечение к производству новых трудовых ресурсов. В феврале 1942 г. был принят Указ Президиума Верховного совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и на строительстве», который допускал мобилизацию неработающих мужчин от 16 до 55 лет и женщин от 16 до 45 лет. Был принят также специальный Указ «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Самовольный уход приравнивался к дезертирству из армии. Автор отмечает, что благодаря этим мерам, удавалось сравнительно быстро решить вопросы обеспечения оборонных отраслей необходимым количеством рабочих кадров.

В разделе проведен анализ социальных последствий политики эвакуации промышленных предприятий с оккупированных территорий страны на Восток, при этом автор подчеркивает продуманность и слаженность проведения комплекса данных мероприятий. В конце июня 1941 г. Правительство СССР приняло специальное постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества», в котором указывалось, что в первую очередь следует эвакуировать промышленное оборудование, сырьевые и продовольственные ресурсы. Квалифицированных рабочих, инженеров и служащих

предписывалось эвакуировать вместе с предприятиями. Проведенный анализ показал, что люди с пониманием и доверием отнеслись к политике партии и правительства, проводимой в тылу, стремились своим трудом способствовать общей победе.

Один из основных выводов четвертого раздела состоит в том, что именно за счет энтузиазма широких слоев советских тружеников удалось не только обеспечить материально-технический базис победы над фашизмом, но и уже на заключительном этапе войны частично восполнить колоссальные потери национального дохода.

Раздел V. Социальная политика советского государства в условиях восстановления народного хозяйства

Победа в Великой Отечественной войне не только укрепила международное положение СССР, но привела к максимальной централизации управления советской экономикой. Методы власти, утвердившиеся в годы Великой Отечественной войны, были затем перенесены и на восстановление народного хозяйства, что особенно отчетливо проявилось в политике, проводимой по отношению к отдельным социальным группам. Именно в конце 1940-х годов произошло закрепление и углубление деформации в отношениях между государством и народом, городом и селом. Многие вынужденные и просто неприемлемые формы и методы управления в условиях военной обстановки заостенели в этот период настолько, что их долго не могли сломать все последующие преобразования. Проверенная войной система управления представлялась законченной, не требующей кардинальной переделки, поиски нового велись вяло.

Победа в великой Отечественной войне усилила способность системы к предельной мобилизации ресурсов. Победа над фашизмом и связанное с ней повышение международного престижа страны создали благоприятные предпосылки для трансляции идей социализма во всем мире. Преимущество социалистической системы было необходимо доказать быстрым преодолением разрухи, восстановлением эффективной экономики и государственных механизмов. В соответствии с этим, в первые послевоенные годы сложился политический курс, направленный на укрепление вертикали власти, реформу денеж-

ной системы, повышение уровня эксплуатации рабочего населения, при неизменной оплате труда и бытовых услуг.

История восстановления разрушенного войной хозяйства и уровня жизни российского народа в первое послевоенное десятилетие включает в себя много страниц и героических, и, по большому счету, трагических. В научной и публицистической литературе часто присутствуют две крайние оценки этого периода: безудержное восхваление достижений и безоговорочное осуждение их цены.³⁶⁵ При анализе реальных условий жизни населения исследователя подстерегает опасность склониться к крайним выводам. Для этого имеется две причины. Первая кроется в пренебрежении конкретно-историческим подходом, когда события послевоенного десятилетия анализируются только с позиций сегодняшнего дня, с точки зрения современного международного права и общечеловеческих ценностей. Тогда цена победы и достигнутых затем успехов в сфере материального производства оказывается действительно очень высокой.

Другая причина, также способствующая крайним выводам, в том, что борьба идей в социальной сфере всегда носит предельно острый характер. Поэтому оценка факторов, влияющих на социальное положение различных групп населения, неизбежно приобретает политический оттенок. И здесь можно склониться к точке зрения основателя современной политологии Н. Макиавелли, который утверждал, что история оправдывает любую политику, которая обеспечила порядок и расширила сферу

³⁶⁵ Гвоздев Б.И. Изменения в составе рабочего класса СССР в первые послевоенные годы (1945-1948 гг.) // Вестник МГУ. М. 1971. № 5; Гуревич А.Я. «Путь прямой, как Невский проспект», или исповедь историка // Одиссей. 1992.

влияния государства, ибо «судят за малые преступления, а за большие вознаграждают».³⁶⁶ Объективный анализ показывает, что оба этих подхода в данном случае являются неприемлемыми. При оценке факторов, влияющих на социальное положение населения, необходимо руководствоваться принципами историзма и объективности, учитывать субъективные факторы.

В послевоенные годы воля реальных носителей власти во многом определяла социальную действительность. Жизнедеятельность людей во всех сферах общественной жизни была строго регламентирована. Объективно оценивая мероприятия правящей элиты, следует признать, что тоталитарный тип управления в условиях второй половины 1940-х гг. обладал рядом преимуществ. Война в любом случае приводит к усилению централизации, административного начала, к единоначалию. Советский Союз вступил в войну, уже имея такую власть. Это в большей степени и облегчило и ускорило перевод экономики на военные рельсы, подчинение всей жизни одной цели: достижению победы над фашизмом. Обладая огромными, по сути, безграничными и бесконтрольными полномочиями, органы власти сумели оперативно включить в решение поставленных задач значительные слои населения.

Анализ мобилизационных мероприятий государственных органов власти на всех уровнях убедительно это подтверждает. Вместе с тем жесткая регламентация и перераспределение трудовых ресурсов в таких условиях превратились в фактор, непосредственно влиявший на социальное положение населения. Нельзя не признать, что в ряде случаев, несмотря на экс-

³⁶⁶ Макиавелли Н. Собр. соч. Т. 1. М. 1992. С. 134.

тремальные условия, правительственные органы достаточно гибко реагировали на нужды населения, принимая нужные решения и выделяя для этого ресурсы.³⁶⁷ Однако, с другой стороны, жесткая централизация в распределении имеющихся ресурсов сковывала инициативу местных органов власти, требовала обязательных согласований с вышестоящими структурами даже по мелким вопросам.

В послевоенный период характер власти не только сохранялся, но и окрепла вера в применяемые до этого меры как единственно правильные. Решение социальных проблем рассматривалось правительством как второстепенное по отношению к вопросам военно-хозяйственным. Тем не менее, к мобилизационному варианту развития можно отнестись с пониманием, не считая его историческим тупиком. Многие вынужденные особенности такого пути, связанные с социальными ограничениями в дальнейшем относительно легко преодолеваются с опорой на приобретенные технологические заделы. Однако и при этом, как отмечают исследователи, имеется грань, за которую переходить нельзя, ибо это чревато растратой ресурсов общества, что сводит, в конечном итоге, на нет заделы индустриального развития, а, следовательно, и данного варианта модернизации.³⁶⁸

В годы войны и первые годы после нее прочно закрепились методы и особенности, свойственные такому варианту преодоления технологической отсталости. Многие военные методы управления, решения социально-экономических проблем

³⁶⁷ См.: Зверев А.Г. Записки министра. М. 1973. С. 45.

³⁶⁸ Шалак А.В. Условия жизни населения Восточной Сибири (1940-1950 гг.). Дисс. д.и.н. Иркутск. 1999. С. 257.

затем были перенесены и на восстановление народного хозяйства. Вряд ли это можно объяснить только условиями войны и особенностями послевоенного пятилетия, ибо и до этого существующий политический режим был в гораздо большей степени ориентирован на решение стратегических, отчасти идеологизированных проектов, чем на конкретного человека или социальные группы с их нуждами и интересами. Но в наиболее жесткой форме это проявилось и, как нам представляется, закрепились именно во второй половине 40-х годов.

Советское производство послевоенных лет, унаследовавшее многие параметры военной экономики, отличалось не только прекрасной организацией и стабильностью управления, но и направленностью на решение общегосударственных задач, что было в достаточной мере отражено в работах советских историков.³⁶⁹ В послевоенный восстановительный период были оправданы значительные тенденции к централизации экономического управления. Во многом благодаря им, не зависимо от колоссальных материальных и людских потерь, разрухи и голода во второй половине 40-х годов у СССР сохранялись перспективы экономического противостояния с развитыми капиталистическими странами. За годы войны руководство страны приобрело опыт решения трудных, предельно сложных хозяйственных задач, выполнять их в кратчайшие сроки, при ограниченных ресурсах и возможностях. Эти навыки использовались в восстано-

³⁶⁹ Вылцан М.А. Восстановление и развитие материально-технической базы сельского хозяйства // Советская деревня в первые послевоенные годы. М. 1978; Гёоздев Б.И. Изменения в составе рабочего класса СССР в первые послевоенные годы (1945-1948 гг.) // Вестник МГУ. М. 1971. № 5.

вительный период, когда экономика СССР по объективным причинам находилась в глубоком кризисе.

Наиболее заметным проявлением экономического кризиса стала инфляция. Война привела к невиданному росту расходов на оборону и, естественно, что одним из способов покрытия этих расходов стала эмиссия. С начала войны по январь 1946 г. было выпущено в обращение 55,4 млрд. руб., т.е. денежная масса увеличилась по сравнению с предвоенным периодом в четыре раза. Высокий уровень цен на колхозных рынках и, соответственно, затрат городского населения на покупку продуктов привел к тому, что значительная часть выпущенных в военные годы денег перешла к сельскому населению. Однако в условиях товарного голода в стране усиливалась роль денег как средства сбережения. Об этом, в частности, свидетельствовал непрерывный и большой приток вкладов населения в сберегательные кассы.³⁷⁰ При этом стремительно падал общий уровень жизни, особенно городского населения, не имевшего приусадебных участков.

Повышение цен в период 1941-1945 гг., особенно на товары широкого потребления, сопровождалось падением физического объема произведенной продукции ниже довоенного уровня. По данным ЦСУ СССР, с 1940 г. по 1945 г. среднегодовой объем денежной массы в обращении вырос почти в три раза (с 23,9 млрд. руб. до 69,5 млрд. руб.). При этом розничный товарооборот сократился почти в полтора раза³⁷¹, что говорит о

³⁷⁰ За 1945 г. размер вкладов от населения определялся в 3,3 млрд. руб. См.: Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946-1953 гг. Тамбов. 2000. С. 68.

³⁷¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 95. Д. 78. Л. 61-64.

снижении покупательской способности населения. Прямой экономический ущерб, причиненный немецко-фашистской агрессией, составил не менее 679 млрд. руб. в ценах 1940 г. Это вдвое больше, чем было вложено в народное хозяйство за все довоенные пятилетки вместе взятые. Совокупный материальный ущерб, нанесенный войной РСФСР, составлял более трети общесоюзной суммы убытка.³⁷²

Мировая история не знает других подобных примеров военного ущерба, нанесенного какой-либо стране. О масштабе катастрофы свидетельствует тот факт, что на территории РСФСР было уничтожено почти 500 городов и рабочих поселков. 11 млн. человек остались без крова. В освобожденных районах действовало не более 13 % промышленных предприятий, что в большинстве случаев объяснялось нехваткой рабочей силы. Как известно, в городах, пострадавших от войны значительно сократилось количество населения. Так, например, в Сталинграде к моменту изгнания врага осталось 12,2 % жителей, а в Воронеже – 19,8 %.³⁷³ Предельная сложность экономической ситуации оправдывала экстренные, а порой и авторитарные, меры власти по восстановлению хозяйства.

Вполне очевидно, что Сталин стремился извлечь максимальную выгоду из сложившейся политической ситуации. Во второй половине 40-х годов апелляция к прошедшей войне и возможной будущей военной угрозе становится неотъемлемой

³⁷² В издании «Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков». (М. 1946. С. 430) сумма ущерба указана 249 млрд. руб., а в «Страна Советов за 50 лет: сборник статей и материалов» (М. 1967. С. 32) – 255 млрд. руб.

³⁷³ ГАРФ. А-374. Оп. 2. Д. 112. Л. 11.

частью большинства его выступлений. Например, в выступлении перед избирателями г. Москвы 9 февраля 1946 года, Сталин намекнул на всевозможные «случайности» подобного рода, от которых необходимо застраховаться быстрым промышленным ростом. Средства массовой информации активно внедряли в коллективное сознание представление о необходимости общенациональными усилиями и жертвами как можно скорее компенсировать расходы страны на войну. Так оправдывалась жесткая налоговая политика, ограбление людей посредством государственных займов, убытки граждан от денежной реформы.

Как метко заметил по данному поводу русский мыслитель-эмигрант И.Л. Солоневич, социалистическая система пыталась «создать психологию бойца, которому безразлично, что он ест, во что он закутан, где он спит, бойца, который давно забыл, что у него есть дом, семья, жена, дети и который одержим только одним порывом: сложить свою героическую ударную голову на штурме твердыни тяжелого машиностроения. Это - психология войны. Войны - за мировую революцию в СССР».³⁷⁴ Таким образом, низкая оплата труда в СССР и тяжелые материальные условия жизни - это не только плата за нарушение экономических законов, в частности, принципа материальной заинтересованности производителя, но это еще и особая правительственная политика. Действительно, отчасти государству было выгодно тяжелое материальное положение граждан, поскольку общество, занятое только выживанием не способно мыслить еще о чем-либо. Однако там, где низкий уровень потребления является нормой для большинства населения, там производство также

³⁷⁴ Солоневич И.Л. Собр. соч. М. 1993. С. 241.

испытывает застой, хотя отдельные его отрасли интенсивно развивались.

Обретение СССР статуса «сверхдержавы» не могло не оказать влияния на уровень жизни населения и экономику советского государства. С окончанием Великой Отечественной войны все функционирование общественного организма связано с осознанием новой геополитической роли Советского Союза в общемировом устройстве. Более того, планы руководства партии и, прежде всего, лично Сталина, концентрировались вокруг расширения советского влияния, экспансии большевистской гегемонии на Восток и Запад. Эти цели требовали серьезного экономического обновления и корректировки идеологической концепции, пропагандируемой режимом с учетом новых исторических условий.

В этой связи возникла задача обеспечить экономический рост и частично покрыть расходы на войну за счет энтузиазма широких слоев советских тружеников. Общие расходы на войну и связанные с этим потери национального дохода были определены еще в конце 40-х годов. Они исчислялись ЦСУ СССР в размере 1890 млрд. рублей. Кроме того, потери доходов населения, государственных и кооперативных предприятий в период перехода от войны к миру и расходы на содержание армии оценивались 501 млрд. рублей. Долгое время сказывались потери национального дохода в результате демографических изменений, порожденных войной. Они исчисляются суммой 1664 млрд. рублей. Таким образом, с учетом прямых и косвенных потерь,

общий экономический ущерб СССР в 1941-1947 гг. составил 4734 млрд. рублей в ценах 1940 г.³⁷⁵

Своеобразие экономической политики власти первых послевоенных лет было обусловлено особенностями ведения хозяйства и финансов в годы войны. По своему использованию национальный доход, как известно, делится на две основных категории: «потребление» и «накопление». По данным ЦСУ СССР, за три первых года войны доля потребления в национальном доходе увеличивается с 80 % до 99 %. Соответственно, доля накопления сокращается с 20 % до 1 %.³⁷⁶

Как показали исследования Н.С. Симонова, по отношению к накоплению показатель 1943 г. являлся самым низким за всю историю советской экономики.³⁷⁷ В условиях сокращения объема национального дохода и той его части, которая направлялась на накопление, процесс создания военной продукции, происходил преимущественно за счет сокращения размеров потребления необходимого общественного продукта. Таким образом, основной пострадавшей стороной оказалось население тыла. Однако в 1941-1945 гг. у власти не было оснований опа-

³⁷⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 96. Д. 278. Л. 1; Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М.: Госполитиздат. 1948; Симонов Н.С. Создание в СССР военной промышленности и формирование советского военно-промышленного комплекса (1920-1950 гг.). Проблемы экономического роста, структура, организация производства, управление. М. 1996.

³⁷⁶ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 95. Д. 168. Л. 140.

³⁷⁷ Симонов Н.С. Создание в СССР военной промышленности и формирование советского военно-промышленного комплекса (1920-1950 гг.). Проблемы экономического роста, структура, организация производства, управление. Дисс. д.и.н. М. 1999.

саться народного недовольства, вызванного низким уровнем жизни. Большинство воспринимало происходящее, как экономическую необходимость. Своего апогея перераспределение финансов в пользу армии достигло к 1943 году. Тогда военные расходы СССР составили около 150 млрд. руб. или 36 % национального дохода. С учетом строительства и реконструкции военных заводов общая сумма всех затрат равнялась 220 млрд. руб. или 52,5 % от величины национального дохода того времени.³⁷⁸ Важным источником покрытия военных затрат являлось повышение цен на товары широкого потребления государственной розничной торговли. Например, в 1943 году оно составило не менее 30 млрд. руб.³⁷⁹ Уже тогда в правительстве поднимались вопросы о методах проведения послевоенной денежной реформы, способной стабилизировать финансовую обстановку.

Проведения денежной реформы требовала сама экономическая действительность, например, необходимость ликвидации карточной системы и множественности цен. На товары, отпускаемые по карточкам, действовали низкие пайковые цены, высокие коммерческие цены устанавливались в государственных коммерческих магазинах, ресторанах, действующих в крупных городах. Свои цены были на колхозных рынках. Государство искусственно (по причине низких заработков рабочих и служащих) удерживало пайковые цены в годы войны на одном невысоком уровне. Это помогало избежать резкого социального взрыва в годы, когда решалась судьба страны и самой советской власти. Вместе с тем, повышение цен на некоторые това-

³⁷⁸ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 94. Д. 115. Л. 49.

³⁷⁹ Там же.

ры (водку, табак, парфюмерию и др.), а также организация с середины 1944 г. коммерческой торговли дали казне за годы войны дополнительно около 172 млрд. руб.³⁸⁰

Министр финансов А.Г. Зверев не был противником торговли по повышенным ценам, он только не хотел терпеть конкуренцию в этом деле со стороны частного товаропроизводителя. Понятна его обеспокоенность тем, что торговля на колхозных рынках обогащает не государство, а частного, «увеличивает его реальное богатство». Рост рыночных доходов населения, по признанию финансовых органов, ослаблял значение денежной заработной платы и денежных доходов колхозников по трудодням. Таким образом, экономическая проблема приобретала для правительства нежелательный политический аспект. Помимо этого, сохранение неизменных пайковых цен не позволяло правительству «играть на понижение цен», т.е. искусственно сбивать цены колхозной торговли за счет регулярных ежегодных снижений государственных цен на продукты и промтовары.

Не менее важной задачей государственных органов являлось установление такого уровня единых цен открытой торговли, при котором обеспечивалось необходимое правительству соотношение между текущими денежными доходами населения и объемом розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли. Ведь только таким путем можно было контролировать материальное положение, доходы и расходы населения, т.е. полностью владеть ситуацией в сфере социальной политики.

³⁸⁰ Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946-1953 гг. Тамбов. 2000. С. 26.

Следует выделить еще один фактор: к решительным экономическим действиям подталкивали массовые настроения и ожидания. После окончания войны люди не могли уже мириться с бытовой неустроенностью. Реформа должна была совпасть с отменой карточной системы. По официальной версии из-за летней засухи 1946 г. оба мероприятия перенесли на 1947 г. Населению о готовящемся преобразовании сообщила газета «Правда»: «В связи с засухой в ряде областей СССР и сокращением государственных запасов продовольствия Президиум Верховного Совета СССР постановил удовлетворить ходатайство Совета Министров СССР о перенесении отмены карточной системы с 1946 г. на 1947 г.».³⁸¹

Официальная комиссия по денежной реформе была создана решением Политбюро ЦК 27 мая 1947 г., когда принципиальные вопросы о характере реформы, времени ее проведения были решены лично Сталиным. Для подготовки проекта и подготовительных материалов были задействованы всего несколько человек из правительственного аппарата, что должно было гарантировать абсолютную секретность подготовки реформы. В состав комиссии, созданной в мае 1947 г., входили: В.М. Молотов, Н.А. Вознесенский, А.А. Жданов, А.И. Микоян, Г.М. Маленков, А.Н. Косыгин и лично министр финансов А.Г. Зверев.

Предстоящая денежная реформа была продуманна правительством и министерством финансов до мелочей, однако большая часть населения страны материально и психологически была не готова к отмене карточек, а тем более к обмену де-

³⁸¹ Правда. 1946. 29 августа.

нег.³⁸² Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» было неожиданным для народа. В обществе сохранялась надежда на пайковое снабжение до преодоления дефицита. Благодаря централизованному распределению хлеба людям удалось пережить рост цен на продовольствие в 1946-1947 гг. Урожай 1947 г. наполнил рынки основными продуктами питания, однако связанное с этим понижение цен было непродолжительным. Как и всегда в таких случаях, скачки цен создавали атмосферу нестабильности. В конце 1947 г. и начале 1948 г. в продажу поступило больше хлеба и других продуктов питания, но этих товаров было недостаточно, чтобы удовлетворить потребности горожан, а тем более сельских жителей, поскольку на селе хлеб продавали по спискам по 200-500 г. в руки. Ожидания лучшей жизни и отмены карточек причудливым образом сочетались с боязнью потерять паек, как последнюю надежду на выживание.

Представляет интерес вопрос о сочетании проекта денежной реформы и её практической реализации. В своих мемуарах А.Г. Зверев сообщает, что еще в годы войны И.В. Сталин интересовался мнением министра финансов о характере предстоящей после войны денежной реформы. Уже тогда Сталин сформулировал ряд директив, которые должны были определять финансовую политику СССР после войны. Во-первых, следовало восстановить довоенную прочность финансовой базы. Во-вторых, финансовую систему следовало организовать таким образом, чтобы она была способна обслуживать неизбежный

³⁸² Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М. 1999.

рост общих расходов после войны и ежегодное увеличение госбюджета. В-третьих, население страны, на которое падало основное бремя возросших расходов, должно было быть уверено в том, что принесенные им в ходе восстановления народного хозяйства жертвы - последние.³⁸³ Последнее требование Сталина - характерный штрих для оценки мировоззрения советского вождя, который, чтобы сделать свою политику более эффективной, нуждался в постоянном одобрении этой политики со стороны населения.

Действительно, руководство страны стремилось максимизировать государственную выгоду от проводимой реформы, поэтому пострадавшей стороной оказалось население. Подобный вывод можно сделать уже на основе анализа текста и подтекста постановления от 14 декабря 1947 г., в котором исторически обосновывалась экономическая и политическая необходимость данной меры. Должно было настораживать уже то, что постановление подчеркивало будто «в СССР ликвидация последствий войны и денежная реформа проводятся не за счет народа», сулило большие материальные выгоды городскому и сельскому населению.³⁸⁴ Здесь же перечислялись заслуги советского руководства: «Количество занятых рабочих и служащих у нас не сокращается. У нас нет и не будет безработицы. Размеры заработной платы рабочих и служащих не только не снижаются, а наоборот, увеличиваются, ибо в несколько раз снижаются коммерческие цены, а на хлеб и крупу снижаются и пайковые цены, что означает повышение реальной заработной платы рабочих и

³⁸³ Зверев А.Г. Записки министра. М. 1973. С. 231-233.

³⁸⁴ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. В 4-х т. Т. 3. 1946-1952 гг. М. 1958. С. 254.

служащих. Все же при проведении денежной реформы требуются известные жертвы. Большую часть жертв государство берет на себя. Но надо, чтобы часть жертв, приняло на себя и население, тем более что это будет последняя жертва».³⁸⁵

Основная сущность реформы заключалась в том, что с 16 по 22 декабря вся денежная наличность, находившаяся у населения, государственных, кооперативных и общественных предприятий, организаций и учреждений, а также колхозов, была обменена, за исключением разменной монеты, на новые деньги 1947 г. по соотношению 10:1. Всего было обменено старых денег 37,2 млрд. рублей. Из них через городские выплатные пункты 14,6 млрд. руб., через сельские – 13,2 млрд. руб. и 9 млрд. руб. - через выручку торговых учреждений и организаций.³⁸⁶

В.Ф. Зима исследовал, какую реакцию в обществе и среде власть имущих вызвало постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 14 декабря 1947 г. Опираясь на архивные материалы, он показал, что многие руководящие лица, получив секретный пакет с постановлением, вскрывали его раньше указанного срока. Пускались сдавать деньги задним числом, делали фальшивые ведомости, книжки на всю родню. В прокуратуре фиксировались случаи, когда областные руководители везли деньги прямо в банки. Работники торговли и теневые дельцы, сколотившие на голоде крупные капиталы, имели связи с партийными работниками и были заранее предупреждены о предстоящем обмене. Многие из них стремились вложить деньги в товар, через подставных лиц заводили несколько новых сбер-

³⁸⁵ Там же. С. 254-256.

³⁸⁶ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М.: Росспэн. 2001. С. 107.

книжек. По фактам нарушений велось следствие, хотя, как отмечает Зима, виновным давали не более 10 лет.³⁸⁷

Реформа 1947 года – центральное экономическое событие в жизни страны, оказавшее колоссальное влияние на уровень жизни населения второй половины 40-х годов. Прежде всего, она повысила роль государства в экономической жизни страны, поскольку в результате произошло уменьшение роли рыночных доходов не только городского, но и сельского населения. В соответствии с этим выросло значение заработной платы и других доходов, получаемых населением от государства. В этом вопросе существовал и психологический аспект. Монопольное владение правом распределять доходы населения, позволило власти сформировать представления о значимости и незаменимости системы. Именно таким, как представляется, и был замысел И.В. Сталина.

Исследования А.А. Данилова и А.В. Пыжикова показали, что реформа значительно снизила уровень народного потребления.³⁸⁸ В течение года товары придерживались, а после обмена денег их выбросили на рынок, но уже по новым ценам. Сработал эффект показного «изобилия» за счет снижения покупательной способности населения. Еще за месяц до 14 декабря 1947 г. были разбронированы товары из государственных резервов на сумму 1,7 млрд. рублей. Они предназначались для торговли после отмены карточек в городах (1,1 млрд. руб.) и в

³⁸⁷ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946-1947 гг.: происхождение и последствия. М. 1996.

³⁸⁸ См.: Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М.: Росспэн. 2001. С. 108.

сельской местности (0,6 млрд. руб.).³⁸⁹ Тот факт, что «рекламная» городская торговля почти вдвое превышала сельскую, далеко не случаен. Политические настроения городских жителей значительно больше интересовали власть. Недовольство деревенских жителей экономической политикой государства как правило игнорировалось. По сути, в этом и заключалась основная особенность сталинской социальной стратегии.

Таким образом, можно утверждать, что денежная реформа привела к изъятию значительных денежных средств у населения, а также у кооперативных организаций и колхозов. В целом она была направлена против частных сельских товаропроизводителей, в которых государство увидело серьезную угрозу своему монопольному положению на внутреннем рынке. Война способствовала колоссальному росту рыночных цен, которые достигли своего максимума в 1943 г. В мае 1943 г. цены на городских колхозных рынках превысили довоенный уровень в 17 раз, в ноябре 1945 г. в 4 раза. Миллиарды рублей, полученные гражданами от рыночной торговли, при сократившемся за годы войны государственном (и кооперативном) розничном товарообороте, представляли, как считало правительство, серьезную угрозу и «затрудняли переход к открытой торговле по единым ценам и упорядочение на этой основе денежного обращения».³⁹⁰

Дело еще и в том, что советское государство признавало рыночные доходы населения спекулятивными, считая, видимо, что в СССР только доходы, полученные от работы в государст-

³⁸⁹ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946-1947 гг.: происхождение и последствия. Диссер. д.и.н. М. 1996.

³⁹⁰ См.: Зверев А.Г. Записки министра. М. 1973. С. 246.

венных и колхозно-кооперативных организациях, могут считаться законными. Именно эта идеологическая подоплека позволяла правительству осуществить реформу как конфискацию «неофициальных» доходов населения. В январе 1948 г. Зверев представил Сталину доклад об итогах денежной реформы 1947 г., с которым ознакомились члены и кандидаты в члены Политбюро ЦК. В докладе констатировалось, что задачи, поставленные при проведении денежной реформы, разрешены. «Реформа позволила ликвидировать последствия войны в области денежного обращения, - сообщал министр, - излишние деньги изъяты из обращения. Ликвидированы крупные накопления, образовавшиеся у отдельных групп населения в результате высоких рыночных цен, а также спекуляция. Сокращен государственный долг и уменьшены связанные с ним расходы государственного бюджета».

Последствием реформы стало не только резкое падение жизненного уровня населения Советского Союза, но также существенное разочарование народа в социальной политике правительства. Свидетельством определенного недоверия людей к финансовой политике государства служит тот факт, что после реформы крупные денежные накопления населения, особенно в сельской местности, находились преимущественно на руках. Особенно болезненно обмен наличных денег сказывался на материальном положении низкооплачиваемых категорий трудящихся. В то же время, денежная реформа принесла известные выгоды вкладчикам сберегательных касс. Вклады размером до 3 тыс. руб. включительно оставались без изменения, то есть переоценивались рубль за рубль, а свыше 3 тыс. руб. до 10 тыс. переоценивались: за 3 руб. старых денег - 2

переоценивались: за 3 руб. старых денег - 2 руб. новых³⁹¹. Если размер вклада превышал 10 тыс. руб., то действовало соотношение 2:1. Переоценка вкладов населения принесла дополнительный доход казне в 3,6 млрд. руб.³⁹²

После победы в войне И.В. Сталин стремился как можно скорее ликвидировать карточную систему, которая создавала весьма неблагоприятные для власти настроения в обществе. Вопрос об отмене карточек рассматривался в правительстве параллельно с подготовкой денежной реформы. В мае 1946 г. решением Политбюро была создана специальная комиссия в составе А.И. Микояна (председатель), Н.А. Вознесенского, А.Н. Косыгина, А. Любимова, А.Г. Зверева, Н.С. Хрущева. Из этих шести человек трое – Микоян, Вознесенский, Косыгин – входили также в комиссию по денежной реформе, созданную годом позже, что делало возможным координацию действий обеих комиссий на заключительном этапе с лета 1947 года. Длительность подготовки двух финансово-экономических мероприятий власти должна была гарантировать максимальную выгоду государству.

Сразу после отмены карточек и денежной реформы был осуществлен переход к открытой торговле, сопровождавшейся установлением единых государственных розничных цен. Пайковые цены были повышены в среднем в 3 раза и, таким образом,

³⁹¹ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. В 4-х т. Т. 3. 1946-1952 гг. М. 1958. С. 259.

³⁹² Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946-1953 гг. Тамбов. 2000. С. 90.

приблизилась к коммерческим. Вопреки ожиданиям населения высокие розничные цены на промтовары в городах и сельской местности были сохранены. Таким образом, реформа была направлена на решение государственных, а не социальных задач. Не случайно поэтому, психологический подтекст при ее проведении должен был превалировать над экономической стороной вопроса. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в переписке министра финансов СССР А.Г. Зверева с И.В. Сталиным. В докладе на имя председателя Совета Министров Зверев рекомендовал выпуск новых денег вплотную приблизить к моменту отмены карточек. Это, по его мнению, должно было укрепить престиж новых купюр. В этой же записке министр финансов прямо отметил, что «широкие слои трудящихся» понесут потери, связанные с обменом.³⁹³ Недовольство населения не могло остановить И.В. Сталина, который был абсолютно уверен в прочности государственной системы.

Если применительно ко второй половине 40-х годов можно говорить об абсолютной стабильности советской политической системы, то в экономике государства еще сохранялись значительные трудности. В 1945 г. чугуна выплавлялось 59 %, стали и проката производилось 66 % и 65 %, нефти было добыто 62 % по сравнению с 1940 г. Тракторов, комбайнов, паровозов, автомобилей изготовлялось в 2-5 раз меньше, чем в последний год мирной жизни.³⁹⁴ Сложившуюся ситуацию можно объяснить не только колоссальным материальным ущербом и военными затратами 1941-1945 гг., но и нарушением экономических связей,

³⁹³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 3622. Л. 78-83.

³⁹⁴ Народное хозяйство СССР. Статистический сборник. М. 1956. С. 66-68.

затруднявшим управление хозяйством. Во второй половине 40-х гг. в ряде «внутренних» регионов страны продолжали функционировать предприятия, прибывшие из прифронтовых районов в годы войны. Эвакуированные рабочие порой оставались прикованными к новым трудовым местам вплоть до конца 40-х годов. Большинство из них стремилось вернуться в свои регионы, однако для этого требовалось специальное разрешение руководства.

В тяжелейших условиях преодоления разрухи были оправданы самые разнообразные экономические меры, вплоть до использования труда немецких военнопленных. Длительность их пребывания в стране как раз и объясняется экономической ситуацией, прежде всего нехваткой рабочей силы. Конечно, труд бывших солдат и офицеров Вермахта не мог даже приблизительно компенсировать потери в годы войны, однако не учитывать столь значительное число людей этой категории в восстановительном процессе на народно-хозяйственных объектах нельзя. Общий вклад военнопленных в возрождение промышленности за 1943-1949 гг. исчислялся 50 млрд. руб. Из них 38 млрд. приходилось на долю немцев.³⁹⁵ Солдаты и офицеры Вермахта привнесли в отечественное производство в ряде отраслей новые навыки, методы и технологии, употреблявшиеся в Германии 30-40-х годов. Производственный опыт передовой в техническом отношении страны Европы оказался полезен в период восстановления экономики. Однако для использования

³⁹⁵ Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда. 1996. С. 153.

бесплатного труда бывших врагов было необходимо идеологического обоснование.

Такое обоснование прозвучало на самом высшем государственном уровне осенью 1945 года. Впрочем, еще в годы войны 23 февраля 1942 года в приказе № 55 И.В. Сталин отметил следующее: «Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается».³⁹⁶ Система лагерей для военнопленных начала создаваться еще в годы войны, но окончательно сложилась к 1946 году. Труд немецких солдат и офицеров в первую очередь использовался на погрузочно-разгрузочных работах, лесозаготовках, торфодобыче и возведении железных дорог. Наиболее квалифицированные специалисты привлекались к восстановлению и реконструкции промышленных объектов. Не оплачиваемый, либо низко оплачиваемый труд – одна из особенностей тоталитарных экономических систем. Он был характерен не только для немецких военнопленных и заключенных советских лагерей. Широкие слои трудящихся в СССР также не получали заработную плату в полном объеме, поскольку материальные средства перераспределялись на нужды индустриальной модернизации страны.

Едва ли не основной причиной низкого уровня жизни людей являлся государственный приоритет промышленной группы «А» (средства производства для тяжелой индустрии) над группой «Б» (средства производства для легкой промышленности). Экономическое благосостояние общества в послевоенный пе-

³⁹⁶ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. 1948. С. 46.

риод было напрямую связано с формированием этой пропорции. На уровне Политбюро первые попытки переосмысления народнохозяйственного строительства предпринимались еще в середине 30-х годов.³⁹⁷ Как это часто случалось в советской действительности, замыслы преобразований в тот период обуславливались не заботой о материальном благополучии общества, а отстаиванием своих позиций во внутрипартийной жизни.

В послевоенные годы незначительное смещение акцентов в промышленном развитии объясняется несколькими причинами. Прежде всего, власть стремилась показать, что забота о людях является ее приоритетной задачей, именно с этой целью любые подвижки в сторону развития легкой промышленности и производства товаров народного потребления отражались в центральной прессе. Кроме этого, высокий уровень жизни социалистического общества надо было показать на международном уровне. К числу субъективных причин преобразований в важнейших секторах экономики можно отнести качественные перемены в сознании некоторых представителей политической элиты страны, осознавших неприемлемость довоенных стандартов в развитии хозяйства.

Еще одной причиной, косвенно побудившей правительство сместить акценты с промышленной группы «А» на группу «Б», являлся низкий уровень общественного потребления. После окончания войны отношение людей к бытовому неустройству резко изменилось. Уже осенью 1945 года отсутствие необходимых товаров и плохие жилищные условия стали главной причиной волнений рабочих на заводах Урала и Сибири, производ-

³⁹⁷ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М. 1996.

ственные коллективы которых состояли преимущественно из эвакуированных. Комиссия ЦК ВКП (б), изучившая материальное положение трудящихся танкового завода в городе Омске пришла к следующему выводу: «Рабочие и их семьи испытывают исключительно острую нужду в одежде, обуви и белье. За 1945 на одного работающего в среднем выдано готовых швейных изделий – 0,38 штуки и обуви 0,7 штук. Некоторые рабочие обносились до того, что не могут показаться в общественном месте».³⁹⁸ Люди, пережившие войну, уже не боялись письменно выражать свое недовольство в официальные государственные инстанции. Только в декабре 1946 года Министерство государственной безопасности СССР зарегистрировало в Воронежской и Сталинградской областях 7891 письмо (4616 – в Воронежской и 3275 – в Сталинградской), в которых описывалось тяжелое продовольственное и материальное положение населения.³⁹⁹ Широко распространенные в обществе настроения отразили строки из письма Н.М. Емельянова: «Ну вот и дожили. Это называется забота о материальных нуждах трудящихся в четвертую сталинскую пятилетку. Теперь понятно нам, почему по этому вопросу собрания не проводят. Бунты будут, восстания и рабочие скажут: «За что воевали?»».⁴⁰⁰ Последний довод часто оказывался определяющим в социальных ожиданиях второй половины 40-х годов и власти не могли этого не учитывать.

³⁹⁸ ГАРФ. Ф. 117. Д. 530. Л. 37-38.

³⁹⁹ Хрестоматия по Отечественной истории (1946-1995). М. 1996. С. 8.

⁴⁰⁰ Из суждений советских людей о послевоенных проблемах и о жизни в СССР // История Отечества в документах. 1945-1993. М. 1995. С. 17.

В своем программном выступлении перед избирателями г. Москвы, опубликованном в «Правде» за 11 февраля 1946 года, Сталин вынужден был отметить, что повышение материального уровня жизни народа является приоритетной задачей партии на современном этапе. Достигнуть этой цели предполагалось через развертывание производства товаров народного потребления и развития всех отраслей легкой промышленности.⁴⁰¹ Бурными аплодисментами слушателей было встречено заявление о необходимости поднять в перспективе уровень отечественной промышленности втрое по сравнению с довоенным. В соответствии с поставленной вождем задачей, пятилетний план, принятый по докладу председателя Госплана СССР Н. Вознесенского, предусматривал восстановление довоенного уровня производства уже в 1948 году. К концу пятилетки планировалось его превышение на 48 %. Высокие темпы предполагаемого промышленного роста должны были укрепить позиции СССР в экономическом противостоянии с развитыми мировыми державами, значительно меньше пострадавшими от войны. Пропорции в развитии отраслей промышленности групп «А» и «Б» отразили выбор власти между внешнеполитическим престижем страны и задачами внутреннего развития.

Во время беседы членов Политбюро ЦК ВКП (б) с ведущими экономистами Сталин отметил, что «производство на душу населения – это основная мерка экономической мощи страны... Надо сравнивать наше производство на душу населения с современными цифрами капиталистических стран». Интересно понять, насколько это заявление Председателя Совета Мини-

⁴⁰¹ Правда. 1946. 11 февраля.

стров СССР соответствовало его истинным замыслам и возможностям страны.

Власти рассчитывали, что некоторое повышение выпуска гражданской продукции в послевоенный период будет связано с сокращением роста военной промышленности. Однако, в 1944-1946 гг. военная продукция сократилась на 59,5 млрд. руб., а гражданская за эти годы возросла на 21,3 млрд. руб. Серьезные отставания, обусловленные объективными причинами, наметились в важнейших областях народного хозяйства. В 1946 году значительно замедлился рост угольной и топливной промышленности, произошли задержки в развитии железнодорожного транспорта.⁴⁰² Государственная необходимость поднимать базовые сферы производства привела, соответственно, к замедленным темпам выпуска товаров народного потребления, однако, как и утверждалось в докладе Сталина, власть стремилась по возможности удовлетворять насущные потребности населения в товарах. Например, если в 1945 году производство предметов потребления оценивалось в 31 млрд. р., что составляло 58 % от уровня 1940 г., то в 1946 году их выпуск составил 65 % от уровня 1940 г.

Подобные тенденции свидетельствовали о постепенном вытеснении военных стандартов в экономической и общественной жизни новыми параметрами мирного времени. Демилитаризация массового сознания не только опережала, но и часто становилась причиной появления правительственных постановлений, незначительно раскрепощавших советскую систему. В марте 1947 г. прекратил свое действие один из «военных» ука-

⁴⁰² Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946-1953 гг. Тамбов. 2000. С. 123.

зов от 26 декабря 1941 г.⁴⁰³, предусматривавший ответственность рабочих за самовольный уход с предприятий в ряде отраслей промышленности. В мае 1948 года было отменено военное положение на железнодорожном и водном транспорте, где до этого действовали особые судебные органы. Таким образом, именно в послевоенный период наиболее выпукло проявлялись противоречия между советской системой и обновившимся в войне сознанием масс. В этих условиях, когда власти начали опасаться любых инициатив «снизу», задержки и просчеты в экономическом развитии оказались неизбежны.

Значительная часть трудящихся получала зарплату в размере недостаточном для оплаты стоимости нормированного питания и жилья. Средние ее размеры составляли 200 рублей. По подсчетам В.Ф. Зимы, только расходы на 2-х и 3-х разовое питание в столовой, включая стоимость хлеба, оплату общежития, спецодежды, бани у молодого рабочего-одиночки составляли 250 руб. в месяц. В 1946 г. низкие заработки болезненнее сказывались на бюджете рабочего, чем в предыдущие военные годы. В войну, получая натуральные поощрения хлебом, водкой, табаком и проч., рабочие использовали их не столько для личного потребления, сколько для реализации на рынке с целью приобретения необходимых продуктов. Обеспечение трудящихся продуктами питания начало ухудшаться в 1945 г., когда пре-

⁴⁰³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих военной промышленности за самовольный уход с предприятий» предусматривал наказание лишением свободы сроком от 5 до 8 лет.

кратились натуральные поощрения.⁴⁰⁴ Положение существенно осложнилось в связи с засухой в зерновых районах и невыполнением плана хлебозаготовок. Нежелание правительства расставаться с запасами зерна усилили и без того строгий государственный режим экономии хлеба. К началу 1947 г. на снабжении хлебом оставалось на 1/4 населения меньше, чем в конце войны, а сельского населения - в 4 раза меньше. Таким образом, государство отказывало в хлебе примерно 28 млн. человек.

Уровень жизни людей во многом зависел от темпов проведения послевоенной конверсии. В начале 1945 г., ввиду приближающегося окончания военных действий, советское правительство стабилизировало военные расходы на уровне 1944 г., предполагая направить прирост национального дохода на увеличение накопления и потребления. Объем накопления, по сравнению с предыдущим годом, предполагалось увеличить на 37 %, а объем потребления на 19 %. Прирост национального дохода, по плану, обеспечивался увеличением валовой продукции «гражданской» промышленности на 19 % и сокращением производства военной продукции почти в полтора раза.

Через 3 недели после капитуляции Германии, 26 мая 1945 г., Государственный Комитет Обороны СССР принял постановление «О мероприятиях по перестройке промышленности в связи с сокращением производства вооружений». В 3-м квартале 1945 г. выпуск валовой продукции всей промышленности должен был составить 28,6 млрд. руб. При этом предполагалось выпустить гражданской продукции в размере 17,1 млрд.

⁴⁰⁴ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946-1947 гг.: происхождения и последствия. М. 1996.

руб., а военной - 11,5 млрд. руб.⁴⁰⁵ В дальнейшем предполагалось еще больше увеличить эту пропорцию в пользу гражданских товаров. Постановление ГКО СССР определило изменения в системе правления военной промышленности. Были упразднены наркоматы боеприпасов, минометного вооружения и танковой промышленности. Патронные, трубочные и снарядные заводы перешли в ведение Наркомата сельскохозяйственного машиностроения. Танковые и дизельные заводы были переданы в структуру Наркомата транспортного машиностроения.

Переход от войны к миру требовал перераспределения трудовых ресурсов с военных объектов на гражданские. Несмотря на стремление руководства достичь этой цели в кратчайшие сроки, задержки были неизбежны. В результате сокращения объемов производства военной продукции и передачи части предприятий в ведение гражданских министерств общая численность рабочих и служащих предприятий наркоматов вооружения, авиационной и судостроительной промышленности сократилась с 1265 тыс. человек (по состоянию на январь 1944 г.) до 1135 тыс. человек (по состоянию на январь 1946 г.). Перестройка работы промышленных предприятий на условия мирного времени обусловила падение производительности труда и сокращение объемов производства, особенно на «кадровых» заводах военно-промышленных министерств. Председатель Госплана СССР Н. Вознесенский вынужден был признать, что сокращение военной промышленности повлекло за собой общий спад производства. Если в 1945 г. валовая продукция всей

⁴⁰⁵ РГАЭ. Ф. 8899. Оп. 1. Д. 1015. Л. 97.

промышленности страны составляла 127 млрд. руб., то в 1946 г. – 106 млрд. руб.⁴⁰⁶

Как показали исследования Н.С. Симонова, восполнить сокращение производств военной продукции увеличением производства гражданской продукции предприятия наркоматов оборонной промышленности не смогли. Значительные материальные ценности в виде не установленного оборудования, запасов сырья и материалов, предназначавшихся для производств военной продукции стоимостью 5 млрд. руб., остались без употребления.⁴⁰⁷

Руководство страны понимало, что выход из экономического кризиса зависел от темпов перестройки военно-промышленного комплекса. В январе 1946 г. Госплан СССР представил на рассмотрение Совета Министров СССР проект постановления о специализации предприятий военно-промышленных министерств на послевоенный период. В 1946 г. производство военной продукции министерствами вооружения, авиационной промышленности, транспортного и сельскохозяйственного машиностроения и судостроительной промышленности предполагалось, по сравнению с 1944 г., сократить на 40 млрд. рублей. Высвободившиеся средства смогли увеличить производство гражданской продукции лишь до 12,8 млрд. руб-

⁴⁰⁶ См.: Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946-1953 гг. Тамбов. 2000. С. 122-123.

⁴⁰⁷ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950 гг. М. 1996; Он же. Создание в СССР военной промышленности и формирование советского военно-промышленного комплекса (1920-1950 гг.). Проблемы экономического роста, структура, организация производства, управление. М. 1999.

лей. Однако этот шаг был необходим. Конверсия, в конечном итоге, была тесно связана с социальной политикой государства.

Историки выделяют несколько этапов перехода народного хозяйства СССР от войны к миру.⁴⁰⁸ Особое внимание, как правило, уделяется первому, наиболее сложному периоду. В 1945-1947 гг. - большое значение для народного хозяйства страны имели значительное сокращение прямых военных затрат и численности вооруженных сил. Доля прямых военных расходов в государственном бюджете СССР уменьшилась с 54,3 % в 1945 г. до 24 % в 1946 г. и 18 % в 1947 г.⁴⁰⁹ Это позволило постепенно увеличить долю накопления в использовании национального дохода до уровня, необходимого для восстановления процесса расширенного воспроизводства. После увольнений в запас численность вооруженных сил СССР в 1945-1946 гг. сократилась с 11 млн. человек до 2,8 млн. человек. Объемы капитальных работ в системе наркоматов обороны и военно-морского флота на период 1946-1950 гг. были установлены в размере 7 млрд. руб. В сопоставимых ценах это в 2 раза меньше, чем в 1938-1941 гг.⁴¹⁰ Конверсия самым непосредственным образом затрагивала интересы рабочих и служащих. На предприятиях военной и гражданской промышленности произошли значительные изменения в режиме рабочего времени: увеличилось количество выходных дней, сократились сверхурочные работы, были восстановлены

⁴⁰⁸ Симонов Н.С. Создание в СССР военной промышленности и формирование советского военно-промышленного комплекса (1920-1950 гг.). Проблемы экономического роста, структура, организация производства, управление. М. 1999. С. 297.

⁴⁰⁹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 94. Д. 945. Л. 7.

⁴¹⁰ Там же. Д. 1454. Л. 43.

новлены ежегодные оплачиваемые отпуска. В результате этих социальных мероприятий существенно понизилась загрузка производственного оборудования. В среднем, по заводам военной промышленности каждый станок стал работать 10,5 часов в день, при 24 рабочих днях в месяц.

Однако тяжелая промышленность по-прежнему оставалась основной опорой советской экономики во второй половине 40-х гг. Лишь крайне низкий уровень народного потребления продукции обусловил принятие экстраординарных мер по восстановлению легкой промышленности. В этом необходимо отметить особую заслугу председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского, стремившегося создать в высших эшелонах власти соответствующие настроения. По оценке министра финансов А.Г. Зверева, Вознесенский «был очень сильным руководителем Госплана, мыслил масштабно и смело, глядел далеко вперед».⁴¹¹

Изменение в пропорциях развития тяжелой и легкой промышленности в результате послевоенной конверсии должно было существенно повысить уровень жизни людей. Советские люди, устав от постоянного напряжения и тягот военного времени, как писала центральная пресса, заслужили право на лучшую жизнь. Многие из них стали участниками европейского освободительного похода против фашистской Германии. Впервые огромное количество советских граждан побывало в Европе, своими глазами они увидели жизнь зарубежных стран и получили возможность самостоятельно без пропагандистской помощи сравнить жизненные реалии двух систем. К тому же задачи вос-

⁴¹¹ Зверев А.Г. Записки министра. М. 1973. С. 229.

становления гигантских разрушений, нанесенных войной народному хозяйству, предполагали и допускали использование иных рычагов воздействия на экономику, несколько выходящих за рамки сугубо административно-хозяйственных методов.

В конце декабря 1946 года Совет Министров принял постановление «О мерах по ускорению подъема легкой государственной промышленности, производящей предметы потребления». В нем отмечалось, что существующие темпы роста предприятий Министерства текстильной и легкой промышленности «совершенно недостаточны и не обеспечивают выполнение закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства».⁴¹² Самое интересное, что постановление обвиняло местные органы власти в отношении к легкой промышленности, как «второстепенной» отрасли. Необходимо отметить, что такое положение дел логично вытекало из всей стратегии государственной экономической политики. Скорее всего, к незначительной смене курса в декабре 1946 г. правительство подтолкнули социальные ожидания. Основная идея документа сводилась к предложению «произвести серьезный поворот внимания и ресурсов Министерств, ведомств, Совета Министров Союзных республик, и местных органов власти на дело ускорения роста производства товаров широкого потребления для населения».⁴¹³

Отмеченная смена курса была не только рекламной акцией. Вполне очевидно, что председатель Госплана Н.А. Вознесенский, не мог игнорировать практику новой экономической

⁴¹² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. 1941-1952 гг. М. 1968. С. 362.

⁴¹³ Там же. С. 366.

политики 20-х годов, которая помогла преодолеть хозяйственную разруху после гражданской войны. Стремление применить некоторый опыт Нэпа в схожих восстановительных условиях представлялось не лишённым смысла. В комплексе все это объясняет причины возникновения во второй половине 40-х годов на самом высоком уровне вопроса об изменениях, пропорций промышленного развития. Разумеется, в общественной обстановке тех лет любой политический и экономический поворот требовал одобрения со стороны И.В. Сталина. Оно прозвучало в уже упомянутом сталинском программном выступлении 9 февраля 1946 года на собрании избирателей Сталинского округа г. Москвы. Председатель Совета Министров СССР признал очень важным повышение материального уровня жизни народа и указал на путь достижения этой цели через широкое развертывание производства товаров народного потребления, развитие всех отраслей, имеющих к этому отношение.⁴¹⁴

Для реализации товаров легкой промышленности создавалась мобильная торговая сеть. Новая партийная установка получила свое конкретное оформление в нескольких постановлениях Правительства СССР: «О развертывании кооперативной торговли в городах и поселках продовольствием и промышленными товарами», «Об увеличении производства продовольствия и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями» (9.11.1946 г.), «О мероприятиях по расширению торговли потребительской кооперации в городах и рабочих посел-

⁴¹⁴ См.: Правда. 1946. 10 февраля.

ках» (21.07.1948 г.), «О мероприятиях по улучшению торговли» (20.11.1948 г.).⁴¹⁵

В соответствии с перечисленными постановлениями, Совет Министров установил новый, отличавшийся в сторону повышения, план производства важнейших товаров, прежде всего тканей. Вместо 4,7 млн. м. хлопчатобумажных тканей, установленных ранее на 1950 год, закон о пятилетнем плане предписывал произвести 4,8 млн. м. Производство шерстяных тканей должно было увеличиться на 5,6 %. По сути, постановление зафиксировало серьезные сбои в реализации плана четвертой пятилетки. Неслучайно ответственность за его выполнение теперь возлагалась на местные партийные органы, обязавшиеся добиться необходимых показателей. Закономерно, что для подъема легкой промышленности применялись лишь административно-командные методы. Собственно экономического стимулирования труда не предполагалось. Стремясь выполнить распоряжение правительства, руководство предприятий осваивало неиспользованные ранее производственные площади, увеличивало количество действовавших смен, применяло опыт довоенных социалистических соревнований.

Уровень развития текстильной промышленности 1940 года удалось достигнуть только в 1949 году. Ситуация в текстильной промышленности существенно осложнялась тем, что за годы войны было выведено из строя 61,7 тыс. станков. За 1946-1948 гг. страна произвела лишь 8727 единиц ткацких станков, что со-

⁴¹⁵ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3 М. 1968. С 350-362, 549-560.

ставило 14,1 % к потерям за годы войны.⁴¹⁶ Кроме этого, к концу четвертой пятилетки замены требовала значительная часть износившихся машин. Экономический рост в этих сложных послевоенных условиях достигался исключительно ценой энтузиазма и жертвенности советских граждан, трудившихся почти без всяких экономических стимулов.

По сути, государство требовало значительного увеличения товарооборота, расширения объемов торговли между городом и деревней. Для этого признавалось необходимым пересмотреть роль потребительской кооперации, которая, не располагала устойчивыми связями с потребителем, ограничивала свои функции распределением товаров, получаемых от государства. Способствуя росту товарооборота, потребкооперации разрешалась торговля в городах и рабочих поселках продовольствием и товарами широкого потребления. Для этого ставилась задача повсеместного расширения сети магазинов и лавок.

В значительной степени заявления правительства о приоритетах производства товаров легкой промышленности и торговли являлись популистскими. Такой вывод можно сделать исходя из того, что эта тема заняла одно из центральных мест в официальной пропаганде 1946-48 годов. Так, «Правда» неизменно подчеркивала актуальность этих вопросов, напрямую связывая успешное хозяйственное строительство с их решением. В передовой центрального партийного органа от 6 января 1947 года говорилось: «Чтобы экономическая жизнь страны могла забить ключом..., а промышленность и сельское хозяйст-

⁴¹⁶ Народное хозяйство СССР в 1959 г. Статистический ежегодник. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР. 1959. С. 246.

во имели стимул к дальнейшему росту своей продукции, надо иметь развернутый товарооборот между городом и деревней, между районами и областями страны, между различными отраслями народного хозяйства. Чем шире будет развернут товарооборот, тем быстрее поднимется благосостояние советских людей, тем лучше будут удовлетворены их насущные нужды». ⁴¹⁷

На страницах центральной печати постоянно помещались статьи, рассказывающие о ходе развертывания торговли в регионах страны. Вот, к примеру, сообщение из г. Минска: «Каждое утро широко раскрываются двери 577 торговых предприятий белорусской столицы, чтобы возможно более удовлетворить запросы покупателей... Здесь было открыто вновь 93 магазина, ларька и палатки... Органы государственной торговли развернули на рынках встречную продажу промышленных товаров. Товарооборот по основным видам промышленных и продуктовых товаров вырос в 2-2,5 раза». ⁴¹⁸ Повсеместное развитие получала кооперативная торговля, масштабы которой росли: за 1947 год в целом по стране кооперативными организациями было закуплено более 180 тыс. тонн мяса, свыше 9 тыс. тонн жиров, 83 млн. литров молока, около 200 тыс. тонн картофеля, 195 тыс. тонн овощей, 126 тыс. десятков яиц. ⁴¹⁹

Еще одним популистским мероприятием власти стала политика снижения цен. Она являлась мощным средством пропаганды достижений социализма среди широких слоев населения,

⁴¹⁷ Правда. 1947. 6 января.

⁴¹⁸ Правда. 1947. 17 января.

⁴¹⁹ Москвин В. Советская торговля в третьем году пятилетки // Большевик. 1948. № 15.

что, безусловно, способствовало укреплению созданной в стране системы и режима личной власти Сталина. Однако в среде населения встречались самые доброжелательные оценки данного курса: «Новое снижение цен показывает, что советское правительство действительно заботится о трудовом народе. Ведь для тех, кто получает небольшую зарплату, это снижение является чрезвычайно большим облегчением. Эти люди от всего сердца благодарят правительство и Сталина».⁴²⁰

Исследования В.П. Попова показали, что механизм снижения был основан на том, что государство изымало продукцию сельского хозяйства по низким заготовительным ценам – через систему обязательных поставок с колхозов и личных хозяйств граждан – а продавало ее по относительно высоким розничным ценам. Так достигалось сразу несколько целей. Во-первых, полученные за счет труда деревни таким способом деньги правительство перераспределяло в пользу промышленности, что позволяло сохранять приоритет развития производства средств производства над производством предметов потребления. Во-вторых, изъятие из деревни продуктов, необходимых для пропитания самого сельского населения, заставляло последнее непрерывно трудиться в колхозах и личных хозяйствах и потому гарантировало государству непрерывность обязательных поставок.⁴²¹

Значительная часть государственных доходов слагалась из налогообложения сельских жителей. Крестьяне выплачивали натуральный налог (обязательные поставки мяса, шерсти, мо-

⁴²⁰ Неизвестная Россия. XX век. М. 1992. Кн. 2.

⁴²¹ Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946-1953 гг. Тамбов. 2000.

лока, яиц и пр.) и денежный. С отменой карточной системы розничные цены на сельхозпродукты снижались, что влекло за собой снижение цен на колхозных рынках, а с другой – размеры денежных налогообложений после войны постоянно повышались. Поэтому снижение цен проводилось в основном за счет деревни, за счет резкого ухудшения материального положения крестьян.

При неизбежном в этой ситуации недовольстве населения руководству партии пришлось принять ряд указов, направленных, как тогда говорилось, на укрепление трудовой дисциплины в сельской местности. Президиум Верховного Совета СССР 21 февраля 1948 г. принял указ «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный и паразитический образ жизни».⁴²² Реализация указа деформировала сложившийся уклад крестьянской жизни и взаимоотношений. Дело в том, что решение о выселении должны были принимать общие собрания колхозников. По сути люди соучаствовали в репрессиях. Лишь затем общественные приговоры утверждались в исполкомах районного совета. Выселение производилось сроком на 8 лет, с возможностью ходатайства о возвращении на место жительства по истечении пяти лет.

Ужесточение трудовой дисциплины преследовало дальнюю цель еще большей централизации колхозной системы. В этом смысле интересно проследить за борьбой властей с альтернативными формами ведения хозяйства, не укладывавшимися в рамки коллективной обработки земли. В 1947-1948 гг. в

⁴²² Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. Саратов. Изд. СГУ. 1967. С. 164.

некоторых колхозах страны стала распространяться новая форма организации труда, получившая название «одногоектарничества». Сущность этого явления заключалась в закреплении за отдельными колхозниками одного гектара земли, за обработку которого они несли ответственность. «Одногоектарники» не были связаны с бригадами и звеньями и использовали тягло и транспорт по своему усмотрению.

Несмотря на повысившуюся производительность труда «одногоектарничество» подверглось ожесточенной критике на разных уровнях советского агитационного аппарата, считалось, что этот принцип может сформировать частнособственническую психологию. В исследовании В.Н. Еремеева «Колхозный трудовой день» утверждалось, что «одногоектарничество» разваливает бригады и звенья, «сводит на нет их роль, как основных форм организации труда».⁴²³ Индивидуальная ответственность колхозника за конкретный участок земли противоречила известному советскому принципу коллективной безответственности. Индивидуализация труда колхозников должна была исходить из того, что они как члены артелей и колхозов включены в единую систему социалистического производства и их труд может перераспределяться в зависимости от потребностей этой системы. В соответствии с этим, на февральском пленуме ЦК ВКП (б) 1947 г., была поставлена задача укрепления бригад и звеньев посредством групповой сдельщины.⁴²⁴

Повсеместно распространившаяся социальная уравниловка наиболее полное свое выражение получила в системе опла-

⁴²³ Еремеев В.Н. Колхозный трудовой день. М. 1948. С. 197.

⁴²⁴ Постановление пленума ЦК ВКП (б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период». 1947 г.

ты труда колхозников только по количеству трудодней, без учета конечного результата труда. Такой порядок распределения доходов привел к тому, что колхозники интересовались, главным образом, объемом проделанной работы и начислением количества трудодней. При этом, материальная заинтересованность отсутствовала у тех крестьян, которые получали более высокий урожай, при меньшей затрате трудодней.

Введение дополнительной оплаты труда за повышение урожайности не могло значительно повлиять на сложившуюся ситуацию. Дело в том, что эта оплата выдавалась только за продукцию, полученную сверх плана, в то время как основная оплата труда колхозников в пределах плана (какая бы ни была разница в пределах плана) по-прежнему зависела от количества выработанных трудодней, без учета урожайности. Порядок дифференцированной оплаты труда в зависимости от его результатов, был рекомендован еще 15-ой статьей примерного устава сельхозартели, однако это не могло значительно изменить сложившуюся уравнительную систему, поскольку статья устава крайне редко применялась в колхозах. Совершенно очевидно, что она противоречила основным принципам аграрной политики правительства. По данным «Социалистического земледелия», в 1945 г. по Союзу дополнительно начисляли трудодни только 4,8 % и списывали трудодни 8,6 % полеводческих бригад, а в 1946 году соответственно 6,8 % и 8,9 % бригад.⁴²⁵

Еще одно порочное сознательно созданное явление советской аграрной системы заключалось в распределении оплаты труда по бригадам, а не членам звеньев, ее составлявших.

⁴²⁵ Социалистическое земледелие. 21 августа. 1947 г.

Списывание трудодней с бригады в целом без учета худших и лучших ее звеньев ущемляло интересы передовых тружеников, а начисление трудодней всем поровну по существу поощряло худших, санкционировало уравниловку. Борьба местных и центральных властей вокруг вопроса о трудоднях представляет немалый интерес с точки зрения формирования государственной стратегии в развитии сельского хозяйства.

Колхозное начальство, сознававшее изъяны уравнилельной системы, стремилось дифференцировать оплату трудодней в рамках существовавшего правового пространства. Так, в колхозе «Красный луговод» Пензенской области для бригад и звеньев был установлен определенный гарантированный минимум оплаты трудодней зерном. Размер оплаты труда сверх гарантированного минимума был поставлен в зависимость от степени участия колхозников в производстве, от фактической выработки трудодней в среднем на одного трудоспособного члена звена и от фактически полученного урожая сельскохозяйственных культур. При этом, для определения урожайности, полученной тем или иным звеном, урожай всех культур перевели в условный урожай зерна. Например, урожай зерна в 10 центнеров с гектара соответствовал урожайности картофеля в 100 центнеров, лука 50 центнеров и т. д.⁴²⁶ Руководство колхоза установило прямую связь между степенью трудового участия колхозников и размером оплаты труда. Чем выше был урожай, тем больше размер оплаты трудодня и, наоборот, чем ниже трудовое участие и чем ниже урожайность, тем меньше размер оплаты.

⁴²⁶ Дифференцированная оплата трудодня // Социалистическое земледелие. 29 августа. 1946.

Несмотря на очевидную справедливость подобного принципа, руководство «Красного луговода» подверглось критике «сверху». Дело в том, что дифференцированная оплата труда могла привести к невыполнению первоочередного обязательства колхоза перед государством. При низком урожае в 4 центнера зерна с гектара колхоз, раздав по гарантийному минимуму все зерно, не смог бы выполнить план сдачи хлеба, произвести расчет за работу МТС и создать общественные фонды в колхозе. Таким образом, сдельная оплата трудодня в соответствии с потребностями колхозников противоречила интересам государственной верхушки.

Руководству значительно выгоднее было «привязать» оплату труда не к урожайности, а к плану сдачи зерна в государственные фонды. В результате изменение показателей плана позволяло минимизировать оплату трудодней в колхозах страны. Совет министров СССР в постановлении «Об улучшении организации, повышении производительности и упорядоченности труда в колхозах» от 19 апреля 1948 года рекомендовал исходить из степени выполнения и перевыполнения плана по бригадам. Коллективам, перевыполнившим установленный план сбора урожая, за каждый процент перевыполнения плана должен был начисляться дополнительно один процент трудодней, от количества трудодней, затраченных на всю работу. С бригад, не выполнивших план сбора урожая, за каждый процент невыполнения плана списывался один процент трудодней, но не более 25 % трудодней, затраченных на всю работу.

Низкая оплата труда колхозников влекла за собой бесхозяйственное отношение к собственности, снижению производительности труда и воровству. Вместо материального стимули-

рования работ, власти, как и в других случаях, ужесточили репрессии. Согласно постановлению Совета министров и ЦК ВКП (б) от 13 сентября 1946 года в целях укрепления колхозной дисциплины было необходимо принять соответствующие меры по ликвидации: 1) растаскивания колхозной собственности; 2) расхищения трудодней и неправильного распределения колхозных доходов; 3) злоупотреблений со стороны районных и других сельскохозяйственных работников; 4) расхищения общественных колхозных земель. Как видно, некоторые меры свидетельствуют о стремлении правительственных органов еще больше ограничить свободу местного самоуправления. Местные же власти неучастие в колхозных работах чаще связывали с низким уровнем оплаты колхозного труда, падением трудовой дисциплины.

Большое количество крестьян, уклоняющихся от работы в колхозе, заставляло власть искать эффективные механизмы вовлечения всех трудоспособных в работу в общественном хозяйстве. Обсуждение этих вопросов вызвало в высших эшелонах власти достаточно оживленную дискуссию в конце 1940-х гг. К этому времени стало очевидно, что репрессивные методы, предполагавшие привлечение к судебной ответственности оказались несостоятельными. Предусмотренные по апрельскому постановлению ЦК ВКП (б) и СНК СССР 1942 г. меры воздействия не применялись в полном объеме ни в годы войны, ни в послевоенный период.⁴²⁷ Руководители колхозов не желали идти по пути только репрессивных мер. Прокуратура СССР отмечала, что «...правления колхозов не передают дела в суд на всех

⁴²⁷ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 579. Л 8.

колхозников, не выработавших минимум трудодней по неуважительным причинам,... либо передают лишь на малую долю таких колхозников».⁴²⁸ Это подтверждают исследования Т.М. Димони. Например, по Вологодской области от общего количества не выработавших без уважительной причины минимума трудодней было привлечено к суду в 1947 г. - 31,5 %, в 1948 г. - 19,2 %, в 1952 г. - 18,6 %; осуждено соответственно по годам - 22,1 %, 5,7 %, и 8 % привлекавшихся.⁴²⁹

Руководители колхозов стремились не выходить за рамки осуждения крестьян на общем собрании или правлении колхоза. В исключительных случаях взимали штрафы, отстраняли от работы. Отчасти такое положение вещей можно объяснить атмосферой послевоенного времени. В записке от 20 июня 1945 г., адресованной в Наркомат земледелия СССР, высказывалось следующее мнение: «Для колхозов, как для добровольного объединения крестьян, уголовная ответственность за плохую работу могла быть только временной мерой, вызванной военной обстановкой... Массовую репрессию следует сократить».⁴³⁰ Тем не менее, уголовная ответственность колхозников, как мера наказания за не выработку установленного минимума трудодней, до 1954 г. отменена не была.

В вопросе о наказании колхозников за не выработку минимума трудодней наиболее ярко проявилось противостояние центральных и местных властей. Далекое не все местные руководители приветствовали ужесточение порядков. Конечно, мно-

⁴²⁸ Там же. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1062-а. Л. 15.

⁴²⁹ Димони Т.М. Социальный протест в колхозной деревне 1945-1960 гг. Дисс. канд. и.н. Вологда. 1996. С. 57.

⁴³⁰ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 22. Д. 118. Л. 1.

гое зависело от личности председателя. Но, в любом случае, в регионах были лучше осведомлены о реальном положении сельских тружеников, а так же, губительности внеэкономических мер стимулирования труда. В начале 1948 года в записке Совета по делам колхозов на имя А.А. Жданова отмечалось, что «за 5 лет действия Указа было осуждено в среднем по 4-5 человек на колхоз, эта мера заметного влияния на укрепление трудовой дисциплины не оказала»⁴³¹. Тем не менее, власть была заинтересована в ее сохранении. Как справедливо отметил В.Ф. Зима, «целью репрессий было запугать народ, сломить нараставшее антиколхозное движение, заставить работать бесплатно голодных», что делало в сознании крестьянства эту акцию родственной раскулачиванию.⁴³²

Отмеченное противостояние центральных и местных властей изначально было неравным. Постепенно подбор, расстановка и направление деятельности председателей колхозов стали важнейшими рычагами проведения аграрной политики. Во многом от председателей зависели размеры хлебосдачи колхоза государству, а значит и уровень жизни крестьян. Официально председатель избирался общим собранием колхозников, что создавало демократический фон управления сельским хозяйством. Однако первоначальный подбор кандидатуры и ее утверждение зависели от партийных районных органов. В любом случае, председатель оказывался перед выбором между потребностями населения и необходимостью выполнения государственных задач.

⁴³¹ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 579. Л. 14.

⁴³² Зима В.Ф. «Второе раскулачивание» (аграрная политика конца 40-х - начала 50-х гг.) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 8.

Известны многочисленные факты назначения председателей колхозов «сверху». Опасность государственного вмешательства была осознана лишь тогда, когда появились явные негативные результаты. Министр земледелия Бенедиктов сообщал Жданову: «Практика администрирования в подборе и снятии с работы председателей колхозов приводит к тому, что председатели перестают чувствовать себя ответственными за работу перед членами артели. Они считают себя ответственными только перед районными органами».⁴³³ Действительно, безотчетность перед колхозниками часто приводила к самовольному распоряжению средствами, имуществом и продуктами, отрицательно влияла на ведение хозяйства. Руководители колхозов имели возможность вершить судьбы людей, вплоть до выселения с места жительства. От них зависело количество хлеба, выдаваемого за трудодни, размеры личных покосов крестьян.

Многие руководители хозяйств применяли аренду «исполлу», когда часть сена давалась тому, кто косит, а другая поступала в колхоз. Чаще всего колхозники получали для личного скота лишь 10 % от скошенного ими сена. Поскольку стремление завести собственные покосы пресекались, а отдавать 90 % труда желали не все, практиковалось тайное кошение ночью и в выходные дни.⁴³⁴ Колхозное начальство понимало, что «разбазаривание покосов прекратится только тогда, когда людям будут выделяться для личного скота 2 га сенокоса. Ведь дали же мы колхознику приусадебный участок, не мешает это общест-

⁴³³ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 579. Л 8.

⁴³⁴ Там же. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1062-а. Л. 15.

венному хозяйству, не будет мешать и личный сенокос»⁴³⁵. Как и в других случаях, в этом вопросе здравому смыслу мешала социалистическая идеология, с ее приоритетом общественного (а точнее, государственного) над частным.

Серьезную озабоченность власти вызывал тот факт, что во многих районах затраты труда колхозников на общественное производство были ниже, чем для работы в личном хозяйстве. Об этом говорили низкие, по сравнению с заявленными в плане, показатели роста колхозного животноводства и сбора зерна. Однако руководство партии не желало признать, что причина коренится в полной не заинтересованности колхозников в результатах своего труда, а так же в больших объемах государственных поставок, превышавших реальные возможности хозяйств. По данным Госплана СССР и министерства заготовок, из 222 тыс. колхозов, привлеченных к обязательным поставкам молока в 1947 году, около 40 % хозяйств их не выполнило. За период с 1933 по 1947 гг. государственные планы обязательных поставок молока ежегодно срывались.⁴³⁶ Принуждение, именуемое в официальных документах «налоговой дисциплиной»⁴³⁷, оставалось главной мерой воздействия власти на деревню.

Жесткость аграрной политики во многом может быть объяснена грандиозностью планов развития народного хозяйства, принятых после войны. С 1946 по 1950 гг. предусматривалось не только полное восстановление земледелия и животноводст-

⁴³⁵ Димони Т.М. Социальный протест в колхозной деревне 1945-1960 гг. Дисс. канд. и.н. Вологда. 1996. С. 57.

⁴³⁶ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 22. Д. 118. Л. 1.

⁴³⁷ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 579. Л. 14.

ва, но и превышение довоенного уровня сельскохозяйственного производства. Пятилетний план предусматривал рост продукции в аграрном секторе страны на 27 % по сравнению с 1940 годом, достижение к концу пятилетки сбора 127 млн. тонн зерна, 26 млн. тонн сахарной свеклы, 3,1 млн. тонн хлопка сырца, 3,7 млн. тонн подсолнечника.⁴³⁸ В соответствии с этими цифрами определялись размеры финансирования колхозного производства: 12,2 млрд. руб. в 1946 г., 16,8 млрд. руб. в 1947 г., 20,5 млрд. руб. в 1948 г., 32,7 млрд. руб. в 1949 г. и 34,2 в 1950 г. Всего за пятилетку в развитие сельского хозяйства было вложено 116,4 млрд. руб. государственных средств, что говорит о масштабах замыслов руководителей партии.

Однако повышения уровня жизни колхозников, пропорционально вложенным суммам, не произошло. Дело в том, что начисление трудодней в начале послевоенной пятилетки проводилось на основе расценок, принятых еще в 1933 году. Следовательно, изменения, произошедшие с того времени в сельском хозяйстве, учтены не были. Между тем, повысилась квалификация колхозных рабочих, увеличилась производительность их труда, возросла специализация. В конечном итоге, явно заниженные нормы выработки привели к снижению «веса» трудодней, что препятствовало материальной заинтересованности в труде. Достаточно сказать, что даже по сообщениям официальных изданий, склонных к идеализации советской экономики, в 1947 году число колхозников, не выработавших установленного минимума трудодней, достигло 20-25 %.

⁴³⁸ Зима В.Ф. «Второе раскулачивание» (аграрная политика конца 40-х - начала 50-х гг.) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 8.

В колхозе «Искра» Шелуховского района Рязанской области в 1947 году взрослому пахарю, при выполнении дневной нормы начислялось 2,62 трудодня, а подростку на бороновании 2,17 трудодня.⁴³⁹ В итоге наиболее квалифицированная часть крестьян уходила на соседние предприятия, тогда как в колхозе оставались работать молодые люди до 17 лет и женщины. Например, в поселке имени Куйбышева того же района в 1947 году вне колхоза работало 20 человек мужчин в возрасте от 21 до 40 лет, а из 106 женщин в возрасте от 21 до 40 лет в колхозе работала только 51. Основной рабочей силой в этих условиях стали подростки.⁴⁴⁰

Текущая кадры была обусловлена вполне объективными причинами. Частым явлением стали случаи, когда в соседствующих хозяйствах за выполнение одной и той же работы начислялось разное количество трудодней. Так, в двух колхозах Ульяновской области «Завет Ильича» и «1 августа», имевших равные природные условия, нормы и расценки были разные. Правление колхоза имени «1 августа» за вспашку 0,75 га начисляло 2 трудодня, за стогование сена с площади 4 га - 3 трудодня. В то же время в колхозе имени «Ильича» за вспашку 1 га назначали 1,5 трудодня, за стогование сена с 1 га - 1,75 трудодня.⁴⁴¹ Лишь 19 апреля 1948 года вышло постановлением Совета министров СССР «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочиванию труда в колхозах». Оно утвердило новые примерные нормы выработки и единые расценки в трудоднях на основные и подсобные работы

⁴³⁹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 343. Л. 58-57.

⁴⁴⁰ Там же. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 122. Л. 21.

⁴⁴¹ Там же. Л. 27.

в сельском хозяйстве. Повышение новых норм по сравнению с прежними выглядело так: пахота - на 12-17 %, боронование - на 12-20 %, посев сеялкой - на 10-12 %, косьба зерновых - на 20-29 %.

Однако и эти нормы не соответствовали уровню материальных потребностей колхозников, что нередко приводило к недовольству населения. Уже само по себе существование минимальной выработки трудодней, за которую рабочие несли ответственность, говорит о неэкономических методах стимулирования труда. Примечательно, что не выработка обязательного минимума трудодней была характерна именно для тех районов, где оплата труда была наименьшей. Так, в 1946 г. в Орловской области не выполнили план по трудодням 31,1 % трудоспособных работников, в Курской - 29,2 %, в Тамбовской - 45,8 %.⁴⁴² В этом же году, в письмах крестьян знакомым и родным, задержанных Органами МГБ, отразились явно неугодные режиму настроения: «Работаем в колхозе, как у помещика, потому что на работу гонят, а не кормят и за работу не платят», «...Председатель колхоза прямо издевается надо мной, кричит - иди, работай, а то выкинем из колхоза, а сами хлеба не дают».⁴⁴³

Еще одним недостатком в оплате труда являлось отсутствие нормирования нагрузки и сдельных расценок. Доярка колхоза Устинья Морозова рассказывала, что ей за работу на ферме «...палочки пишут. Сколько ни надою в день - запишут по 1,25 трудодня». На рубеже 40-50-х годов тяжелый ручной труд женщин на фермах оставался такой же реальностью, как и не-

⁴⁴² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 3107. Л. 63-76; Оп. 53. Д. 3966. Л. 62.

⁴⁴³ Там же. Оп. 59. Д. 5608. Д. 221.

сколько десятилетий назад. Сложившуюся ситуацию отражают письма крестьян: «Всю работу на ферме производим вручную... Сами чистим помещения, убираем навоз. Мы по несколько лет не имеем выходных дней и за них не платят и не дают отгулы». ⁴⁴⁴ Выделенные государством средства на строительство новых животноводческих комплексов, птицефабрик и откормочных цехов далеко не всегда шли по прямому назначению, в результате многие сельскохозяйственные объекты превратились в долгострой.

Едва ли не основной проблемой сельского хозяйства в послевоенные годы являлась низкая механизация труда, что во многом было связано с мобилизацией тракторов на военные нужды. Например, выполнение тракторами 82 % уборочных работ в Хабаровском крае в 1948 г. было признано значительным достижением местной администрации. За первую послевоенную пятилетку ситуация существенно не изменилась. В феврале 1951 г. заместитель министра сельского хозяйства С. Хоштария сообщил руководству так называемую «информацию для внутреннего пользования» о недостатках в работе МТС по вине которых за 1950 г. на 100 тыс. рублей не был выполнен план поступления денежных платежей в государственный бюджет от колхозов. Доклад Хоштария интересен еще и с той точки зрения, что косвенно отражает всю степень бесхозяйственности в аграрном секторе, порожденную низкой заработной платой и полной незаинтересованностью работников МТС и колхозников в результатах своего труда. Так, во время сезонных работ МТС простаивали 30 % времени, причем лишь половину - по техни-

⁴⁴⁴ Большевик. 1948. № 8. С. 39.

ческим причинам. Из доклада явствует, что на многих станциях не была организована работа в две смены, допускался значительный перерасход горючего. В целом по Союзу МТС не выполнили план подъема зяби на 26,8 %, значительные перебои были допущены при заготовке кормов для общественного животноводства, план силосования был выполнен лишь на 39,3 %. В сообщении Хоштария так же отмечалось, что на многих МТС отсутствовали помещения для хранения и ремонта техники, поскольку план строительства был выполнен лишь на 38,9 %. В Госплане СССР и министерстве финансов считали, что именно по вине МТС произошли задержки в увеличении поголовья скота, так как кормовая база отставала от роста поголовья. Однако на данном этапе государство не было заинтересованно радикально изменять работу МТС.

Автономное существование машинотракторных станций от колхозов превращало их в еще один эффективный рычаг управления сельским хозяйством. Кроме этого, как показали исследования В.П. Попова, натуроплата колхозов за работу МТС стала важнейшим каналом, по которому государство выкачивало зерно из колхозов. В 40-е годы удельный вес заготовленного зерна по обязательным поставкам и натуроплате МТС достигал в целом от 75 % до 84 % всех заготовок.⁴⁴⁵ Размер оплаты за работу техники зависел не от экономики хозяйства, а от группы урожайности, к которой был отнесен данный колхоз, что часто приводило к искусственному завышению натуроплаты. О значе-

⁴⁴⁵ Попов В.П. Экономическая политика советского государства. (1946-1953 гг.). Тамбов. 2000. С. 164; Он же. Российская деревня после войны (июнь 1945-март 1953 гг.): Сб. документов. М.: «Прометей». 1993. С. 160-161.

нии, которое власти придавали этому, говорит тот факт, что в течение 1947 года Совмин принял два постановления, направленных на ужесточение контроля за уровнем урожайности колхозов. 3 февраля 1947 года была образована Главная Государственная Инспекция по определению урожайности сельскохозяйственных культур при Госплане СССР. В декабре 1948 года ее преобразовали в Главную инспекцию при Совете министров СССР.

Строгий контроль власти за работой агропромышленного комплекса не всегда спасал от провалов плана. Информация, полученная министром сельского хозяйства И.А. Бенедиктовым о реальном положении в деревне летом 1950 года, принципиально отличалась от наполненных оптимизмом официальных сводок. Так, в сфере электрификации села объем производства был выполнен на 74,5 % от запланированного, строительномонтажные работы выполнены на 60,1 %. Конторы снабжения Главсельэлектро вместо накопления, предусмотренного планом, допустили убытки около 2 млн. рублей.⁴⁴⁶ Отставание от прогнозируемых показателей в заготовке кормов привело к снижению темпов роста общественного животноводства. Не удалось выполнить план по сбору картофеля и овощебахчевых культур.

Несмотря на такие, казалось бы, обескураживающие показатели, министерство сельского хозяйства в кратком отчете за 1950 год заявило о «достижении новых успехов в деле подъема социалистического земледелия, развития общественного животноводства и организационно-хозяйственного укрепления

⁴⁴⁶ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 5. Д. 119. Л. 210.

колхозов». В полном соответствии с господствовавшей повсеместно бюрократической показухой, упор в этом отчете был сделан на те области сельского хозяйства, где план оказался выполненным, либо перевыполненным. «Проваленные» показатели оказались в тени. Для еще большего подчеркивания достижений был представлен сравнительный анализ показателей 1949 и 1950 гг. Уже первая страница свидетельствовала о расширении посевных площадей по сравнению с 1949 годом на 9,6 млн. га, то есть на 8,6 %⁴⁴⁷, хотя на 100 % план расширения посевных площадей колхозами в 1950 г. выполнен не был. Любопытно, так же, что выполнение плана по сбору зерновых и масличных культур показано в процентах (100,4 % и 101,3 % соответственно), тогда как невыполнение плана по овощебахчевым культурам, картофелю и кормам в процентах не представлено.

Выше уже была отмечена неудовлетворительная работа МТС в 1950 году, однако согласно отчету машинотракторные станции выполнили план на 100,5 %, обеспечили обработку 90 % всей пахоты тракторной тягой и уборку комбайнами 50 % зерновых культур. Вывод министерства сельского хозяйства об улучшении работы тракторного парка полностью противоречил информации, полученной министром И. Бенедиктовым от своего заместителя С. Хоштария. Парадоксальнее всего, что планирование сельскохозяйственных работ на 1951 год производилось с опорой на отчет министерства 1950 г., что говорит о колоссальном отрыве советской бюрократии от действительности. В этих условиях лишь энтузиазм простых тружеников выступал

⁴⁴⁷ Там же.

связующим звеном между государственными планами и самим сельским хозяйством. Эта простая истина вытекает из заключительных слов краткого отчета: «На борьбу за выполнение плана 1951 г. должна быть мобилизована творческая активность колхозных масс, организованно широкое социалистическое соревнование за дальнейший подъем урожайности и продуктивности скота».⁴⁴⁸

Однако энтузиазм простых работников, при отсутствии собственно экономических стимулов к труду, не мог быть долговременной опорой советского производства. Необходимость реформирования сельского хозяйства на рубеже 40-50-х годов остро ощущалась на всех уровнях властной вертикали, проблема заключалась лишь в том, что для руководства сущность и конечная цель любой реформы должна была заключаться в еще большем подчинении экономики партии и правительству. В этом смысле интересна инициатива Н.С. Хрущева, изложенная им на страницах «Правды» 4 марта 1951 года. Предложения сводились к мысли о нецелесообразности существования мелких колхозов, необходимости их резкого укрупнения с перспективой создания новых структур - «агрогородов». По сути, было задумано массовое сселение крестьян в крупные колхозные поселки и создание на новых местах «колхозных агрогородов». Как представляется, инициатива Хрущева в полной мере соответствовала стилю технократического мышления государственных лидеров того времени, идее превращения крестьян в сельских рабочих-пролетариев. Лишь очевидная экономическая не-

⁴⁴⁸ См.: Там же.

продуманность и авантюристичность этих мер привела к осуждению хрущевского новаторства в закрытом письме ЦК ВКП (б).

Первые тенденции к укрупнению колхозов, проявившиеся еще в конце второй пятилетки, были прямым следствием политики обобществления средств производства и борьбы власти с мелкокрестьянскими хозяйствами. Сокращение числа колхозов на сопоставимой территории за период 1935-1941 гг. отразилось в сводке колхозных отчетов.⁴⁴⁹ Частичное разукрупнение колхозов в военные и первые послевоенные годы можно рассматривать как вынужденную меру, неадекватную основному курсу правительства.

Объединение мелких хозяйств, продиктованное скорее административной, нежели экономической целесообразностью, позволило еще больше укрепить вертикаль государственной власти, сконцентрировать наличные силы и средства производства. Руководство не смущали низкие результаты работы колхозов, объединенных без учета региональных особенностей (разбросанность населенных пунктов, чрезмерное многоземелье, пестрота производственной специализации) и часто против желания колхозников. Преимущества централизованного управления отодвигали на второй план экономические показатели развития сельского хозяйства. Многие объединившиеся колхозы представляли собой искусственные объединения трех-пяти и более мелких, по существу самостоятельных хозяйств, территориально разбросанных на расстоянии 7-10 и более километров, связанных плохими дорогами. Особенно это было характерно для Вологодской, Горьковской, Владимирской, Яро-

⁴⁴⁹ Исторический архив. 1962. № 6. С. 23.

славской, Кировской и других областей Центральной России. В послевоенный период еще не были преодолены последствия хуторского расселения, во многих хозяйствах пашня состояла из отдельных мелких участков, порой в 1-3 га.

Удар по местному самоуправлению не мог не вызвать ответной реакции. Известны многочисленные факты, когда через 5-7 лет укрупненные колхозы делились на те же 3-5 колхозов, существовавших ранее самостоятельно. О мотивах разукрупнения свидетельствуют заявления колхозников, в которых они обычно их подробно излагали: территориальная разбросанность бригад и вызванные этим трудности в управлении хозяйствами, неодинаковый вклад бригад в общий труд коллектива, получение, несмотря на это, одинаковых доходов всеми бригадами, большая разбросанность земель.

Именно последнее обстоятельство - неспособность колхозов полностью освоить закрепленные за ними земли - влекло за собой снижение уровня жизни крестьян. Дело в том, что колхозы сдавали государственные поставки как с освоенных земель, так и с земель, подлежащих перспективному освоению, что значительно снижало количество зерна, распределяемого между колхозниками за трудодни. При недостатке рабочей силы и техники, остро ощущавшемся после войны, «многоземельные» хозяйства с трудом справлялись с обработкой имевшейся пашни, а государственные поставки зерна и других продуктов должны были сдавать со всей площади, закрепленной за ними.

Часто встречались случаи, когда колхозы были готовы объединиться с соседними артелями, но «без земли». Правление соглашалось принять новых членов артели, но от земли отказывалось из-за нежелания увеличивать размеры обязатель-

ных поставок сельскохозяйственных продуктов.⁴⁵⁰ Разукрупнение колхозов после неурожайного 1946 г., противоречившее задачам партийного руководства, воспринималось как временная уступка крестьянству. Это была своего рода популистская мера власти, которая одновременно могла способствовать восстановлению разрушенного хозяйства на местах. Известен случай, когда в результате разукрупнения остался колхоз, состоящий из 7 дворов, и хотя на его текущем счету осталось 15 рублей, колхозники были довольны.⁴⁵¹

Сокращение числа дворов, приходящихся на один колхоз, объяснялось рядом причин, в том числе миграцией населения. За 1946-1950 гг. в целом по стране средние размеры колхозов по числу дворов уменьшились на 6 %. Наиболее интенсивно это уменьшение коснулось территорий российского Нечерноземья (на 10-12 %). Здесь следует отметить, что понятие «колхозный двор» неоднозначно. Дело в том, что на территории одного двора могла проживать одна или несколько семей. Разумеется, исход одного или нескольких членов двора на заработки или обучение не влекли за собой его уничтожение. Поэтому статистический учет сокращения дворов не в полной мере отражает демографические процессы в деревне. Согласно исследованиям середины 60-х годов численность сельского населения по РСФСР за 1940-1950 гг. снизилась на 20 %. Если в 1940 г. в деревне проживало 72,2 млн. человек, то в 1950 г. - 57,7 млн. че-

⁴⁵⁰ Подробнее см.: Долгов В.С. Разукрупнение колхозов в первые послевоенные годы. (1945-1950 гг.) // Проблемы Отечественной истории. Сб. ст. М. 1973.

⁴⁵¹ Там же. С. 75.

ловек.⁴⁵² Учет по дворам был введен администрацией для удобства налогообложения. Колхозное руководство рассматривало членов двора как трудовые единицы, поскольку все достигшие 16 лет, должны были выработать установленную норму трудодней.

О кризисном положении в сельском хозяйстве свидетельствует тот факт, что в течение 1947-1952 гг. правительством СССР было принято более 40 постановлений по сельскому хозяйству. Одни из них были повторением ранее принимавшихся и невыполненных, другие являлись очередной попыткой выбраться из разрухи на прежних, так называемых общественных принципах хозяйствования. Наиболее характерным было постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 18 апреля 1949 г. о трехлетнем плане развития общественного колхозного и совхозного животноводства на 1949-1951 гг. По сути, в этом документе не содержалось ни одного положения, способного исправить допущенные ошибки в ведении хозяйства. По-прежнему игнорировался личный интерес рядовых колхозников.⁴⁵³ Реализация трехлетки была прервана общесоюзным мероприятием по укрупнению мелких колхозов, которое по размерам вреда, нанесенного сельскому хозяйству, В.Ф. Зима сравнил с коллективизацией начала 30-х годов.⁴⁵⁴

⁴⁵² Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. Статистический ежегодник. М. 1965. С. 11.

⁴⁵³ Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917-1957 гг. Сб. документов. М. 1957. С. 367.

⁴⁵⁴ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946-1947 гг.: происхождение и последствия. М. 1996.

Постановление ЦК ВКП (б) от 30 мая 1950 г. «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» обязывало партийные комитеты проводить укрупнение мелких колхозов, которые по размерам закрепленных за ними земель не могли успешно развивать общественное хозяйство и принимать современную машинную технику. Как это часто практиковалось в советские годы, решение партии воплощалось в жизнь ударными методами и в задуманном масштабе было реализовано досрочно к 1951 г. При этом часто игнорировался тот факт, что постановление рекомендовало проводить широкую разъяснительную работу и соблюдать принцип добровольности путем решения данного вопроса на общих собраниях колхозников. По подсчетам И.М. Волкова, в 1949 г. в стране было 254 тыс. колхозов, а к концу 1950 г. уже 121 тыс.⁴⁵⁵ Таким образом, число колхозов за год сократилось более чем вдвое.

Несмотря на отрицательные показатели, опыт укрупнения колхозов применили для объединения совхозов в начале 50-х годов, а затем в 1954-1958 гг. Централизация хозяйств проводилась почти повсеместно, а наибольший размах приобрела в России, ее центральных, западных и северо-западных районах. Всего на территории страны за указанное пятилетие было укрупнено свыше 1700 совхозов.⁴⁵⁶ Спешка с укрупнением давала отрицательные результаты. Иногда руководящим принципом было стремление уменьшить число слабых колхозов путем их присоединения к крупным рентабельным совхозам, поэтому вместо улучшения работы в укрупненных хозяйствах наблюда-

⁴⁵⁵ Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. М. 1972. С. 207.

⁴⁵⁶ Богденко М.Л. Совхозы СССР. 1951-1958 гг. М. 1972. С. 176.

лось ухудшение, снижались производственные показатели. Теоретический тезис о преимуществах крупного производства истолковывался догматически, без учета объективных условий. В ряде мест были образованы чрезмерно громоздкие и неуправляемые совхозы-гиганты. В дальнейшем их приходилось разукрупнять.⁴⁵⁷

Исследователи не случайно сравнивают укрупнение колхозов и совхозов с коллективизацией. Как и в начале 30-х годов, при объединении мелких колхозов, распространились факты убоя скота. Масштаб этого явления был настолько велик, что приходилось давать директивные указания ЦК ВКП (б). Так, например, 31 июля 1950 г. вышло специальное постановление о сохранении поголовья скота в колхозах в связи с проведением работы по укрупнению мелких хозяйств.⁴⁵⁸ По данным В.Ф. Зимы, в одном только 1952 г. было допущено сокращение общей численности крупного рогатого скота на 2,2 млн. голов. Поголовье коров в том же году сократилось на 550 тыс.⁴⁵⁹ В Свердловской области в целом за первые 8 месяцев 1950 г. падеж крупного рогатого скота составил 18,6 тыс. голов, овец - 33,6, свиней - 33,3.⁴⁶⁰

⁴⁵⁷ Там же. С. 179-180.

⁴⁵⁸ Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917-1957 гг. Сб. документов. М. 1957. С. 539-540.

⁴⁵⁹ Зима В.Ф. Голод в СССР 1946-1947 гг.: происхождения и последствия. М. 1996.

⁴⁶⁰ Мазур Л.Н. Некоторые проблемы состояния колхозной демократии в первые послевоенные годы (на материалах Свердловской области) // Социальная активность тружеников уральской советской деревни. Свердловск. 1990. С. 76.

Причиной бесхозяйственного отношения к социалистической собственности власти считали падение трудовой дисциплины, отсутствие должной сознательности. Как и всегда в таких случаях, необходимые экономические меры заменялись административными, либо пропагандистскими. В 1950 г. Совет министров СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление о задачах партийных и советских организаций по дальнейшему укреплению состава председателей и других руководящих работников колхозов.⁴⁶¹ Его цель состояла во всемерном усилении руководства колхозами и совхозами. Свежие кадры были брошены на обновление аппарата сельских райкомов ВКП (б), сельских первичных парторганизаций. Состав руководящих колхозных кадров пополнился в 1950-1952 гг. большим числом коммунистов. Среди председателей колхозов члены и кандидаты в члены ВКП (б) составляли 79 %. Численность колхозных первичных парторганизаций по сравнению с 1947 г. была увеличена в 2 с лишним раза.⁴⁶² Все перечисленные меры свидетельствовали о стремлении власти полностью контролировать ситуацию в сельском хозяйстве.

Марксистская идеология приоритета общественной собственности над частной, по сути, стала служанкой экономических интересов власти. Изъятие зерна в крупных коллективных хо-

⁴⁶¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференциях и Пленумах ЦК. Т. 6. М. 1954. С. 323-330.

⁴⁶² Тюрина А.П. Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства. 1946-1958 гг. М. 1973. С. 101; Зима В.Ф. Год в СССР 1946-1947 гг.: происхождения и последствия. М. 1996; Волков И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. М. 1972. С. 253.

зяйствах проходило легче, чем в мелких. И значительно легче, чем в единоличных. Поэтому за годы четвертой пятилетки значительно расширился государственный сектор сельского хозяйства. В период с 1946 г. по 1950 г. число совхозов в стране увеличилось с 4,2 до 5 тыс., а численность работников социалистических хозяйств, соответственно, с 1,4 до 1,7 млн. чел. Основным источником пополнения рабочих совхозов являлось колхозное крестьянство.⁴⁶³

Во второй половине 40-х - начале 50-х годов работа на колхозных полях все больше напоминала трудовую повинность государству. В этом вопросе совпадают точки зрения большинства современных исследователей.⁴⁶⁴ Колхозы не могли обеспечить крестьян необходимым прожиточным минимумом продуктов, что заставляло людей усиливать затраты труда в личных хозяйствах. В то же время государство всячески препятствовало попыткам сельских жителей расширять производство на приусадебных участках, постоянно увеличивало натуральный налог. В соответствии с принципами марксизма труд на частной земле считался несоциалистической формой производства. Поэтому дискуссии о личных хозяйствах оставались в центре внимания аграрников на протяжении первых послевоенных десятилетий.⁴⁶⁵ Противоречивость оценок можно объяснить двумя

⁴⁶³ Зеленин И.Е. Совхозы СССР. 1941-1950 гг. М. 1969. С. 192-193.

⁴⁶⁴ Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М. 1992; Димони Т.М. Социальный протест в колхозной деревне. 1945-1960. Вологда. 1996; Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946-1953 гг. Тамбов. 2000. С. 193.

⁴⁶⁵ Шмелев Г.И. Распределение и использование труда в колхозах. М. 1964; Фуров В.Г. Забота КПСС о повышении благосостояния и культур-

причинами: двойственным характером использования доходов от личных наделов и непоследовательной идеологической политикой государства. В условиях колхозно-совхозной системы хозяйствования подсобное хозяйство крестьян действительно имело двойственный характер, пополняя продовольственные запасы страны, но отвлекая крестьянство от общественного производства, воспитывая трудовые навыки у детей, но ограничивая свободное время у взрослых.

Политика государства в отношении личного хозяйства крестьян нашла отражение в положениях Устава сельскохозяйственной артели 1935 г., в постановлении ЦК ВКП (б) «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» (май 1939 г.), в постановлении СМ СССР и ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели» (сентябрь 1946 г.), ряде других документов. В большинстве из них говорилось о низкой эффективности и временности личных подсобных хозяйств, постепенном их отмирании. Примечательно, что с каждым годом власть становилась все нетерпимее к частной собственности в деревне. Наиболее преданные идеологии марксизма-ленинизма руководители считали, что приусадебные участки задерживают приближение коммунизма.

В первые послевоенные годы судьба крестьянских наделов зависела главным образом от реализации постановления Совета министров СССР и ЦК ВКП (б) «О мерах по ликвидации

ного уровня колхозного крестьянства. М. 1960; Шмелев Г.И. Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. М. 1971; Дьячков И.В. Общественное и личное в колхозах. М. 1968; Белянов В.А. Личное подсобное хозяйство при социализме. М. 1970; Макарова И.В. Подсобное хозяйство колхозников. М. 1973 и др.

нарушений Устава сельскохозяйственной артели» (сентябрь 1946 г.).⁴⁶⁶ В нем речь шла о том, что за годы войны расширились приусадебные участки за счет земель колхозов. Растаскивалась колхозная собственность, а колхозники неоправданно много времени и труда уделяли подсобному хозяйству, своим огородам, увлекались торговлей на рынке.

Как это часто практиковалось в советские годы, позиция партийного руководства была научно обоснованна в исторических исследованиях. Так, Д.В. Лосев привел ряд примеров, подтверждающих, что работа на приусадебных участках мешает колхозникам полностью сосредоточиться на подъеме общественного хозяйства.⁴⁶⁷ В Курской, Орловской, Воронежской и Тамбовской областях было обнаружено около 100 тыс. случаев незаконного использования земель. Характерен вывод его работы: «Как правило, колхозники, не выполнявшие минимума трудодней или не работавшие в колхозах, имели сравнительно большие приусадебные участки, размер которых достигал от 0,4 до 1 гектара, а также имели в личном хозяйстве коров, овец, птицу в количестве, превышающем уставные размеры. Вполне понятно, что такое подсобное хозяйство не могло не отвлекать трудоспособных колхозников от работы в общественном хозяйстве и являлось одной из причин невыполнения ими минимума трудодней».⁴⁶⁸ Считалось, что недобросовестное отношение к общественному труду, расширение личных участков сверх ус-

⁴⁶⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференциях и Пленумах ЦК. Т.8. М. 1954. С.55-61.

⁴⁶⁷ Лосев Д.В. Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за развитие сельского хозяйства. (1945-1964 гг.). 1965. С. 29-32.

⁴⁶⁸ Там же. С. 39-40.

тановленных размеров происходит при попустительстве некоторых руководителей колхозов.

И все же, несмотря на меры власти, в послевоенный период наблюдается значительное расширение приусадебных участков колхозников. Во многом это была вынужденная мера, поскольку личные посевы зерновых и картофеля возмещали колхозникам то, что недодавало государство. Еще в 1940-1945 гг. посадка зерновых культур на приусадебных участках колхозников расширилась с 0,9 до 1,6 млн. га. Примечательно, что в единоличных хозяйствах ситуация была прямо противоположной: посевы зерновых в 1940 г. составили 9,9 млн. га, а в 1945 г. - 8,2 млн. га, что можно объяснить особенностями налоговой политики того времени. В послевоенный период площади зерновых в личных хозяйствах колхозников возросли до 1,8 млн. га, тогда как в пользовании единоличников осталось к 1951 году лишь 0,25 млн. га.⁴⁶⁹

Исследователь послевоенного аграрного развития И.М. Волков в 1972 г. произвел анализ динамики поголовья скота в хозяйствах колхозников СССР за 1941-1951 гг., из которой видно, что «довоенное количество скота в личном пользовании колхозников к концу пятилетки не было достигнуто».⁴⁷⁰ Из этого следовало, что: «Основную часть продуктов животноводства колхозная семья получала, как и до войны, от собственного скота».⁴⁷¹ Причем, эта доля в 1950 г. составляла по мясу 85,3 %, по яйцу - 95,6 %.

⁴⁶⁹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 60. Д. 9872. Л. 162. - 236.

⁴⁷⁰ Волков И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. 1972. С. 268.

⁴⁷¹ Там же. С. 266-267.

Вопрос о роли подсобных хозяйств в формировании доходов колхозной семьи подробно рассматривался на межвузовской научной конференции аграрников в г. Калинин (1968 г.). Исследователь В.Б. Островский тогда привел следующую статистику: в 1950 г. в среднем семья получала от личных хозяйств 589 кг картофеля, 62 кг овощей, 18 кг мяса, 225 л молока в расчете на одного человека, что составляло примерно 80-95 % всего прихода. Денежные доходы от реализации продуктов составляли 45,3 % денежного прихода. В 1953 г. доходы от приусадебных участков и частного скота составляли 45,7 % совокупного дохода колхозников РСФСР.⁴⁷² Из приведенных данных следует, что послевоенная деревня существовала главным образом за счет продукции крестьянского подворья. Поэтому, несмотря на то, что личные хозяйства не укладывались в рамки вертикали управления сельским хозяйством, руководство было вынужденно с ними считаться.

Важной вехой на пути власти к централизации управления сельским хозяйством стало создание в сентябре 1946 года Совета по делам колхозов при Правительстве СССР. В постановлении указывалось, что задача Совета заключается в контроле за соблюдением устава сельскохозяйственной артели, ограждении колхозов от правонарушений, разрешении вопросов колхозного строительства.⁴⁷³ Интерес представляет специальное

⁴⁷² Островский В.Б. Личное подсобное хозяйство и его роль в экономике колхозной семьи (1936-1964). // Тезисы докладов Межвузовской научной конференции по проблеме историко-социологического исследования жизни села. Калинин. 1968. С. 121.

⁴⁷³ Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917-1957 гг. Сб. документов. Т. 3. М. 1957. С. 97.

положение о Совете, утвержденное СМ СССР в октябре 1946 г., в котором конкретизировались задачи, права и обязанности нового органа. Согласно Положению Совет должен был не только следить за правильным распределением доходов в колхозах, но и ограждать их от злоупотреблений местных работников, что позволяет сделать вывод о стремлении власти еще больше ограничить возможности местного самоуправления. Об этом говорит и полученное Советом право регулировать внутреннюю жизнь колхозов. Представители Совета на местах могли давать обязательные для региональных органов указания о немедленной ликвидации выявленных нарушений устава и законов о колхозном строительстве, привлекать к ответственности лиц, виновных в нарушениях.⁴⁷⁴

Усиление вертикали государственной власти в сельском хозяйстве наиболее отчетливое выражение получило в системе планирования. В годы войны планирование колхозного производства отличалось значительной централизацией, что было оправданным и понятным населению. Государству было необходимо иметь гарантию получения определенного количества продуктов питания и сырья, для чего устанавливались максимальные размеры посевов и поголовья скота. Однако централизм в планировании сельского хозяйства сохранился и в послевоенный период.

Для трудящихся масс пятилетние планы символизировали нечто большее, чем правительственное задание на пять лет.

⁴⁷⁴ Правда. 23 октября 1946 г. См.: Островский В.Б. Личное подсобное хозяйство и его роль в экономике колхозной семьи (1936-1964). // Тезисы докладов Межвузовской научной конференции по проблеме историко-социологического исследования жизни села. Калинин. 1968. С. 121.

Средства информации, партийные, комсомольские, профсоюзные организации изо дня в день «внедряли» в общественное сознание историческую значимость пятилеток. В итоге, массово-политическая работа с населением, а так же административно-приказная система управления сумели создать атмосферу обязательного и повсеместного выполнения плана «любой ценой». Срыв плановых заданий мог повлечь за собой не только суровые административные наказания, но и обвинения в сознательном вредительстве социалистическому хозяйству.

Формально планирование колхозного производства началось снизу. Ежегодно колхозы должны были разрабатывать и представлять в районные сельскохозяйственные органы основные показатели своей производственной деятельности на следующий год. На их основе составлялись планы для районов, областей и республик. Однако в предложения колхозов на различных ступенях вертикали власти вносились существенные коррективы, при этом областные планирующие органы не запрашивали мнений колхозного и районного руководства. Таким образом, государственный план развития сельского хозяйства, формально предложенный «снизу», утверждался правительством и доводился местным организациям и колхозам.

Февральский (1947 г.) Пленум ЦК ВКП (б) предложил восстановить с 1947 года порядок планирования посевных площадей по каждой культуре в отдельности, что значительно ограничило инициативу колхозников. В апреле 1947 года это решение Пленума получило силу закона в постановлении СМ СССР «О порядке планирования посевов зерновых культур в колхо-

зах».⁴⁷⁵ Согласно документу, установлением обязательных планов по каждой культуре делалась попытка «определить правильное соотношение отдельных зерновых культур в посевах».⁴⁷⁶ Закономерен вопрос, что понималось под «правильным соотношением». Фактически государство стремилось регламентировать сборы зерновых, прежде всего основных культур - пшеницы и ржи, за счет менее ценных, которые занимали большой удельный вес в заготовках зерна и охотнее сдавались колхозниками. Предполагалось уже к 1947 г. получить от колхозов ржи и пшеницы до 73 % всех обязательных поставок зерновых, вместо 68 % в 1946 г.⁴⁷⁷

Частым явлением стало распределение планов по колхозам без учета их энергетических ресурсов и обеспеченности рабочей силой. Явно завышенные показатели ежегодных планов, не соответствовавшие реальным возможностям хозяйств, вытекали из грандиозного плана четвертой пятилетки. Исходя из первоначального замысла первой послевоенной пятилетки, предполагалось к 1950 г. выдавать крестьянам 5 кг хлеба за каждый выработанный трудодень, хотя даже в лучшие довоенные годы средняя выдача зерновых на трудодень редко превышала 2 кг.⁴⁷⁸

⁴⁷⁵ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. 1917-1957 гг. Сб. документов. М. 1957. С. 194.

⁴⁷⁶ Там же.

⁴⁷⁷ Сборник руководящих материалов по колхозному строительству. М. 1948. С. 186.

⁴⁷⁸ Вылцан М. Колхозный строй накануне Великой Отечественной войны // История СССР. 1962. № 1 . С. 47.

Нереальность поставленных задач вынуждала пересматривать показатели планов уже в ходе сельскохозяйственных работ. Ежегодно в Совет по делам колхозов, министерство сельского хозяйства, областные и районные организации приходили сотни жалоб и просьб колхозов об уменьшении плановых задач. Жалобы колхозов, как правило, удовлетворялись за счет соответствующего перераспределения заданий между отдельными хозяйствами района. Однако даже после этого, особенно в многоземельных колхозах, планы оставались исключительно напряженными. Их выполнение чаще зависело от усилий администрации, нежели заинтересованности колхозников. Министр сельского хозяйства Бенедиктов вынужден был признать, что руководство, «часто не зная истинного положения дел на местах, пытается регламентировать из центра все стороны деятельности местных сельскохозяйственных органов, МТС и колхозов, и давать такие указания, в которых на местах не нуждаются».⁴⁷⁹ Централизация аграрной экономики порождала неизбежную бюрократизацию органов управления. Составление отчетов и инструкций занимало больше времени, нежели конкретная работа по оказанию помощи колхозам. В газете «Правда» от 28 сентября 1949 года отразился тот факт, что некоторые специалисты Новосибирского управления сельским хозяйством больше года не были в колхозах, оторвались от них. Несмотря на то, что подобные случаи логично вытекали из всей политики партии в деревне, советское руководство на февральском (1947 г.) Пленуме ЦК ВКП (б) «решительно осудило» методы администрирования и извращение линии партии в

⁴⁷⁹ Всесоюзное совещание работников МТС, созванное ЦК КПСС и СМ СССР. Материалы совещания. М. 1954. С. 45.

колхозном строительстве.⁴⁸⁰ Однако, ожидаемого эффекта не произошло. Критика бюрократизма, администрирования, отрыва от колхозов и бумаготворчества, развернувшаяся на страницах «Правды»⁴⁸¹ не могла изменить сущности системы. Она сама являлась ее частью.

Забота о материальном достатке основных слоев населения не была приоритетной задачей правительства, так как во второй половине 40-х годов основная доля национального бюджета уходила на реализацию военных программ, на противостояние с ведущими в техническом плане державами Запада. Известный историк Н.Н. Яковлев приводит пример, насколько обеспокоен был министр здравоохранения Е.И. Смирнов тяжелым положением в снабжении больниц лекарствами. Сталин, узнавший об этом, спокойно отметил: «Смирнову, по должности знавшему о разработке ядерного оружия, не подобало не понимать, куда идут средства».⁴⁸² Сразу же после войны в районе закрытого города Красноярск-26, под руководством Л.П. Берия, началось сооружение подземного горно-химического комбината для производства оружейного плутония. О размахе стройки говорит тот факт, что из таежных сопок «вынули грунта больше, чем при прокладке московского метро».⁴⁸³ Историки и широкие слои общественности стали узнавать о масштабах военных

⁴⁸⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Ч. III. изд. 7. М. 1954. С. 504.

⁴⁸¹ Правда. 12 марта 1947 г.; 6 мая 1948 г.; 10 сентября 1949 г.; 28 сентября 1949 г.

⁴⁸² Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М.: Правда. 1983. С. 19.

⁴⁸³ Российская газета. 1994. 3 августа.

проектов и их цене только в начале 90-х годов, когда открылись недоступные ранее архивные фонды.

Основными регионами строительства секретных военных объектов стала Сибирь и Урал. В начале июля 1948 года был введен в действие первый советский ураново-графитный реактор на комбинате Челябинск-40, строительство которого осуществлялось весьма стремительно. Для того чтобы представить масштабы строительных работ, достаточно отметить, что при закладке фундаментов производственных помещений было вынуто 190 тыс. куб. метров грунта (в основном скальные породы), уложено 82 тыс. куб. метров бетона, 6 тыс. куб. метров кирпича. На объекте было смонтировано 5 тыс. тонн металлоконструкций, 230 км трубопроводов. Разумеется, в условиях секретности и действия государственной тайны население СССР не имело представлений о колоссальных размерах военных затрат.

Далеко не случайно один из разделов монографии А.А. Данилова и А.В. Пыжикова о послевоенном СССР получил название «Военные приоритеты мирной экономики». Авторы полагают, что у советского руководства было достаточно оснований для интенсивного финансирования ВПК. По рассекреченным сейчас документам хорошо известно, что сразу же после окончания Второй мировой войны американское военное командование и объединенный комитет начальников штабов стран НАТО разрабатывал варианты плана военной агрессии против СССР. Боевые действия предполагалось вести с применением ядерного оружия и больших масс войск. Это планы под названием «Тоталиту» (1945 г.), «Троуджэн» (1948 г.), «Троян», «Дропшот» и «Оффтекл» (1949 г.). В результате ряда успешных операций советской внешней разведки Сталин был осведомлен

о планах стран НАТО, что и определило пропорции в финансировании военных проектов СССР.⁴⁸⁴

20 августа 1945 года при ГКО был образован Специальный комитет управления атомной промышленностью. В его состав вошли: Л.П. Берия (председатель), Г.М. Маленков, Н.А. Вознесенский, Б.Л. Ванников, А.П. Звениягин, И.В. Курчатов, П.Л. Капица, В.А. Махнеев и М.Г. Первухин. О значимости ядерного проекта говорит масштаб политических и научных деятелей, ответственных за его реализацию. Большинство членов комитета имели опыт создания промышленности в годы Великой Отечественной войны. Поэтому при организации работ использовались методы управления военного времени, была создана атмосфера абсолютной секретности. Непосредственное участие в руководстве созданием ядерного оружия первых лиц государства стало еще одной причиной колоссальных размеров затрат. На самом высоком политическом уровне была осознана необходимость дать свободу творчества ученым в области физики и естественных наук. В целях экономии времени научный руководитель Уранового проекта И. Курчатов использовал практику проведения исследований одновременно несколькими организациями. В конечном итоге удалось достигнуть более высоких результатов в кратчайшие сроки. В своих воспоминаниях С. Берия отметил, что все ученые, задействованные в проекте, получили огромные материальные вознаграждения, автомобили, для них были построены дома.⁴⁸⁵

⁴⁸⁴ Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М.: Росспэн. 2001. С. 114-115.

⁴⁸⁵ Берия С. Мой отец – Лаврентий Берия. М. 1994. С. 283.

В конце 40 – начале 50-х годов происходило жесткое противостояние СССР и США в области вооружений. В военные исследования и разработки в этот период было вовлечено, по меньшей мере, 20 % всех дипломированных ученых и специалистов. На военную науку в СССР направлялось от 5 до 10 % основных видов сырья (для минерального сырья эти показатели были гораздо выше), 5-6 % мирового потребления нефти. Затраты на военные цели достигли уровня, когда они уже стали сравнимы с материальным ущербом от прошлых мировых войн.⁴⁸⁶ Но о размахе развития военно-промышленного комплекса советские люди знать не могли.

В послевоенный период был заложен основной фундамент военного противостояния будущего времени. В дальнейшем, середина 50-х годов стала переломным моментом в формировании современной экономики вооружений. Н.С. Хрущев угадал в предложении Королева опередить американцев в запуске искусственного спутника Земли большой психологический и пропагандистский эффект.⁴⁸⁷ Располагая эффективным оборудованием, чем американцы, что проявилось в последующее десятилетие во время «гонки к Луне», группа Королева в течение нескольких десятилетий сумела поддерживать первенство СССР в космосе. Но успехи Королева и его сотрудников не означали, что СССР ликвидировал техническое и экономическое отставание. Даже советские ракеты, по мнению итальянского историка Дж. Боффа, - не имели превосходства над американскими, как могло показаться после первых космических стар-

⁴⁸⁶ Фармазян Р.А. Издержки сверхвооруженности и эффект конверсии // Драма обновления. М. 1990. С. 196.

⁴⁸⁷ Асташенков П. Академик Королев // Москва. 1969. № 12. С. 167.

тов.⁴⁸⁸ Уже из заявлений Н.С. Хрущева было заметно, что советские руководители несколько переоценивали новое оружие.⁴⁸⁹

Советские руководители не могли игнорировать того факта, что общее соотношение сил между СССР и США еще долго оставалось не в пользу нашего государства. Из ракетного кризиса на Кубе (1962 г.), где СССР столкнулся с американской военной мощью на далекой территории, когда неравенство сил в пользу противника было подавляющим, новые советские руководители (Л.И. Брежнев, А.Н. Косыгин) сделали вывод о необходимости выделения дополнительных крупных средств для совершенствования вооружений.⁴

Не увеличиваясь в количественном отношении, продолжали качественно совершенствоваться наземные части, авиация, силы противовоздушной обороны.⁴⁹⁰ В своих воспоминаниях президент США Р. Никсон отмечал, что Брежнев в начале 70-х годов «мог позволить себе вести переговоры более спокойно», чем Хрущев, ибо «равновесие сил было достигнуто», так как был «преодолен разрыв на решающем участке развития и мощи ядерного оружия».⁴⁹¹ В Советском Союзе в течение длительного времени не публиковались реальные сведения о во-

⁴⁸⁸ Боффа Дж. История Советского Союза. В 2-х томах. Т. 2. М. 1990. С. 468-469.

⁴⁸⁹ Хрущев Н.С. За прочный мир и мирное существование. М. 1956. С. 262-263.

⁴⁹⁰ Малиновский Р.Я. Выступление на XXIII съезде КПСС // XXIII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 1. С. 411.

⁴⁹¹ Цит. по: Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964-1994. М. 1996. С. 31.

енном бюджете, говорилось лишь о 17 млрд. рублей. Значительная часть военно-экономической информации была засекречена.

Для Советского Союза во второй половине 40-х годов существовало два пути разрядки международной напряженности. Это создание военно-промышленного (ядерного) паритета с капиталистическими странами, либо коррекция государственной идеологии. Поскольку второй путь был принципиально неприемлем для руководителей, воспитанных на идеалах революции и гражданской войны, послевоенное историческое развитие характеризовалось крайне жесткой социально-экономической политикой. Только такой курс мог обеспечить необходимые темпы роста ВПК.

О том, что именно Сталин распределял пропорции в расходах на военные проекты, сомневаться не приходится. Неслучайно, начиная с весны 1953 г. произошла ощутимая смена экономического курса в сторону развития гражданских отраслей промышленности, в том числе производства товаров народного потребления. Об этом Г.М. Маленков заявил уже 15 марта 1953 года на четвертой сессии Верховного Совета СССР. Однако руководители эпохи «развитого социализма» оставались людьми сталинского времени, что особенно отчетливо проявлялось в аграрной политике второй половины 50-х - начале 60-х гг. Значительное снижение сельскохозяйственного налога в августе 1953 года, прозванное в народе «маленковским», в скором времени сменилось аграрным волюнтаризмом Н.С. Хрущева. В любом случае, оживление политической жизни после смерти Сталина свидетельствовало о поиске альтернативных путей в

экономическом развитии. Советское общество стояло на пороге новой эпохи.

В заключение раздела уместно подвести основные итоги экономической политики советского правительства в послевоенный период.

Победа над гитлеровской Германией досталась советскому государству дорогой ценой. Прямой экономический ущерб, причиненный немецко-фашистской агрессией, составил не менее 679 млрд. руб. в ценах 1940 г. Это вдвое больше, чем было вложено в народное хозяйство за все довоенные пятилетки вместе взятые. Совокупный материальный ущерб, нанесенный войной РСФСР, составлял более трети общесоюзной суммы убытка. Мировая история не знает других подобных примеров военного ущерба, нанесенного какой-либо стране. О масштабе катастрофы свидетельствует тот факт, что на территории РСФСР было уничтожено почти 500 городов и рабочих поселков. Более 11-ти миллионов человек, лишившихся крова, ожидало социальной помощи правительства.

Однако, вопреки интересам населения, руководство страны и после победы основное внимание уделяло решению военно-стратегических, а не социальных задач.

Автор делает вывод, что после победы в Великой Отечественной войне в СССР сложился политический курс, направленный на еще большее укрепление вертикали государственной власти, стабилизацию финансовой системы и повышение уровня эксплуатации рабочих масс.

Одним из способов извлечения денежных средств у населения стала финансовая реформа 1947 года, совпавшая по времени с отменой карточной системы. Исследование показа-

ло, что в целом реформа значительно снизила уровень народного потребления. В течение года товары придерживались, а после обмена денег их выбросили на рынок, но уже по новым ценам. Сработал эффект показного «изобилия» за счет снижения покупательной способности населения. Кроме этого, реформа существенно повысила роль государства в экономической жизни страны, поскольку в результате произошло уменьшение роли рыночных доходов не только городского, но и сельского населения. В соответствии с этим выросло значение заработной платы и других доходов, получаемых гражданами непосредственно от государства.

Автор делает вывод, что едва ли не основной причиной низкого уровня жизни людей являлся государственный приоритет промышленной группы «А» (средства производства для тяжелой индустрии) над группой «Б» (средства производства для легкой промышленности). Экономическое благосостояние общества в послевоенный период было напрямую связано с формированием этой пропорции.

Наконец, забота о материальном достатке основных слоев населения не была приоритетной задачей правительства, так как во второй половине 40-х годов основная доля национального бюджета уходила на реализацию военных программ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертации показаны основные принципы, цели и задачи социальной политики советского государства, разработка которой осуществлялась в узких кругах ближайшего окружения И.В. Сталина.

Автор обосновывает вывод о том, что в соответствии с представлениями высшей партийно-государственной элиты СССР, социально-экономическая модель строящегося социализма была ориентирована на первоочередное развитие производства средств производства, развитие тяжелой индустрии, экономическую конкуренцию с развитыми странами Запада. В данной связи производство предметов потребления представляло остаток, минимально необходимый для существования производственной сферы. Несоответствие между производством и потреблением, а точнее, стремление государства создать производство почти без потребления - представляло собой наиболее слабое звено советской социальной политики.

Проведенный в работе анализ показал, что значительная часть работающего населения страны относилась к малообеспеченным слоям. Характерными чертами социальной действительности 1929-1953 гг. была низкая, а часто и совсем недостаточная для существования оплата труда, плохое питание, тяжелая работа, которую нельзя было оставить по собственному желанию. Иерархия в потреблении в целом соответствовала приоритетам, провозглашенным государством для успешного построения социалистического общества. Как показывают современные исследования, система централизованного снабжения сложилась в СССР уже в годы первых пятилеток. Именно

тогда произошло деление работающего населения на занятых тяжелым и легким физическим трудом, на работающих в ведущих отраслях промышленности (и приравненных к ним производствах) и во вспомогательных, развилась система привилегий для номенклатуры, в особое положение попали кадровые работники силовых структур – армии и министерства внутренних дел. Вместо принципа социальной справедливости советскую иерархию потребления определял принцип «производственной необходимости» человека делу социалистического строительства.

Советское законодательство, начиная с Конституции страны, во многом имевшей декларативный характер, далеко не всегда соответствовало реально проводимой советским правительством социальной политике. В частности, в первой Конституции РСФСР 1918 г. в области социальной политики декларировалось достижение «всеобщего равенства граждан республики в области производства и распределения богатств», а в Конституции СССР 1936 г. утверждалось, что социалистическая система хозяйства покоилась на отмене частной собственности и уничтожении эксплуатации человека человеком. В действительности, как показало исследование, вслед за ликвидацией так называемых «эксплуататорских классов», последовала политика полного подчинения трудящихся всех категорий государству, бюрократический аппарат которого превратился в монополиста эксплуатации советских рабочих и колхозного крестьянства.

Особенность проводимой партийно-государственным руководством политики состояла в том, что в условиях интенсивной работы карательной системы население страны не имело

возможности открыто выражать свое социальное недовольство. Более того, с опорой на карательные органы часто осуществлялась политика внеэкономического принуждения к труду. В частности, с середины 1930-х гг. силовые структуры стали усиленно бороться с «враждебными и отсталыми элементами», которые якобы «пытались дискредитировать и задержать стахановское движение». В отчете Верховного Суда СССР за 1935 г., отмечалось, что «в ряде мест дезорганизаторам стахановского движения был нанесен суровый удар. Однако, наряду с этим, обнаружено много случаев... недостаточно эффективной репрессии к прямым врагам стахановского движения». Во второй половине 1930-х гг. НКВД проводит ряд операций по вскрытию «вредителей народного хозяйства» в различных отраслях промышленности, что, безусловно, создавало серьезную напряженность в обществе.

Однако, как показало исследование, государству не всегда удавалось переламывать ситуацию в свою пользу исключительно внеэкономическими мерами. Даже в непростых условиях полного государственного контроля экономические рыночные законы действовали, хотя и в сжатом, искаженном виде. Подтверждением этого служит проведенный в работе анализ динамики рыночной торговли. Государство стремилось воспрепятствовать деятельности частных торговцев, что являлось концептуальной основой проводимой властью социально-экономической политики. Согласно действовавшему законодательству, скупка хлеба и продуктов, облагалась промысловым налогом. Однако налоговые органы не всегда могли уследить за действиями частных торговцев, чьи услуги пользовалась большим спросом. Всякий раз официальным органам приходилось

констатировать, что заменить хозяйственно-полезную функцию частного как проводника товара не удастся ни кооперации, ни госторговле.

Основой социальной стратегии власти являлась неравномерность распределения национального дохода между различными категориями населения. Не случайно основные материальные затруднения на протяжении всего исследуемого периода испытывали промышленные рабочие и крестьяне. Исследование показало, что уровень жизни государственных чиновников и партийных работников оказался значительно выше, чем простых граждан. Относительно высоким был уровень жизни военнослужащих, которые имели весомые по тем временам социальные гарантии государства. В послевоенный период 306,4 тыс. офицеров и 543,5 тыс. человек из семей офицеров получали пенсию министерства вооруженных сил. Размер офицерской пенсии не превышал 900 руб., но если сравнить его со среднемесячным заработком рабочего или служащего, то это была очень высокая сумма. Пособия и пенсии полагались также семьям военнослужащих в связи с призывом в армию или гибелью кормильца семьи. Таких летом 1946 г. насчитывалось 6,7 млн. человек, из которых проживало в городах и рабочих поселках 2,5 млн. человек. Размер городских пособий колебался в пределах 100 - 250, пенсий - 50 - 300 руб. Льготы военнослужащих позволяют говорить о сохранении и в послевоенный период милитаристского характера государства.

Таким образом, в работе удалось показать, что власть в процессе разработки и реализации социальной политики руководствовалась преимущественно военно-стратегическими, а не социальными интересами. Забота о материальном достатке ос-

новых слоев населения не была приоритетной задачей правительства, так как в 1929-1953 гг. основная доля национального бюджета уходила на развитие тяжелой индустрии и реализацию военных программ, на противостояние с ведущими в техническом плане державами Запада.

Особо автор выделяет зависимость уровня жизни и быта советского населения от проводившейся правительством в эти годы политики индустриализации и коллективизации. Исследование показало, что в условиях «индустриального рывка» руководство партии и правительства стремилось свести к минимуму методы экономического стимулирования, что существенным образом сказалось на уровне народного потребления. Чтобы заставить людей делать невыгодную и зачастую неинтересную работу создатели новой системы производственных отношений, наряду с пропагандистскими кампаниями, важнейшим методом руководства экономикой страны избрали метод принуждения. Стремление непомерно увеличить темпы индустриализации породило командный стиль управления, волюнтаризм, достижение целей любой ценой, что также привело к комплексу неблагоприятных социальных последствий. В период индустриализации непродуманные действия политического руководства страны, скороспелые решения, непомерно высокие темпы роста промышленности приводили к срывам, авариям, снижению качества продукции и, в конечном итоге, к социальному недовольству, которое усиливалось по мере снижения качества жизни.

Низкий уровень жизни, как показано в работе, способствовал стремительному развитию таких социальных язв советского общества как воровство и пьянство. Рост воровства стимулировали не только тяжелые последствия форсированной индуст-

риализации и сплошной коллективизации, но и сам факт наличия социалистической собственности, являющейся и общей, и ничьей. Ответной мерой власти стало принятие 7 августа 1932 г. постановления «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», известное в народе как «закон от седьмого-восьмого». Анализ социальных последствий ужесточения уголовного законодательства показал, что от этого страдали преимущественно малообеспеченные слои населения, тогда как хищения госсобственности в особо крупных размерах не только сохранилось, но к середине 1930-х гг. даже возросло.

Особое внимание в работе уделено социальным последствиям коллективизации. Автор отмечает, что введение в 1928 г. чрезвычайных мер по отношению к деревне, резкое снижение государственных цен на зерно, ограничения на поставку товарного крестьянского хлеба на рынок, привело не только к уменьшению посевных площадей и сокращению хлебозаготовок, но и, соответственно, к снижению уровня и качества жизни сельского населения. При этом руководство страны видело «единственный корень трудностей» в накоплении в крестьянских хозяйствах большего количества денежных средств и в возможности крестьянина «купить больше, чем раньше». Стремясь монополизировать рынки, государство пошло на запрещение коммерческой торговли. С конца 1920-х – начала 1930-х гг. на продавцов налагался штраф, изымался приобретенный ими товар, применялось уголовное преследование. В работе сделан вывод о том, что неизбежным последствием подобной политики стал распад рынка на дефицитный официальный и спекулятивный

теневой. С этого времени начинается расцвет спекуляции, раскол и противостояние в обществе, хотя отдельные руководители, особенно на местах, понимали, что «регулировать цены на зерно кабинетным путем нельзя».

Автором проведен анализ социальных последствий введения на рубеже 1920-1930-х гг. во всех городах СССР карточной системы снабжения, которая серьезно осложнила и без того непростое материальное положение трудящихся. Помимо хлеба нормированное распределение коснулось сахара, масла, мяса, чая и других продуктов. Стали опять популярны не только методы, но и взгляды времен «военного коммунизма». При этом, свертывание товарно-денежных отношений в советской печати трактовалось как важный шаг на пути к коммунизму.

Деформация социальной политики государства проявилась и в отсутствии четкой организации снабжения населения промышленными товарами. В сущности, эти трудности были преодолимы путем разумной, сбалансированной политики цен, но для сталинского окружения это значило «поступиться принципами», на что, конечно, оно не могло пойти. Сформировавшаяся к середине 1930-х гг. колхозная система дала власти возможность решать две наиболее существенные задачи: изымать практически безвозмездно сельскохозяйственную продукцию и установить тотальный контроль над хозяйственно-бытовой, социальной, а порой и частной жизнью крестьян.

Автором показано, что начавшаяся новая мировая война, угроза которой витала в воздухе еще в конце 1930-х гг., заставила советское партийно-государственное руководство еще более ужесточить принципы социальной политики, способствовать

стремительному перераспределению материальных фондов в сферу тяжелой промышленности и военного производства.

В работе автор подчеркивает, что обладая огромными, по сути, безграничными и бесконтрольными полномочиями, правительство с первых дней войны сумело оперативно включить в решение поставленных задач значительные слои советского населения. Анализ мобилизационных мероприятий государственных органов власти на всех уровнях убедительно это подтверждает. Вместе с тем жесткая регламентация и перераспределение трудовых ресурсов в таких условиях превратились в фактор, непосредственно влиявший на социальное положение населения. Архивные материалы свидетельствуют о стремительном падении общего уровня жизни, особенно городского населения, не имевшего приусадебных участков. Повышение цен в период 1941-1945 гг., особенно на товары широкого потребления, сопровождалось падением физического объема произведенной продукции ниже довоенного уровня. По данным ЦСУ СССР, с 1940 г. по 1945 г. среднегодовой объем денежной массы в обращении вырос почти в три раза (с 23,9 млрд. руб. до 69,5 млрд. руб.). При этом розничный товароборот сократился почти в полтора раза, что говорит о снижении покупательской способности населения. Прямой экономический ущерб, причиненный немецко-фашистской агрессией, составил не менее 679 млрд. руб. в ценах 1940 г. Это вдвое больше, чем было вложено в народное хозяйство за все довоенные пятилетки вместе взятые.

Если в довоенный период социальная политика партии и правительства казалась населению «чрезвычайной», то после начала войны жесткие меры власти воспринимались обществом

как вполне оправданные. Чтобы обеспечить рабочими кадрами военную промышленность и связанные с ней отрасли, требовалось, во-первых, в срочном порядке перераспределить оставшиеся трудовые ресурсы, а с другой стороны, вовлечь новые слои населения в производство. В этих целях в конце июня 1941 г. при Совнаркоме СССР был образован специальный комитет по распределению рабочей силы. Были решены вопросы о режиме работы предприятий. В конце июня 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», по которому вводились обязательные сверхурочные работы и отменялись отпуска. Это позволило примерно на треть поднять загрузку производственных мощностей, не увеличивая численности рабочих и служащих. С конца июля 1941 г. правительство СССР в оборонных целях предоставило право местным органам власти при необходимости переводить рабочих и служащих на работу в другие предприятия, независимо от их ведомственной принадлежности. В результате, уже с июля 1941 г. до января 1942 г. за счет перевода с предприятий местных отраслей промышленности и мобилизации населения было направлено для работы в оборонную промышленность и на транспорт более 120 тыс. человек. Кроме того, из числа военнообязанных непригодных к строевой службе формировались строительные батальоны и рабочие колонны. Только во второй половине 1941 г. в них было мобилизовано более 700 тыс. человек.

В работе дана высокая оценка социально-экономическим мероприятиям власти, направленным на оперативное привлечение к производству новых трудовых ресурсов. В феврале 1942 г. был принят Указ Президиума Верховного совета СССР

«О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и на строительстве», который допускал мобилизацию неработающих мужчин от 16 до 55 лет и женщин от 16 до 45 лет. Был принят также специальный Указ «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Самовольный уход приравнивался к дезертирству из армии. Автор отмечает, что благодаря этим мерам, удавалось сравнительно быстро решить вопросы обеспечения оборонных отраслей необходимым количеством рабочих кадров.

В работе проведен анализ социальных последствий политики эвакуации промышленных предприятий с оккупированных территорий страны на Восток, при этом автор подчеркивает продуманность и слаженность проведения комплекса данных мероприятий. В конце июня 1941 г. Правительство СССР приняло специальное постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества», в котором указывалось, что в первую очередь следует эвакуировать промышленное оборудование, сырьевые и продовольственные ресурсы. Квалифицированных рабочих, инженеров и служащих предписывалось эвакуировать вместе с предприятиями. Проведенный анализ показал, что люди с пониманием и доверием отнеслись к политике партии и правительства, проводимой в тылу, стремились своим трудом

Один из основных выводов диссертации состоит в том, что именно за счет энтузиазма широких слоев советских тружеников удалось не только обеспечить материально-технический базис победы над фашизмом, но и уже на заключительном эта-

пе войны частично восполнить колоссальные потери национального дохода.

В исследовании отмечается, что преодоление тяжелых последствий войны осуществлялось преимущественно внеэкономическими методами, вне зависимости от повышения благосостояния граждан страны.

Эффективным средством извлечения денежных средств у населения стала финансовая реформа 1947 г., совпавшая по времени с отменой карточной системы. Исследование показало, что в целом реформа значительно снизила уровень народного потребления. В течение года товары придерживались, а после обмена денег их выбросили на рынок, но уже по новым ценам. Сработал эффект показного «изобилия» за счет снижения покупательной способности населения. Кроме этого, реформа, в соответствии с замыслом ее авторов, существенно повысила роль государства в экономической жизни страны, поскольку в результате произошло уменьшение роли рыночных доходов не только городского, но и сельского населения. В соответствии с этим выросло значение заработной платы и других доходов, получаемых гражданами непосредственно от государства. Автор показывает, что из всех подготовленных финансовыми органами вариантов реформы руководство страны выбрало именно тот, который в наибольшей степени позволил осуществить конфискацию денежных накоплений населения.

Исследование показало, что размеры заработной платы для большинства городских кадров после войны оставались крайне низкими. Учитывая уровень цен в те годы, автор делает вывод, что около 43 % рабочих и служащих страны жили впроголодь. Самые низкооплачиваемые рабочие получали менее

100 рублей, то есть намного ниже прожиточного минимума. Крайне низкий уровень заработной платы привел к тому, что на январь 1946 г. только 71,1 % демобилизованных из армии приступил к труду, несмотря на стремления правительства задействовать как можно большее число рабочих рук.

В работе проанализированы социально-экономические последствия проводимой властью в послевоенные годы политики снижения цен. Автором показана прямая зависимость между снижением цен, осуществляемым правительством в значительной степени за счет сельского товаропроизводителя, и стабильностью советского рубля.

Один из выводов работы состоит в том, что экономический курс советского руководства в аграрном секторе в полной мере соответствовал задачам социальной государственной политики, основная сущность которой в послевоенный период сводилась к новому наступлению на частного производителя. Это вывод подтверждается не только архивными материалами, но и работами современных исследователей. Жители села всегда воспринимались партийным руководством в качестве основного демографического ресурса на нужды индустриализации. Послевоенный период в этом отношении не являлся исключением, тем более что задачи экономического противостояния с развитыми капиталистическими странами обязывали перегруппировать социальные слои общества в пользу промышленного пролетариата. Мощным ускорителем процесса бегства из деревни стал голод 1946-1947 гг. Под влиянием, в первую очередь, материальных условий жизни, миграция сельского населения в города продолжалась и в последующие годы. Так, только за 1949-

1953 годы количество трудоспособных колхозников в колхозах уменьшилось на 3,3 млн. человек.

Массовая миграция из деревни носила характер пассивного сопротивления социальной и экономической политике государства. Понимание собственного бессилия, неспособности повлиять на сложившуюся систему общественных отношений, вылилось в массовый отток населения в города, который следует расценивать, прежде всего, как реакцию на безнадежное положение, в котором оказалась деревня. Ситуация осложнялась тем, что в результате миграции аграрное производство теряло наиболее перспективную часть трудовых ресурсов, главным образом, молодежь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ***I. Архивные материалы******Государственный архив Российской Федерации***

Ф. Р-9425.

Ф. А-374.

Ф. 117.

Ф. 5446.

Ф. 5608.

Ф. 8131.

Ф. 9492.

Российский государственный архив новейшей истории

Ф. 5.

Ф. 89.

Российский государственный архив социально-политической истории

Ф. 17.

Ф. 591.

Российский государственный архив экономики

Ф. 4372.

Ф. 7486.

Ф. 8040.

Ф. 8591.

Ф. 8899.

Ф. 9476.

II. Законодательные акты СССР и документы государственных организаций

1. Конституция СССР. Принята в 1936 году. М. 1948.
2. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М. 1977.
3. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. В 4-х т. 1946-1952 гг. М. 1958.
4. Всесоюзное совещание работников МТС, созванное ЦК КПСС и СМ СССР. Материалы совещания. М. 1954.
5. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917-1957 гг. Сб. документов. М. 1957.
6. Об идеологической работе КПСС. Сборник документов. М. 1947.
7. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. Т. 1. М. 1975.
8. Исключить всякие упоминания...: Очерк истории советской цензуры. М. 1995.
9. История советской политической цензуры: Документы и комментарии. М. 1997. 672 с.
10. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М. 1976. 144 с.
11. Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938-1946 гг. Сельхозгиз. 1948.
12. Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Статсборник. М. 1990.

13. Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. Статистический ежегодник. М. 1965.
14. Документы свидетельствуют ... // Вопросы лит. 1997. № 5.
15. Народное хозяйство СССР в 1959 г. Статистический ежегодник. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР. 1959.
16. Народное хозяйство СССР. Статистический сборник. М. 1956.
17. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференциях и Пленумах ЦК. М. 1954.
18. Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. М. 1948.
19. Постановление пленума ЦК ВКП (б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период». М. 1947.
20. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. В 5 т. 1941-1952 гг. М. 1968.
21. Сборник руководящих материалов по колхозному строительству. М. 1948.
22. Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М. 1946.
23. Страна Советов за 50 лет: сборник статей и материалов. М. 1967.

III. Монографии и публикации

- Александров А.П. Годы с Курчатовым. // Наука и жизнь. 1983. № 2.

Александров А.П. Как делали бомбу. // Известия. 1988. 28 июля.

Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск. Институт истории РАН. 1993. С. 140-142.

Антошин Ю.Г., Анисков В.Т. Совхозы Западной Сибири в годы первой пятилетки. Новосибирск. 1971. С. 146-148.

Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М. 1963. С. 318.

Асташенков П. Академик Королев // Москва. 1969. № 12. С. 167.

Берия С.Л. Мой отец – Лаврентий Берия. М.: Современник. 1994.

Богденко М.Л. Совхозы СССР. 1951-1958 гг. М. 1972. С. 176.

Боффа Дж. История Советского Союза. В 2-х томах. Т. 2. М. 1990. С. 468-469.

Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964-1994. М. 1996. С. 31.

Вербицкая О.М. Изменения численности и состава колхозного крестьянства РСФСР в первые послевоенные годы (1946-1950). М. 1992.

Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М. 1992.

Внешняя торговля СССР (1919-1966 гг.): Сб. ст. М. 1967. С. 88-89.

Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период отечественной войны. М. 1948.

Волков И.М. Засуха, голод 1946-1947 годов // История СССР. 1991. №4. С. 3-9.

Волков И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946-1950 годах. М. 1972. С. 21.

Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. М. 1990. т. 2.

Всесоюзное совещание работников МТС, созванное ЦК КПСС и СМ СССР. Материалы совещания. М. 1954. С. 45.

Вылцан М. Колхозный строй накануне Великой Отечественной войны // История СССР. 1962. № 1 . С. 47.

Вылцан М.А. Восстановление и развитие материально-технической базы сельского хозяйства // Советская деревня в первые послевоенные годы. М. 1978.

Вылцан М.Д., Тюрина А.П. Изменение численности населения и трудовых ресурсов советской деревни на важнейших этапах социалистического строительства. 1917-1983 гг. // Население и трудовые ресурсы советской деревни. 1987. С.10.

Вылцан М.Д., Тюрина А.П. Изменение численности населения и трудовых ресурсов советской деревни на важнейших этапах социалистического строительства. 1917-1983 гг. // Население и трудовые ресурсы советской деревни. 1987.

Гвоздев Б.И. Изменения в составе рабочего класса СССР в первые послевоенные годы (1945-1948 гг.) // Вестник МГУ. М. 1971. № 5.

Голованов Я.И. Королев: Факты и мифы. М.: Наука. 1994.

Горбатов А.В. Годы и войны. 2-е изд. М. 1980. С. 72.

ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918 – 1960. Под ред. А.Н. Яковлева. М.: МФД. 2000.

Гуревич А.Я. «Путь прямой, как Невский проспект» или исповедь историка // Одиссей. 1992. С 10.

Данилов А.А. Сталинское Политбюро в послевоенные годы. В кн.: Политические партии. Страницы истории. М. 2000.

Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М.: Росспэн. 2001.

Данилов В.П. Социальная структура советской деревни: по данным Всесоюзной переписи населения 1959 и 1970 гг. // Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР. М. 1976. С. 277.

Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960-1980 гг. М. 1996. С. 140.

Денисович М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930-1985 гг.). Екатеринбург. 1991.

Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. В 4-х т. Т. 3. 1958. С. 483-484.

Димони Т.М. Социальный протест в колхозной деревне 1945-1960 гг. Дисс. канд. и.н. Вологда. 1996. С. 57.

Димони Т.М. Социальный протест в колхозной деревне. 1945-1960. Вологда. 1996; Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946-1953 гг. Тамбов. 2000. С. 193.

Дифференцированная оплата трудодня // Социалистическое земледелие. 29 августа. 1946.

Долгов В.С. Разукрупнение колхозов в первые послевоенные годы. (1945-1950 гг.) // Проблемы Отечественной истории. Сб. ст. М. 1973.

Дьячков И.В. Общественное и личное в колхозах. М. 1968.

Еремеев В.Н. Колхозный трудодень. М. 1948.

Ефремов С.Д. Экономика сельского хозяйства Удмуртии. Ижевск. 1971.

Ефремов С.Д. Экономика сельского хозяйства Удмуртии. Ижевск. 1971

Жуков Ю.Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М.: «Терра». 2000.

Зверев А.Г. Записки министра. М. 1973.

Зеленин И.Е. Совхозы СССР (1941-1950). М. 1969. С. 320-323.

Зима В.Ф. «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х - начала 50-х годов). // Отечественная история. 1994. № 3. С. 103-125.

Зима В.Ф. «Второе раскулачивание» (аграрная политика конца 40-х - начала 50-х гг.) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 8.

Зима В.Ф. Голод в СССР 1946-1947 гг.: происхождение и последствия. М. 1996.

Зинич М.С. Будни военного лихолетья 1941-1945. М.: ИРИ РАН. 1994. С.75.

Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М. 1999.

Из суждений советских людей о послевоенных проблемах и о жизни в СССР // История Отечества в документах. 1945-1993. М. 1995. С. 17.

Исторический архив. 1962. № 6. С. 23.

История России. XX век. М. 1997. С. 488.

История социалистической экономики СССР. М. 1972. Т. 5.

Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда. 1996. С. 153.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М. 1985. Т. 7.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Ч. III. изд. 7. М. 1954. С. 504.

Лосев Д.В. Партийные организации Центрального Черноземья в борьбе за развитие сельского хозяйства. (1945-1964 гг.). 1965. С. 29-32.

Мазур Л.Н. Некоторые проблемы состояния колхозной демократии в первые послевоенные годы (на материалах Свердловской области) // Социальная активность тружеников уральской советской деревни. Свердловск. 1990. С. 76.

Макиавелли Н. Собр. соч. Т. 1. М. 1992. С. 134.

Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. М. 1964; Макарова И.В. Подсобное хозяйство колхозников. М. 1973.

Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР. М. 1964. С. 267.

Малиновский Р.Я. Выступление на XXIII съезде КПСС // XXIII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 1. С. 411.

Марьяхин Г.Л. Налоги и сборы с колхозов и населения. М. 1949.

Марьяхин Г.Л. Налоги и сборы с колхозов и населения. М. 1949.

Микоян А.И. Так было. размышления о минувшем. М.: Вагриус. 1999.

Москвин В. Советская торговля в третьем году пятилетки // Большевик. 1948. № 15.

Мяло К. Оборванная чить // Новый мир. 1988. № 8.

Народное хозяйство РСФСР в 1964 году. Статистический ежегодник. М. 1965. С. 11.

Народное хозяйство СССР в 1959 г. Статистический ежегодник. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР. 1959. С. 246.

Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Статсборник. М. 1990. С. 202.

Народное хозяйство СССР. Статистический сборник. М. 1956. С. 66-68.

Неизвестная Россия. XX век. М. 1992. Кн. 2.

Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941 гг. М. 1998.

Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. Саратов. Изд. СГУ. 1967.

Первухин М.Г. Первые годы атомного проекта // Химия и жизнь. 1985. № 5.

Первухин М.Г. У истоков урановой эпопеи // Техника – молодежи. 1975. № 6, № 7.

Попов В.П. Голод и государственная политика (1946-1947 гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 46.

Попов В.П. Экономическая политика советского государства. (1946-1953 гг.). Тамбов. 2000.

Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина // Исторический архив. 1995. № 5. № 6.

Постановление пленума ЦК ВКП (б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период». 1947 г.

Режим личной власти Сталина. К истории формирования // Под ред. Ю.С. Кукушкина. М. 1989.

Сборник руководящих материалов по колхозному строительству. М. 1948. С. 186.

Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. М. 1989.

Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950 гг. М. 1996.

Симонов Н.С. Создание в СССР военной промышленности и формирование советского военно-промышленного комплекса (1920-1950 гг.). Проблемы экономического роста, структура, организация производства, управление. М. 1999.

Советский Союз: история власти. 1945-1991 гг. М. 1998.

Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал» // Под редакцией Ю.Н. Афанасьева и В.С. Лельчука. М. 1997. Т. 2.

Солоневич И.Л. Собр. соч. М. 1993. С. 241.

Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М.: Госполитиздат. 1948.

Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР. М. 1976. С. 25.

СССР и холодная война // Под ред. В.С. Лельчука, Е.И. Пивовара. М. 1995. 312 с.

Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. 1948. С. 46.

Стариков Е. Маргиналы, или размышления на старую тему: «Что с нами происходит?» // Знамя. 1989. № 10. С. 133.

Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М.: Терра. 1991.

Толмачева Р.П. Повышение материального уровня колхозников Урала в 1946-1958 гг. // Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни (1917-1985 гг.). Сб. науч. тр. Свердловск. 1988. С. 75-84.

Тюрина А.П. Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства. 1946-1958 гг. М. 1973. С. 101.

Фармазян Р.А. Издержки сверхвооруженности и эффект конверсии // Драма обновления. М. 1990. С. 196.

Фуров В.Г. Забота КПСС о повышении благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства. М. 1960.

Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М. 1996.

Хлусов М.И. Развитие советской индустрии. 1946-1958. М. 1977. С. 102.

Хрестоматия по Отечественной истории (1946-1995). М. 1996. С. 8.

Хрущев Н.С. Воспоминания. М.: Вагриус. 1997.

Хрущев Н.С. За прочный мир и мирное существование. М. 1956. С. 262-263.

Шалак А.В. Условия жизни населения Восточной Сибири (1940-1950 гг.). Дисс. д.и.н. Иркутск. 1999. С. 257.

Шафаревич И.Р. Сочинения. В 3 т. Т. 1. М. 1994. С. 346.

Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. В 2-х т. Т. 2. М. 1958. С. 626.

Шмелев Г.И. Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. М. 1971.

Шмелев Г.И. Распределение и использование труда в колхозах. М. 1964.

Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны в 1930-е годы. М. 1998.

Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М.: Правда. 1983. С. 19.

IV. Мемуары

1. Гуревич А.Я. «Путь прямой, как Невский проспект», или исповедь историка // Одиссей. 1992.
2. Зверев А.Г. Записки министра. М. 1973.
3. Лихачев Д.С. Я вспоминаю. М. 1991.
4. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990, №№ 2-12; 1991, №№ 1-12; 1992, №№ 1-3, 6-9, 11-12; 1993, №№ 2-10; 1994, №№ 1-8, 10-12; 1995, №№ 2-4, 5-6.
5. Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М. 1988.
6. Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. // Новый мир. 1991. № 6.
7. Твардовский А. Из рабочих тетрадей (1953-1960) // Знамя. 1989. № 8.
8. Хрущев Н.С. Воспоминания. М. 1997.
9. Чуковский К.И. Дневник (1930-1969). М. 1994.
10. Шепилов Д.Т. Воспоминания // Вопросы истории. 1998. № 3.

V. Список периодических изданий

1. Большевик.
2. Вестник Академии наук СССР.
3. Возрождение. Париж.
4. Вопросы истории.

5. Вопросы экономики.
6. Знамя.
7. Известия ЦК КПСС.
8. Известия.
9. Исторический архив.
10. Коммунист.
11. Комсомольская правда.
12. Курская правда.
13. Ленинское знамя.
14. Литературная газета.
15. Литературная Россия.
16. Молодой коммунист.
17. Наука и жизнь.
18. Независимая газета.
19. Новый мир.
20. Огонек.
21. Правда.
22. Российская газета.
23. Советская культура.
24. Советская Россия.
25. Социалистическое земледелие.
26. Труд.